Конан Дойл

Собака Баскервилей

Артур Игнатиус Конан Дойл

Аннотация
Дойль Артур Конан. Собака Баскервилей. Приключеніе Шерлока Холмса. Конанъ Дойля. съ англійскаго переводъ Е. Н. Ломиковской
I. Мистеръ Шерлокъ Холмсъ
II. Проклятіе надъ Баскервилями
III. Задача
IV. Сэръ Генри Баскервиль
V. Три порванныя нити
VI. Баскервиль-голль
VII. Стапльтоны изъ Меррипитъ-гауза
VIII. Первое донесеніе доктора Ватсона
IX. Второе донесеніе доктора Ватсона. Свѣтъ на болотѣ
X. Извлеченіе изъ дневника доктора Ватсона
XI. Человѣкъ на горѣ
XII. Смерть на болотѣ
XIII. Сѣти стягиваются
XIV. Собака Баскервилей
XV. Взглядъ назадъ

Аннотация

Артур Конан Дойл - всемирно известный английский писатель, один из создателей детективного жанра, автор знаменитых повестей и рассказов о Шерлоке Холмсе.

Дойль Артур Конан
Собака Баскервилей
Приключеніе Шерлока Холмса Конанъ Дойля съ англійскаго переводъ Е. Н. Ломиковской

I
Мистеръ Шерлокъ Холмсъ

Мистеръ Шерлокъ Холмсъ, имѣвшій обыкновеніе вставать очень поздно, за исключеніенъ тѣхъ нерѣдкихъ случаевъ, когда вовсе не ложился спать, сидѣлъ за завтракомъ. Я стоялъ на коврикѣ передъ каминомъ и держалъ въ рукахъ трость, которую нашъ посѣтитель забылъ наканунѣ вечеромъ. Это была красивая, толстая палка съ круглымъ набалдашникомъ. Какъ разъ подъ нимъ палку обхватывала широкая (въ дюймъ ширины) серебряная лента, а на этой лентѣ было выгравировано: "Джэмсу Мортимеру, M. R. C. S. отъ его друзей изъ С. С. Н." и годъ "1884". Это была какъ разъ такого рода трость, какую носятъ обыкновенно старомодные семейные доктора, — почтенная, прочная и надежная,

— Что вы съ нею дѣлаете, Ватсонъ?

Холмсъ сидѣлъ ко мнѣ спиной, а я ничѣмъ не обнаружилъ своего занятія.

— Почему вы узнали, что я дѣлаю? У васъ, должно быть, есть глаза въ затылкѣ.

— У меня по крайней мѣрѣ есть хорошо отполированный кофейникъ, и онъ стоитъ передо

мною, — отвѣтилъ онъ. Но скажите мнѣ, Ватсонъ, что вы дѣлаете съ тростью нашего посѣтителя? Такъ какъ мы къ несчастію упустили его визитъ и не имѣемъ понятія о томъ, зачѣмъ онъ приходилъ, то этотъ знакъ памяти пріобрѣтаетъ извѣстное значеніе. Послушаемъ, какое вы составили представленіе о человѣкѣ, разсмотрѣвъ его трость.

— Я думаю, — сказалъ я, пользуясь, насколько могъ, методомъ моего товарища, — что докторъ Мортимеръ удачный пожилой врачъ, пользующійся уваженіемъ, разъ знакомые оказали ему вниманіе этимъ подаркомъ.

— Хорошо! — одобрилъ Холмсъ. Прекрасно!

— Я также думаю, что онъ, вѣроятно, деревенскій врачъ и дѣлаетъ много визитовъ пѣшкомъ.

— Почему?

— Потому что эта трость, очень красивая, когда была новою, до-того исцарапана, что врядъ ли ее могъ бы употреблять городской врачъ. Желѣзный наконечникъ до-того истертъ, что, очевидно, съ нею совершено не малое число прогулокъ.

— Совершенно здраво! — замѣтилъ Холмсъ.

— Затѣмъ на ней выгравировано "отъ друзей изъ С. С. Н.". Я полагаю, что эти буквы означаютъ какую-нибудь охоту (hunt), какое-нибудь мѣстное

общество охотниковъ, членамъ котораго онъ, можетъ бытъ, подавалъ медицинскую помощь, за что они и сдѣлали ему этотъ маленькій подарокъ.

— Право, Ватсонъ, вы превосходите самого себя, — сказалъ Холмсъ, отодвигая стулъ и закуривая папироску. Я долженъ сказать, что во всѣхъ вашихъ любезныхъ разсказахъ о моихъ ничтожныхъ дѣйствіяхъ вы слишкомъ низко оцѣнивали свои собственныя способности. Можетъ быть, вы сами и не освѣщаете, но вы проводникъ свѣта. Нѣкоторые люди, не обладая сами геніемъ, имѣютъ замѣчательную способность вызывать его въ другихъ. Признаюсь, дорогой товарищъ, что я въ большомъ долгу у васъ.

Никогда раньше не говорилъ онъ такъ много, и я долженъ сознаться, что слова его доставили мнѣ большое удовольствіе, потому что меня часто обижало его равнодушіе къ моему восхищенію имъ и къ моимъ попыткамъ предать гласности его методъ. Я также гордился тѣмъ, что настолько усвоилъ его систему, что примѣненіемъ ея заслужилъ его одобреніе. Холмсъ взялъ у меня изъ рукъ трость и разсматривалъ ее нѣсколько минутъ невооруженнымъ глазомъ. Затѣмъ, съ выраженіемъ возбужденнаго интереса на лицѣ,

онъ отложилъ папиросу и, подойдя съ тростью къ окну, сталъ ее снова разсматривать въ лупу.

— Интересно, но элементарно, — произнесъ онъ, садясь въ свой любимый уголокъ на диванѣ. Есть, конечно, одно или два вѣрныхъ указанія относительно трости. Они даютъ намъ основаніе для нѣсколькихъ выводовъ.

— Развѣ я упустилъ что-нибудь изъ вида? — спросилъ я съ нѣкоторою самонадѣянностью. Полагаю, — ничего важнаго?

— Боюсь, дорогой Ватсонъ, что большинство вашихъ заключеній ошибочно. Я совершенно искренно сказалъ, что вы вызываете во мнѣ мысли, и, замѣчая ваши заблужденія, я случайно напалъ на истинный слѣдъ. Я не говорю, что вы вполнѣ ошиблись. Человѣкъ этотъ, безъ сомнѣнія, деревенскій врачъ, и онъ очень много ходитъ.

— Такъ я былъ правъ.

— Настолько, да.

— Но это же и все.

— Нѣтъ, нѣтъ, милый Ватсонъ, не все, далеко не все. Я, напримѣръ, сказалъ бы, что подарокъ доктору сдѣланъ скорѣе отъ госпиталя, чѣмъ отъ охотничьяго общества, и разъ передъ этимъ госпиталемъ поставлены буквы С. С., то само собою напрашиваются на умъ слова "Чэрингъ-Кроссъ"

(Charing-Cross Hospital).

— Вы, можетъ бытъ, правы.

— Все говоритъ за такое толкованіе. И если мы примемъ его за основную гипотезу, то будемъ имѣть новыя данныя для возстановленія личности этого неизвѣстнаго посѣтителя.

— Ну такъ, предлолагая, что буквы С. С. Н. должны означать Чэрингъ-Кросскій госпиталь, какіе же мы можемъ сдѣлать дальнѣйшіе выводы?

— Развѣ вы не чувствуете, какъ они сами напрашиваются? Вы знакомы съ моею системой — примѣняйте ее.

— Для меня ясно только одно очевидное заключеніе, что человѣкъ этотъ практиковалъ въ городѣ, прежде чѣмъ переѣхать въ деревню.

— Мнѣ кажется, что мы можемъ пойти нѣсколько дальше. Продолжайте въ томъ-же направленіи. По какому случаю вѣроятнѣе всего могъ бытъ сдѣланъ этотъ подарокъ? Когда друзья его могли сговориться, чтобы доказать ему свое расположеніе? Очевидно, въ тотъ моментъ, когда докторъ Мортимеръ покидалъ госпиталь съ тѣмъ, чтобы заняться частной практикой. Мы знаемъ, что былъ сдѣланъ подарокъ. Мы полагаемъ, что докторъ Мортимеръ промѣнялъ службу въ городскомъ госпиталѣ на деревенскую

практику. Такъ будетъ ли слишкомъ смѣлымъ выводъ, сдѣланный изъ этихъ двухъ посылокъ, что докторъ получилъ подарокъ по случаю этой перемѣны?

— Конечно, это, повидимому, такъ и было.

— Теперь замѣтьте, что онъ не могъ бытъ въ штатѣ госпиталя, потому что только человѣкъ съ прочно установившеюся практикою въ Лондонѣ могъ занимать такое мѣсто, а такой человѣкъ не ушелъ бы въ деревню. Кѣмъ же онъ былъ? Если онъ занималъ мѣсто въ госпиталѣ, а между тѣмъ не входилъ въ его штатъ, то онъ могъ быть только врачомъ или хирургомъ куратором, — немногимъ болѣе студента старшаго курса. Онъ ушелъ изъ госпиталя пять лѣтъ назадъ, — годъ обозначенъ на трости. Такимъ образомъ, милый Ватсонъ, вашъ почтенный, пожилой семейный врачъ улетучивается, и является молодой человѣкъ не старше тридцати лѣтъ, любезный, не честолюбивый, разсѣянный и обладатель любимой собаки, про которую я въ общихъ чертакъ скажу, что она больше терьера и меньше мастифа.

Я недовѣрчиво засмѣялся, когда Шерлокъ Холмсъ, сказавъ это, прислонился къ дивану и стадъ выпускать къ потолку колечки дыма.

— Что касается до вашего послѣдняго предположенія, то я не имѣю средствъ его провѣрить, — сказалъ я, — но, по крайней мѣрѣ, не трудно найти нѣкоторыя свѣдѣнія о возрастѣ и профессіональной карьерѣ этого человѣка,

Съ моей небольшой полки медицинскихъ книгъ я взялъ врачебный указатель и открылъ его на имени Мортимеръ; ихъ было нѣсколько, но только одно изъ нихъ могло относиться къ нашему посѣтителю. Я прочелъ вслухъ слѣдующія свѣдѣнія о немъ:

"Мортимеръ, Джэмсъ, M. R. C. L., 1882, Грпмпенъ, Дартмуръ, De von, врачъ-кураторъ, съ 1882 по 1884 въ Чэрингъ-Кросскомъ госпиталѣ. Получилъ Джаксоновскую премію за сравнительную патологію съ этюдомъ подъ заглавіемъ: "Наслѣдственна ли болѣзнъ?" Членъ кореспондентъ шведскаго патологическаго общества, авторъ статей: "Нѣсколько причудъ атавизма" (Ланцетъ, 1882), "Прогрессируемъ ли мы?" (Психологическій журналъ, мартъ, 1883 г.). Служитъ въ приходахъ Гримпенъ, Торелей и Гай Барро".

— Ни малѣйшаго намека, Ватсонъ, на мѣстное общество охотниковъ, — сказалъ Холмсъ съ саркастическою улыбкою, — но деревенскій врачъ, какъ вы проницательно замѣтили. Я ду-

маю, что мои выводы достаточно подтверждены. Что же касается до приведенныхъ мною прилагательныхъ, то, если не ошибаюсь, они были: любезный, нечестолюбивый и разсѣянный. Я по опыту знаю, что въ этомъ мірѣ только любезный человѣкъ получаетъ знаки вниманія, только не честолюбивый покидаетъ лондонскую карьеру для деревенской практики и только разсѣянный оставляетъ, вмѣсто визитной карточки, свою трость, прождавъ васъ въ вашей комнатѣ цѣлый часъ.

— А собака?

— Имѣла обыкновеніе носить за своимъ господиномъ эту трость. Такъ какъ эта трость тяжела, то собака крѣпко держала ее за середину, гдѣ ясно видны слѣды ея зубовъ. Пространство, занимаемое этими слѣдами, показываетъ что челюсть собаки велика для терьера и мала для мастпфа. Это, должно быть... ну да, конечно, это кудрявый спаньель.

Холмсъ всталъ съ дивана и, говоря такимъ образомъ, ходилъ по комнатѣ. Затѣмъ онъ остановился у окна. Въ его голосѣ звучала такая увѣренность, что я съ удивленіемъ взглянулъ на него.

— Милый другъ, какъ вы можете быть такъ

увѣрены въ этомъ?

— По той простой причинѣ, что я вижу собаку на порогѣ нашей двери, а вотъ и звонокъ ея господина. Пожалуйста, не уходите, Ватсонъ. Онъ вашъ коллега, и ваше присутствіе можетъ быть полезнымъ для меня. Наступилъ, Ватсонъ, драматическій моментъ, когда вы слышите на лѣстницѣ шаги человѣка, который долженъ внести что-то въ вашу жизнь, и вы не знаете, къ добру ли это или нѣтъ. Что нужно доктору Джэмсу Мортимеру, человѣку науки, отъ Шерлока Холмса. спеціалиста по преступленіямъ? — войдите.

Видъ нашего посѣтителя удивилъ меня, потому что я ожидалъ типичнаго деревенскаго врача. Онъ былъ очень высокаго роста, тонкій, съ длиннынъ носомъ, похожимъ на клювъ, выдававшимся между двумя острыми, сѣрыми глазами, близко поставленными и ярко блестѣвшими изъ-за очковъ въ золотой оправѣ. Онъ былъ одѣтъ въ профессіональный, но неряшливый костюмъ: его сюртукъ былъ грязноватъ, а брюки потерты. Хотя онъ былъ еще молодъ, но спина его уже была сгорблена, и онъ шелъ, нагнувъ впередъ голову, съ общимъ выраженіемъ пытливой благосклонности. Когда онъ вошелъ, взглядъ его упалъ на трость въ рукахъ Холмса, и онъ подбѣ-

жалъ къ ней съ радостнымъ возгласомъ:

— Какъ я доволенъ! Я не былъ увѣренъ, здѣсь ли я ее оставилъ или въ пароходной конторѣ. Я бы не хотѣлъ ни за что на свѣтѣ потерять эту трость.

— Это, какъ видно, подарокъ, — сказалъ Холмъ.

— Да, сэръ...

— Отъ Чэрингъ-Кросскаго госпиталя?

— Отъ нѣсколькихъ друзей, служащихъ тамъ, по случаю моей свадьбы.

— Ай, ай, это скверно, — сказалъ Холмсъ, качая головой.

Глаза доктора Мортамера блеснули сквозь очки кроткимъ удивленіемъ.

— Почему же это скверно?

— Только потому, что вы разбили наши маленькіе выводы. По случаю вашей свадьбы, говорите вы?

— Да, сэръ. Я женился и оставилъ госпиталь, а вмѣстѣ съ нимъ и всякія надежды на практику консультанта. Это было необходимо для того, чтобы я могъ завести свой собственный домашній очагъ.

— Ага, такъ мы въ сущности уже не такъ ошиблись, — сказалъ Холмсъ. Итакъ, докторъ Джэмсъ Мортимеръ...

— Мистеръ, сэръ, мистеръ… скромный врачъ.

— И очевидно человѣкъ съ точнымъ мышленіемъ.

— Пачкунъ въ наукѣ, мистеръ Холмсъ, собиратель раковинъ на берегахъ великаго неизслѣдованнаго океана. Полагаю, что я обращаюсь къ мистеру Шерлоку Холмсу, а не…

— Нѣтъ, это мой другъ, докторъ Ватеонъ.

— Очень радъ, что встрѣтилъ васъ, сэръ. Я слышалъ ваше имя въ связи съ именемъ вашего друга. Вы очень интересуете меня, мистеръ Холмсъ. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ увидѣть такой доликоцефальный черепъ и столь хорошо выраженное развитіе надглазной кости. Вы ничего не будете имѣть, если я проведу пальцемъ по вашему теменному шву? Снимокъ съ вашего черепа, пока оригиналъ его еще дѣятеленъ, составилъ бы украшеніе всякаго антропологическаго музея. Я вовсе не намѣренъ быть неделикатнымъ, но признаюсь, что жажду вашего черепа.

Шерлокъ Холмсъ указалъ странному посѣтителю на стулъ и сказалъ:

— Я вижу, сэръ, что вы восторженный поклонникъ своей идеи, какъ и я своей. Я вижу по вашему указательному пальцу, что вы сами скручиваете себѣ папиросы. Не стѣсняйтесь курить.

Посѣтитель вынулъ изъ кармана табакъ и бумажку, и съ поразительною ловкостью скрутилъ папироску. У него были длинные дрожащіе пальцы, столь же подвижные и безпокойные, какъ щупальцы насѣкомаго.

Холмсъ молчалъ, но его быстрые взгляды доказывали мнѣ, насколько онъ интересуется нашимъ удивительнымъ гостемъ.

— Я полагаю, сэръ, — сказалъ онъ, наконецъ, — что вы сдѣлали мнѣ честь придти сюда вчера вечеромъ и опять сегодня не съ исключительной цѣлью изслѣдовать мой черепъ?

— Нѣтъ, сэръ, нѣтъ, хотя я счастливъ, что получилъ и эту возможность. Я пришелъ къ вамъ, мистеръ Холмсъ, потому, что признаю себя непрактичнымъ человѣкомъ и потому, что я внезапно сталъ лицомъ къ лицу съ очень серіозной и необыкновенной задачей. Признавая васъ вторымъ экспертомъ въ Европѣ…

— Неужели, сэръ! Могу я васъ спросить, кто имѣетъ честь быть первымъ? — спросилъ Холмсъ нѣсколько рѣзко.

— Но точно научный умъ Бертильона будетъ всегда имѣть сильное вліяніе.

— Такъ не лучше ли вамъ посовѣтоваться съ нимъ?

— Я говорилъ, сэръ, объ умѣ точно научномъ. Что же касается до практически дѣлового человѣка, то всѣми признано, что вы въ этомъ отношеніи единственный. Надѣюсь, сэръ, что я неумышленно не…

— Немножко, — сказалъ Холмсъ. Я думаю, докторъ Мортимеръ, что вы сдѣлаете лучше, если, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, будете добры просто изложить мнѣ, въ чемъ заключается задача, для разрѣшенія которой требуется моя помощь.

II
Проклятіе надъ Баскервилями

— У меня въ карманѣ рукопись, — началъ Джэмсъ Мортимеръ.

— Я это замѣтилъ, какъ только вы вошли въ комнату, — сказалъ Холмсъ.

— Это старая рукопись.

— Не новѣе восемнадцатаго столѣтія, если это только не поддѣлка.

— Какъ могли вы это узнать, сэръ?

— Все время, пока вы говорили, изъ вашего кармана выглядывало дюйма два этой рукописи. Плохимъ былъ бы я экспертомъ, если бы не могъ указать на эпоху документа съ точностью приблизительно до десяти лѣтъ. Можетъ быть, вы читали мою небольшую монографію объ этомъ. Я отношу этотъ документъ къ 1730 году.

— Точная его дата 1742. При этомъ докторъ Мортимеръ вынулъ документъ изъ кармана. Эта фамильная бумага была мнѣ довѣрена сэромъ Чарльзомъ Баскервилемъ, внезапная и загадочная смерть котораго около трехъ мѣсяцевъ назадъ произвела такое возбужденіе въ Девон-

ширѣ. Я могу сказать, что былъ его другомъ и врачомъ. Это былъ, сэръ, человѣкъ сильнаго ума, строгій, практичный и съ столь же мало развитымъ воображеніемъ, какъ у меня самого. Между тѣмъ онъ серіозно отнесся къ этому документу, и его умъ былъ подготовленъ къ постигшему его концу.

Холмсъ протянулъ руку за рукописью и разгладилъ ее на своемъ колѣнѣ.

— Замѣтьте, Ватсонъ, перемежающіеся длинные и короткіе "S". Это одно изъ нѣсколькихъ указаній, давшихъ мнѣ возможность спредѣлить дату.

Я посмотрѣлъ изъ-за его плеча на желтую бумагу и поблекшее письмо. Въ заголовкѣ было написано: "Баскервиль-голль", а внизу, — большими цифрами нацарапано: "1742".

— Это имѣетъ видъ какого-то разсказа.

— Да, это разсказъ одной легенды, которая въ ходу въ семействѣ Баскервиль.

— Но, насколько я понимаю, вы желаете посовѣтоваться со мною о чемъ-то болѣе современномъ и практичномъ?

— О самомъ современномъ. О самомъ практическомъ спѣшномъ дѣлѣ, которое должно быть рѣшено въ двадцать четыре часа. Но рукопись не

длинная и тѣсно связана съ дѣломъ. Съ вашего позволенія я прочту ее вамъ.

Холмсъ прислонился къ спинкѣ кресла, сложилъ вмѣстѣ кончики пальцевъ обѣихъ рукъ и закрылъ глаза съ выраженіемъ покорности. Докторъ Мортимеръ повернулъ рукопись къ свѣту и сталъ читать высокимъ, надтреснутымъ голосомъ слѣдующій любопытный разсказъ:

"Много говорилось о происхожденіи Баскервильской собаки, но такъ какъ я происхожу по прямой линіи отъ Гюго Баскервиля, и такъ какъ я слышалъ эту исторію отъ моего отца, а онъ отъ своего, то я изложилъ ее съ полною увѣренностью, что она произошла именно такъ, какъ тутъ изложена. И я бы желалъ, чтобы вы, сыновья мои, вѣрили въ то, что та же самая Справедливость, которая наказываетъ грѣхъ, можетъ также милостиво простить его, и что нѣтъ того тяжелаго проклятія, которое бы не могло быть снято молитвою и раскаяніемъ. Такъ научитесь изъ этого разсказа не страшиться плодовъ прошлаго, но скорѣе быть предусмотрительными на счетъ

будущаго, дабы скверныя страсти, отъ которыхъ такъ жестоко пострадалъ нашъ родъ, не были снова распущены на нашу погибель.

"Итакъ, знайте, что во время великаго возстанія (на исторію котораго, написанную ученымъ лордомъ Кларендономъ, я долженъ серіозно обратить ваше вниманіе) помѣстье Баскервиля находилось во владѣніи Гюго Баскервиля, самаго необузданнаго, нечестиваго безбожника. Эти качества сосѣди простили бы и ему, потому что они никогда не видѣли, чтобы святые процвѣтали въ этой мѣстности, но онъ отличался такимъ жестокимъ развратомъ, что имя его сдѣлалось притчей на всемъ Западѣ. Случилось такъ, что Гюго полюбилъ (если можно выразить столь прекраснымъ словомъ его гнусную страсть) дочь зажиточнаго крестьянина, арендовавшаго земли близъ Баскервильскаго помѣстья. Но молодая дѣвушка, скромная и пользовавшаяся добрымъ именемъ, постоянно избѣгала его, страшась его дурной славы.

"Однажды, въ день Михаила Архангела,

Гюго съ пятью или шестью изъ своихъ бездѣльныхъ и злыхъ товарищей прокрался на ферму и похитилъ дѣвушку, пока отецъ ея и братья были въ отсутствіи, что ему было прекрасно извѣстно. Дѣвушку привезли въ замокъ и помѣстили въ комнатѣ верхняго этажа, а Гюго и его друзья предались, по своему обыкновенію, продолжительной ночной оргіи. Между тѣмъ бѣдная дѣвушка, слыша пѣсни, крики и страшную ругань, доходившія до нея снизу, чуть съ ума не сошла, потому что, когда Гюго Баскервиль былъ пьянъ, то, говорятъ, употреблялъ такія слова, которыя могли сразить человѣка, слышавшаго ихъ. Наконецъ доведенная до крайняго ужаса? она сдѣлала то, что устрашило бы самаго храбраго мужчину: при помощи плюща, покрывавшаго (и по нынѣ покрывающаго) южную стѣну, она спустилась съ карниза и побѣжала черезъ болото по направленію къ фермѣ своего отца, отстоявшей отъ замка на девять миль.

"Немного позднѣе Гюго вздумалъ отнести своей гостьѣ поѣсть и попить, — а

можетъ быть и еще что-нибудь худшее, и нашелъ клѣтку пустою, — птичка улетѣла. Имъ тогда точно овладѣлъ дьяволъ, и онъ, бросившись внизъ, вбѣжалъ въ столовую, вскочилъ на большой столъ, опрокидывая бутылки и кушанья, и закричалъ во все горло, что онъ готовъ въ эту же ночь предать свое тѣло и душу нечистому духу, только бы ему удалось догнать дѣвушку. Кутилы стояли разиня ротъ при видѣ бѣшенства своего хозяина, какъ вдругъ одинъ изъ нихъ, болѣе другихъ злой, а можетъ быть болѣе пьяный, закричалъ, что слѣдовало бы выпустить на нее собакъ. Услыхавъ это, Гюго выбѣжалъ изъ дому и, вызывая конюховъ, приказалъ имъ осѣдлать его кобылу и выпуститъ собакъ. Когда это было сдѣлано, онъ далъ собакамъ понюхать головной платокъ дѣвушки, толкнулъ ихъ на слѣдъ и съ громкимъ крикомъ полетѣлъ по болоту, освѣщенному луной.

"Кутилы продолжали стоять, вытаращивъ глаза, не понимая, что такое было предпринято столь поспѣшно. Но вдругъ ихъ отяжелѣвшіе мозги прояснились,

и они отдали себѣ отчетъ въ томъ, что должно совершиться на болотѣ. Всѣ взволновались: кто требовалъ свой пистолетъ, кто свою лошадь? а кто еще бутылку вина. Наконецъ, они пришли въ себя и всею гурьбою (тринадцать всего человѣкъ) сѣли на лошадей и пустились догонять Гюго. Мѣсяцъ ясно свѣтилъ надъ ними, и они быстро скакали всѣ рядомъ по тому направленію, по которому обязательно должна была бѣжать дѣвушка, если она хотѣла вернуться домой.

"Они проскакали двѣ-три мили, когда встрѣтили одного изъ ночныхъ пастуховъ на болотѣ и спросили его, не видалъ ли онъ охоты, Исторія гласитъ, что человѣкъ этотъ былъ до-того пораженъ страхомъ, что еле могъ говорить, но, наконецъ, сказалъ, что видѣлъ несчастную дѣвушку и собакъ, бѣжавшихъ по ея слѣдамъ. "Но я видѣлъ еще больше этого, — прибавилъ онъ, — Гюго Баскервиль обогналъ меня на своей вороной кобылѣ, а за нимъ молча бѣжала собака, — такое исчадіе ада, какое не дай мнѣ Богъ никогда видѣть за своими пятами". Пьяные

помѣщики выругали пастуха и продолжали свой путь. Но вскорѣ по ихъ кожѣ пробѣжали мурашки, потому что они услыхали быстрый стукъ копытъ и тотчасъ же увидѣли на болотѣ скакавшую мимо нихъ вороную кобылу, забрызганную бѣлой пѣной, съ волочащимися поводьями и пустымъ сѣдломъ. Кутилы собрались тѣснѣе другъ къ другу, потому что ихъ обдалъ страхъ, но они все-таки продолжали подвигаться по болоту, хотя каждый, будъ онъ одинъ, радъ былъ бы повернуть обратно. Они ѣхали медленно и, наконецъ, добрались до собакъ. Хотя онѣ всѣ были знамениты своею смѣлостью и дрессировкой, однако же, тутъ, собравшись въ кучу, выли надъ выемкой въ болотѣ, нѣкоторыя отскакивали отъ нея, другія же, дрожа и вытаращивъ глаза, смотрѣли внизъ.

"Компанія, протрезвившаяся, какъ можно думать, остановилась. Большинство всадниковъ ни за что не хотѣло двигаться дальше, но трое изъ нихъ, самыхъ смѣлыхъ, а можетъ-быть и самыхъ пьяныхъ, спустились во впадину. Передъ

ними открылось широкое пространство, на которомъ стояли большіе камни, видимые тамъ еще и теперь и поставленные здѣсь въ древнія времена какимъ-нибудь забытымъ народомъ Мѣсяцъ ярко освѣщалъ площадку, и въ центрѣ ея лежала несчастная дѣвушка, упавшая сюда мертвою отъ страха и усталости. Но волосы поднялись на головахъ трехъ дьявольски смѣлыхъ бездѣльниковъ не отъ этого вида и даже не отъ того, что тутъ же, рядомъ съ дѣвушкою, лежало тѣло Гюго Баскервиля, а потому, что надъ Гюго стояло, трепля его за горло, отвратительное существо, похожее на собаку, но несравненно крупнѣе когда-либо видѣнной собаки. Пока всадники смотрѣли на эту картнну, животное вырвало горло Гюго Баскервиля и повернуло къ нимъ голову съ горящими глазами и разинутою челюстью, съ которой капала кровь. Всѣ трое вскрикнули отъ ужаса и ускакали, спасая жизнь, и долго крики ихъ оглашали болото. Одинъ изъ нихъ, говорятъ, умеръ въ ту же ночь отъ того, что онъ видѣлъ, а двое остальныхъ на всю жизнь остались

разбитыми людьми.

"Такова, сыновья мои, легенда о появленіи собаки, которая съ тѣхъ поръ была, говорятъ, бичомъ нашего рода. Изложилъ я ее, потому что извѣстное менѣе внушаетъ ужаса, чѣмъ предполагаемое и угадываемое. Нельзя также отрицать, что многіе изъ нашего рода погибли неестественною смсртью, — внезапной, кровавой и таинственной. Но предадимся защитѣ безконечно благостнаго Провидѣнія, которое не будетъ вѣчно наказывать невиннаго дальше третьяго или четвертаго поколѣнія, какъ угрожаетъ Священное Писаніе. А потому я поручаю васъ, сыновья мои, этому Провидѣнію и совѣтую вамъ ради предосторожности не проходить по болоту въ темные часы ночи, когда властвуетъ нечистая сила.

(Отъ Гюго Баскервиля его сыновьямъ Роджеру и Джону, съ предупрежденіемъ ничего не говорить объ этомъ сестрѣ своей Елизаветѣ)".

Когда докторъ Мортимеръ окончилъ чтеніе этого страннаго разсказа, онъ сдвинулъ на лобъ

свои очки и пристально уставился въ Шерлока Холмса. Послѣдній зѣвнулъ и бросилъ окурокъ своей папироски въ камннъ.

— Ну? — спросилъ онъ.

— Развѣ вы не находите это интереснымъ?

— Для собирателя волшебныхъ сказокъ.

Докторъ Мортимеръ вьшулъ изъ кармана сложенную газету и сказалъ:

— Теперь, мистеръ Холмсъ, мы вамъ дадимъ нѣчто болѣе современное. Это "Хроника графства Девонъ" отъ 14-го мая нынѣшняго года. Она заключаетъ въ себѣ краткое сообщеніе о фактахъ, сопровождавшихъ смерть сэра Чарльза Баскервиля.

Мой другъ нагнулся нѣсколько впередъ, и на лицѣ его выразилось напряженное вниманіе. Нашъ посѣтитель поправилъ очки и началъ читать:

> "Недавняя скоропостижная смерть сэра Чарльза Баскервиля, котораго называли вѣроятнымъ кандидатомъ на ближайшихъ выборахъ отъ Средняго Девона, набросила мрачную тѣнь на всю страну. Хотя сэръ Чарльзъ жилъ въ своемъ помѣстьѣ Баскервиль сравнительно

недолго, но его любезность и крайняя щедрость привлекли къ нему любовь и уваженіе всѣхъ, кто приходилъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Въ настояще дни, изобилующіе nouveaux riches, утѣшительно видѣть, когда потомокъ старой фамиліи графства, претерпѣвшей тяжелые дни, способенъ самъ составить свое состояніе и вернуть своему роду его былое величіе. Извѣстно, что сэръ Чарльзъ пріобрѣлъ большой капиталъ спекуляціями въ Южной Африкѣ. Благоразумнѣе тѣхъ, кто не останавливается, пока колесо фортуны не повернется противъ нихъ, онъ реализировалъ свои барыши и вернулся съ ними въ Англію. Онъ только два года назадъ поселился въ Баскервилѣ, и всѣ говорятъ объ его широкихъ планахъ перестройки и усовершенствованій, прерванныхъ его смертью. Самъ бездѣтный, онъ громко выражалъ желаніе, чтобы, еще при его жизни, вся эта часть графства получала выгоду отъ его благосостоянія, и многія имѣютъ личныя причины оплакивать его преждевременную кончину. О его щедрыхъ пожертвованіяхъ на благо-

творительныя дѣла мѣстныя и во всемъ графствѣ часто говорилось на столбцахъ нашей газеты.

"Нельзя сказать, чтобы обстоятельства, связанныя со смертью сэра Чарльза, были вполнѣ выяснены слѣдствіемъ, но, по крайней мѣрѣ, многое сдѣлано для того, чтобы опровергнуть слухи, вызванные мѣстнымъ суевѣріемъ. Какъ бы то ни было, нѣтъ ни малѣйшаго повода подозрѣвать злодѣяніе или чтобы смерть произошла отъ чего-нибудь иного, кромѣ самыхъ естественныхъ причинъ. Сэръ Чарльзъ былъ вдовецъ, и можно сказать, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ былъ эксцентричнымъ человѣкомъ: не смотря на свое богатство, онъ имѣлъ очень скромные вкусы, и весь его домашній штатъ прислуги въ замкѣ Баскервиль состоялъ изъ супруговъ Барриморъ, — мужъ былъ дворецкій, а жена экономкой. Изъ ихъ показаній, подкрѣпленныхъ свидѣтельствомъ нѣсколькихъ друзей, видно, что за послѣднее время здоровье сэра Чарльза стало ослабѣвать и что у него была какая-то болѣзнь сердца,

проявлявшаяся измѣненіями цвѣта лица, удушьемъ и острыми приступами нервнаго упадка силъ. Докторъ Джэмсъ Мортимеръ, другъ и врачъ покойнаго, показалъ то же самое.

"Обстоятельства, связанныя съ этимъ случаемъ, очень просты. Сэръ Чарльзъ Баскервиль имѣлъ обыкновеніе передъ сномъ прогуливаться по знаменитой тисовой аллеѣ. Барриморы свидѣтельствовали о такой привычкѣ его. 14-го мая сэръ Чарльзъ объявилъ о своемъ намѣреніи ѣхать на другой день въ Лондонъ и приказалъ Барримору уложить вещи. Вечеромъ онъ отправился на свою обыкновенную ночную прогулку, въ продолженіе которой имѣлъ привычку курить сигару. Съ этой прогулки ему не суждено было вернуться. Въ двѣнадцать часовъ ночи, видя, что дверь въ переднюю все еще открыта, Барриморъ сталъ безпокоиться и, засвѣтивъ фонарь, отправился на поиски своего господина. День былъ сырой, и слѣды сэра Чарльза были ясно видны на аллеѣ. На полпути по этой аллеѣ есть калитка, выходящая

на болото. Видно было, что сэръ Чарльзъ останавливался тутъ не надолго, затѣмъ продолжалъ свою прогулку по аллеѣ, и въ самомъ концѣ ея было найдено его тѣло. Туть есть одинъ только необъясненный фактъ, а именно показаніе Барримора о томъ, что, за калиткой, слѣды шаговъ сэра Чарльса измѣнили свой характеръ, и казалось, будто онъ шелъ не полной ступней, а только на носкахъ. Нѣкто Мерфи, цыганъ-барышникъ, находился въ то время на болотѣ, недалеко отъ калитки, но, по собственному его признанію, онъ былъ мертвецки пьянъ. Онъ заявилъ, что слышалъ крики, но не былъ въ состояніи опредѣлить, откуда они шли. На тѣлѣ сэра Чарльза не было обнаружено никакихъ знаковъ насилія и, хотя свидѣтельство доктора указывало на невѣроятное почти искаженіе лица (настолько сильное, что докторъ Мортимеръ сразу не узналъ своего друга и паціента), но было выяснено, что такой симптомъ бываетъ въ случаяхъ удушья и смерти отъ паралича сердца. Такое объясненіе было дано при вскрытіи, доказавшемъ, что сэръ Чарльзъ

давно страдалъ органическимъ порокомъ сердца, и слѣдователь постановилъ свое рѣшеніе на основаніи медицинскихъ показаній. Хорошо, что все такъ объяснилось, потому что крайне важно, чтобы наслѣдникъ сэра Чарльза поселился въ замкѣ и продолжалъ доброе дѣло, столь грустно прерванное. Если бы прозаическій выводъ слѣдователя не положилъ конца романическимъ исторіямъ, которыя нашептывались по поводу этой смерти, то трудно было бы найти владѣтеля для Баскервиля. Говорятъ, что ближайшій родственникъ и наслѣдникъ — сэръ Генри Баскервиль, сынъ младшаго брата сэра Чарльза. По послѣднимъ извѣстіямъ, молодой человѣкъ былъ въ Америкѣ, и теперь собираются свѣдѣнія о немъ для того, чтобы имѣть возможность сообщить ему о его наслѣдствѣ".

Докторъ Мортимеръ сложилъ газету и положилъ ее обратно въ карманъ.

— Таковы, мистеръ Холмсъ, обнародованные факты, относящіеся къ смерти сэра Чарльза Баскервиля.

— Я долженъ принести вамъ свою благодарность, — сказалъ Шерлокъ Холмсъ, — за то, что вы привлекли мое вниманіе на случай, который представляетъ, конечно, нѣсколько интересныхъ данныхъ. Я въ то время видѣлъ мелькомъ нѣсколько газетныхъ сообщеній объ этомъ, но былъ занятъ маленькимъ дѣломъ о ватиканской камеѣ и, въ своемъ желаніи угодить папѣ, упустилъ изъ вида нѣсколько интересныхъ англійскихъ дѣлъ. Въ этой статьѣ, говорите вы, заключаются всѣ обнародованные факты?

— Да.

— Такъ сообщите мнѣ интимныя свѣдѣнія.

Съ этими словами Холмсъ снова прислонился къ спинкѣ кресла, сложилъ концы пальцевъ и принялъ самое безстрастное судейское выраженіе.

— Дѣлая это, — сказалъ Мортимеръ, начинавшій выказывать сильное волненіе, — я говорю то, чего никогда никому не довѣрялъ. Одинъ изъ мотивовъ, по которому я это скрылъ отъ слѣдствія, заключается въ томъ, что человѣку науки крайне непріятно быть заподозрѣннымъ въ томъ, что онъ раздѣляетъ народное суевѣріе. Вторымъ мотивомъ было то, что Баскервильское помѣстье, какъ говоритъ о томъ газета, осталось бы безъ

владѣльца, если бы что-нибудь усилило его и безъ того мрачную репутацію. По обѣимъ этимъ причинамъ я думалъ, что имѣлъ право сказать менѣе, чѣмъ зналъ, разъ практически ничего хорошаго не вышло бы изъ моей откровенности, но отъ васъ у меня нѣтъ никакой причины скрывать что бы то ни было.

— Болото очень мало населено, и тѣ, кто живутъ по сосѣдству другъ съ другомъ, находятся въ постоянномъ сношеніи. Поэтому я часто видѣлся съ сэромъ Чарльзомъ Баскервилемъ. За исключеніемъ мистера Франкланда изъ Лафтаръ-голля и мистера Стапльтона — натуралиста, нѣтъ ни одного интеллигентнаго человѣка на много миль. Сэръ Чарльзъ велъ уединенную жизнь, но его болѣзнь свела насъ, а эту связь поддерживала общность нашихъ интересовъ въ наукѣ. Онъ привезъ съ собою изъ Южной Африки много научныхъ свѣдѣній, и не мало провели мы прелестныхъ вечеровъ, разсуждая о сравнительной анатоміи бушмэна и готтентота.

— Въ послѣдніе мѣсяцы для меня становилось все яснѣе и яснѣе, что нервы сэра Чарльза были до послѣдней крайности натянуты. Прочитанная мною вамъ легенда настолько подѣйствовала на него, что хотя онъ ходилъ по всему пространству

своихъ владѣній, но ничто не могло бы его заставить пойти ночью на болото. Какъ бы это ни казалось невѣроятнымъ вамъ, мистеръ Холмсъ, онъ былъ искренно убѣжденъ, что ужасный рокъ тяготѣетъ надъ его родомъ, и, конечно, то, что онъ разсказывалъ о своихъ предкахъ, не могло дѣйствовать успокоительно. Его постоянно преслѣдовала мысль о присутствіи чего-то отвратительнаго, и не разъ спрашивалъ онъ меня, не видѣлъ ли я во время своихъ врачебныхъ странствованій какого-нибудь страннаго существа или не слыхалъ ли я лая. Послѣдній вопросъ ставилъ онъ мнѣ нѣсколько разъ, и всегда голосъ его при этомъ дрожалъ отъ волненія.

— Я хорошо помню, какъ недѣли за три до рокового происшествія я пріѣхалъ къ нему. Онъ стоялъ у выходной двери. Я сошелъ съ брички и, стоя протнвъ него, увидѣлъ, что его глаза были устремлены за мое плечо, и въ нихъ читался страшный ужасъ. Я оглянулся и успѣлъ только мелькомъ замѣтить что-то такое, что я принялъ за болыпого чернаго теленка, пробѣжавшаго сзади экипажа. Сэръ Чарльзъ былъ такъ взволнованъ и испуганъ, что я бросился къ мѣсту, на которомъ видѣлъ животное, чтобы поймать его. Но оно исчезло, и это происшествіе произвело,

казалось, на сэра Чарльза самое тягостное впечатлѣніе. Я просидѣлъ съ нимъ весь вечѳръ и по этому случаю, ради того, чтобы объяснить свое волненіе, онъ вручилъ мнѣ на храненіе рукопись съ повѣстью, которую я вамъ прочиталъ. Я упоминаю объ этомъ маленькомъ эпизодѣ потому, что онъ пріобрѣтаетъ нѣкоторое значеніе въ виду происшедшей впослѣдствіи трагедіи, но въ то время я былъ убѣжденъ, что случай самый обыкновенный и что волненіе сэра Чарльза не имѣло никакого основанія.

— Это я ему посовѣтовалъ отаравиться въ Лондонъ. Я зналъ, что сердце его было не въ порядкѣ, и постоянный страхъ, подъ которымъ онъ находился, какъ бы ни была химерична его причина, очевидно, имѣлъ сильное вліявіе на его здоровье. Я думалъ, что послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ городскихъ развлеченіяхъ, онъ вернется къ намъ обновленнымъ человѣкомъ. Мистеръ Стапльтонъ, нашъ общій другъ, также безпокоившійся о состояніи его здоровья, былъ того же мнѣнія. Въ послѣднюю минуту передъ отъѣздомъ случилась ужасная катастрофа.

— Въ ночь смерти сэра Чарльза, дворецкій Барриморъ, нашедшій его тѣло, послалъ конюха Перкинса верхомъ за мною, и такъ какъ

я еще не ложился спать, то черезъ часъ послѣ происшествія былъ уже въ замкѣ Баскервиль. Я провѣрилъ и подтвердилъ всѣ факты, которые были упомянуты на слѣдствіи. Я прослѣдилъ за отпечатками шаговъ по тисовой аллеѣ; я видѣлъ мѣсто у калитки, ведущей въ болото, на которомъ, повидимому, стоялъ сэръ Чарльзъ; я замѣтилъ измѣненіе формы слѣдовъ, начиная съ этого пункта, и удостовѣрился, что на мягкомъ гравіѣ не было никакихъ больше слѣдовъ, кромѣ Барримора, и, наконецъ, я тщательно осмотрѣлъ тѣло, котораго не трогали до моего прибытія. Сэръ Чарльзъ лежалъ ничкомъ, съ распростертыми руками, пальцы его впились въ землю, и черты лица были до-того искажены какимъ-то сильнымъ потрясеніемъ, что я бы не далъ тогда клятвы въ томъ, что вижу именно его. На тѣлѣ дѣйствительно не оказалось никакихъ знаковъ насилія. Но одно показаніе Барримора на слѣдствіи было неправильнымъ. Онъ сказалъ, что на землѣ вокругъ тѣла не было никакихъ слѣдовъ. Онъ не замѣтилъ никакихъ, я же замѣтилъ… на нѣкоторомъ разстояніи отъ тѣла, но свѣжіе и отчетливые.

— Слѣды шаговъ?

— Шаговъ.

— Мужчины или женщины?

Докторъ Мортимеръ какъ-то странно посмотрѣлъ на насъ, и голосъ его понизился почти до шопота, когда онъ отвѣтилъ:

— Мистеръ Холмсъ, я видѣлъ слѣды шаговъ гигантской собаки.

III
Задача

Признаюсь, при этихъ словахъ я содрогнулся. Да и въ голосѣ доктора слышалось легкое дрожаніе, доказывавшее, что и онъ глубоко взволнованъ тѣмъ, что намъ разсказалъ. Холмсъ, возбужденный, нагнулся впередъ, и глаза его блестѣли тѣмъ жесткимъ, сухимъ блескомъ, какой всегда принималъ его взглядъ, когда онъ бывалъ сильно заинтересованъ.

— Вы ихъ видѣли?

— Такъ же ясно, какъ вижу васъ.

— И вы ничего не сказали?

— Къ чему?

— Какимъ образомъ могло случиться, что никто, кромѣ васъ, не видѣлъ ихъ?

— Отпечатки эти находились въ двадцати приблизительно ярдахъ отъ тѣла, и никто не подумалъ о нихъ. Полагаю, что и я бы не обратилъ на нихъ вниманія, если бы не зналъ легенды.

— На болотѣ много овчарокъ?

— Конечно, но то была не овчарка.

— Вы говорите, собака была большая.

— Громадная.

— Но она не подходила къ тѣлу?

— Нѣтъ.

— Какая была погода въ ту ночь?

— Ночь была сырая.

— Но дождь не шелъ?

— Нѣтъ.

— Какой видъ имѣетъ аллея?

— Она состоитъ изъ двухъ линій тисовыхъ живыхъ непроницаемыхъ изгородей, двѣнадцати футовъ высоты. Дорожка между ними имѣетъ приблизительно восемь футовъ ширины.

— Есть ли что-нибудь между изгородями и дорожкою?

— Да, между нѣми тянется съ обѣихъ сторонъ полоска травы около шести футовъ ширины.

— Я понялъ, что въ аллею есть доступъ черезъ калитку, продѣланную въ изгороди?

— Да, черезъ калитку, которая выходитъ на болото.

— Существуетъ ли какое-нибудь другое отверстіе въ изгороди?

— Нѣтъ никакого.

— Такъ что, для того, чтобы войти въ тисовую аллею, надо спуститься отъ дома или войти черезъ калитку съ болота?

— Есть еще выходъ — черезъ бесѣдку на дальнемъ концѣ.

— Дошелъ ли сэръ Чарльзъ до нея?

— Нѣтъ, онъ лежалъ въ пятидесяти, приблизительно, ярдахъ отъ нея.

— Теперь скажите мнѣ, докторъ Мортимеръ, это очень важно: видѣнные вами слѣды были отпечатаны на дорожкѣ, а не на травѣ?

— На травѣ нельзя было видѣть никакихъ слѣдовъ.

— Были ли они на сторонѣ калитки?

— Да, на краю дорожки, съ той же стороны, гдѣ и калитка.

— Вы чрезвычайно заинтересовали меня. Еще вопросъ. Была ли заперта калитка?

— Заперта на замокъ.

— Какъ высока она?

— Около четырехъ футовъ.

— Такъ что можно перелѣзть черезъ нее?

— Да.

— Не видѣли ли вы какихъ-нибудь слѣдовъ у самой калитки?

— Ничего особеннаго.

— Царь Небесный! И никто не изслѣдовалъ это мѣсто?

— Я самъ осмотрѣлъ его.

— И ничего не нашли?

— Я былъ очень смущенъ. Было очевидно, что сэръ Чарльзъ стоялъ тутъ въ продолженіе пяти или десяти минутъ.

— Почему вы это узнали?

— Потому что пепелъ съ его сигары успѣлъ упасть два раза.

— Прекрасно. Это, Ватсонъ, коллега намъ по душѣ. Но слѣды?

— На всемъ этомъ маленькомъ кусочкѣ гранія были видны одни только его слѣды. Я не видѣлъ никакихъ иныхъ.

Шерлокъ Холмсъ ударилъ себя по колѣну съ выраженіемъ досады и воскликнулъ:

— Ахъ, отчего меня тамъ не было! Это, очевидно, необыкновенно интересное дѣло и такого рода, что оно представляетъ обширное поле для дѣйствій научному эксперту. Эта страница гранія, на которой я могъ бы прочесть такъ много, давно уже стерта дождемъ и тяжелыми сапогами любопытныхъ мужиковъ. Ахъ, докторъ Мортимеръ, докторъ Мортимеръ! Какъ это вы меня не призвали туда! На васъ поистинѣ лежитъ большая отвѣтственность.

— Я не могъ васъ призвать, мистеръ Холмсъ, не обнаруживъ этихъ фактовъ во всеобщее

свѣдѣніе, а я уже высказалъ вамъ причины, по которымъ не хотѣлъ этого сдѣлать. Кромѣ того, кромѣ того…

— Почему вы колеблетесь?

— Есть область, въ которой самый проницательный и опытный сыщикъ безпомощенъ.

— Вы хотите сказать, что дѣло это сверхъестественное?

— Я этого собственно не сказалъ.

— Да, но, очевидно, думаете.

— Мистеръ Холмсъ! Со времени этой трагедіи до моего свѣдѣнія дошло нѣсколько инцидентовъ, которые трудно примирить съ естественнымъ порядкомъ вещей.

— Напримѣръ?

— Я узналъ, что до этого ужаснаго происшествія нѣсколько человѣкъ видѣли на болотѣ существо, соотвѣтствующее этому Баскервильскому демону, существо, которое не можетъ быть ни однимъ животнымъ, извѣстнымъ наукѣ. Всѣ, кто видѣлъ его, говорили, что это громадное существо, свѣтящееся, отвратительное и похожее на призракъ. Я разспрашивалъ всѣхъ этихъ людей: одинъ изъ нихъ крестьянинъ, съ крѣпкой головою, другой кузнецъ, третій фермеръ на болотѣ, и всѣ они говорятъ одно и то же объ этомъ странномъ

привидѣніи, и то, что они рисуютъ, въ точности соотвѣтствуетъ адской собакѣ изъ легенды. Увѣряю васъ, что въ округѣ царитъ ужасъ, и отваженъ тотъ человѣкъ, который рѣшится пройти ночью по болоту.

— И вы, человѣкъ науки, вѣрите въ то, что тутъ дѣйствуетъ сверхъестественная сила?

— Я не знаю, что думать.

Холмсъ пожалъ плечами и сказалъ:

— До сихъ поръ мои изслѣдованія ограничивались этимъ міромъ. Я въ скромныхъ размѣрахъ боролся противъ зла, но выступить противъ самого отца зла было бы, пожалуй, слишкомъ самонадѣянно съ моей стороны. Однако же вы должны допустить, что слѣды ногъ были матеріальны.

— Собака-легенда была настолько матеріальна, что могла перегрызть человѣку горло, а между тѣмъ она была исчадіемъ діавола.

— Я вижу, что вы совершенно перешли на сторону сверхъестественниковъ. Но, докторъ Мортимеръ, вотъ что вы мнѣ скажите: если вы придерживаетесь такихъ взглядовъ, зачѣмъ вы пришли ко мнѣ за совѣтомъ? Вы говорите мнѣ, что безполезно разслѣдовать смерть сэра Чарльза, и одновременно просите меня это сдѣлать.

— Я не сказалъ, чтобы вы произвели разслѣдованіе.

— Такъ чѣмъ же я могу помочь вамъ?

— Совѣтомъ, что мнѣ дѣлать съ сэромъ Генри Баскервилемъ. который прибудетъ на станцію Ватерлоо (докторъ Мортимеръ посмотрѣлъ на свои часы) ровно черезъ часъ съ четвертью.

— Наслѣдникъ?

— Да. По смерти сэра Чарльза мы собрали справки объ этомъ молодомъ человѣкѣ и узнали, что онъ занимался фермерствомъ въ Канадѣ. Изъ добытыхъ о немъ свѣдѣній оказывается, что онъ во всѣхъ отношеніяхъ превосходный малый. Теперь я говорю не какъ врачъ, а какъ душеприказчикъ сэра Чарльза.

— Я полагаю, что нѣтъ больше претендентовъ на наслѣдство?

— Нѣтъ. Единственный еще родственникъ, о которомъ намъ удалось узнать, — Роджеръ Баскервиль, младшій изъ трехъ братьевъ, изъ которыхъ бѣдный сэръ Чарльзъ былъ старшимъ. Второй братъ, давно умершій, отецъ молодого Генри. Третій, Роджеръ, бымъ уродомъ семьи. Въ немъ текла кровь древняго властнаго рода Баскервилей, и говорятъ, что онъ походилъ, какъ двѣ капли воды, на фамильный портретъ стара-

го Гюго. Онъ такъ велъ себя, что ему пришлось бѣжать изъ Англіи, и онъ умеръвъ 1876 г. въ Центральной Америкѣ отъ желтой лихорадки. Генри послѣдній Баскервиль. Черезъ часъ и пять минутъ я его встрѣчу на Ватерлооской станціи. Я получилъ телеграмму о томъ, что онъ прибудетъ сегодня утромъ въ Саутгэмптонъ. Такъ что же вы посовѣтуете мнѣ, мистеръ Холмсъ, дѣлать съ нимъ?

— Почему не отправиться ему въ домъ своихъ предковъ?

— Да, это кажется естественнымъ, не правда ли? А между тѣмъ возьмите въ соображеніе, что всѣхъ Баскервилей, жившихъ тамъ, постигалъ злой рокъ. Я увѣренъ, что если бы сэръ Чарльзъ могъ говорить со мною въ моментъ своей смерти, онъ попросилъ бы меня не привозить въ это проклятое мѣсто послѣдняго въ родѣ и наслѣдника крупнаго состоянія. Однако же, нельзя отрицать, что благосостояніе всей бѣдной, мрачной мѣстности зависитъ отъ его присутствія. Все добро, сдѣланное сэромъ Чарльзомъ, пропадетъ даромъ, если не будетъ хозяина въ Баскервиль-голлѣ. Изъ боязни, что мною будетъ руководить мой собственный, очевидный интересъ въ этомъ дѣлѣ, я и пришелъ вамъ разсказать все и попросить

вашего совѣта.

Холмсъ подумалъ нѣкоторое время, затѣмъ сказалъ:

— Говоря простыми словами, вы того мнѣнія, что какое-то дьявольское навожденіе дѣлаетъ изъ Дартмура опасное мѣсто для потомка Баскервилей, не правда ли?

— По крайней мѣрѣ я утверждаю, что обстоятельства указываютъ на то.

— Прекрасно. Но если ваше мнѣніе о сверхъестественномъ правильно, то оно можетъ нанести зло молодому человѣку такъ же легко въ Лондонѣ, какъ и въ Девонширѣ. Чортъ съ чисто мѣстною властью, на подобіе приходскаго управленія, былъ бы слишкомъ непостижимымъ явленіемъ.

— Вы отнеслись бы къ дѣлу не такъ легко, мистеръ Холмсъ, если бы вамъ пришлось лично войти въ соприкосновеніе съ данными обстоятельствами. Такъ ваше мнѣніе таково, что безопасность молодого человѣка будетъ такъ же обезпечена въ Девонширѣ, какъ и въ Лондонѣ. Онъ пріѣдетъ черезъ пятьдесятъ минутъ. Что вы посовѣтуете?

— Я совѣтую вамъ, сэръ, взять кэбъ, позвать вашего спаньеля, который царапается у парадной двери, и поѣхать на Ватерлооскую станцію

навстрѣчу сэра Генри Баскервиля.

— А затѣмъ?

— А затѣмъ вы ровно ничего не скажете ему, пока я не обдумаю дѣло.

— А какъ долго вы будете обдумывать его?

— Двадцать четыре часа. Я буду очень обязанъ вамъ, докторъ Мортимеръ, если завтра утромъ, въ десять часовъ, вы придете сюда ко мнѣ и приведете съ собою сэра Генри Баскервиля; это было бы полезно для моихъ будущихъ плановъ.

— Я это исполню, мистеръ Холмсъ.

Онъ записалъ назначенное свиданіе на манжеткѣ своей рубашки и поспѣшно вышелъ свойственной ему странной походкой. Холмсъ остановилъ его на верхней площадкѣ лѣстницы словами:

— Еще одинъ только вопросъ, докторъ Мортимеръ. Вы сказали, что передъ смертью сэра Чарльза Баскервиля нѣсколько человѣкъ видѣли привидѣніе на болотѣ?

— Трое видѣли его.

— А послѣ этого видѣлъ ли его кто-нибудь?

— Я ничего не слыхалъ объ этомъ.

— Благодарю васъ. Прощайте!

Холмсъ вернулся къ своему креслу съ тѣмъ спокойнымъ выраженіемъ внутренняго довольства,

которое означало, что ему предстоитъ симпатичная работа.

— Вы уходите, Ватсонъ?

— Да, если я вамъ не нуженъ.

— Нѣтъ, другъ мой, я только въ минуту дѣйствія обращаюсь за вашею помощью. Но это роскошное дѣло положительно единственное съ извѣстныхъ точекъ зрѣнія. Не будете ли вы добры, когда пойдете мимо Брадлея, сказать ему, чтобы онъ прислалъ мнѣ фунтъ самаго крѣпкаго табака? Благодарю васъ. Было бы лучше, если бы вы нашли удобнымъ не возвращаться до вечера. А тогда мнѣ будетъ очень пріятно сравнить наши впечатлѣнія о крайне интересной задачѣ, которую предложили сегодня утромъ на наше рѣшеніе.

Я зналъ, что одиночество необходимо для моего друга въ часы интенсивной умственной сосредоточенности, въ продолженіе которыхъ онъ взвѣшиваетъ всѣ частицы доказательствъ, строитъ различныя заключенія, взаимно ихъ провѣряетъ и рѣшаетъ, какіе пункты существенно важны и какіе не имѣютъ значенія. Поэтому я провелъ день въ клубѣ и только вечеромъ вернулся въ улицу Бекеръ.

Было около девяти часовъ, когда я входилъ

въ нашу гостиную, и первымъ моимъ впечатлѣніемъ было, что у насъ пожаръ: комната до-того была полна дымомъ, что свѣтъ лампы, стоявшей на столѣ, имѣлъ видъ пятна. Но когда я вошелъ, то успокоился, такъ какъ закашлялся отъ ѣдкаго табачнаго дыма. Сквозь туманъ смутно обрисовалась фигура Холмса въ халатѣ; онъ сидѣлъ, скорчившись въ креслѣ, съ черною глиняною трубкою въ зубахъ. Вокругъ него лежало нѣсколько свертковъ бумагъ.

— Что, простудились, Ватсонъ? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, я кашляю отъ отравленной атмосферы.

— Да, теперь, какъ вы сказали, и я нахожу ее нѣсколько тяжелою.

— Тяжелою! Она невыносима!

— Такъ откройте окно. Я вижу, что вы цѣлый день были въ вашемъ клубѣ.

— Милый Холмсъ!

— Развѣ я не правъ?

— Конечно, правы, но какъ...?

Онъ засмѣялся отъ моего недоумѣнія.

— Вы распространяете вокругъ себя, Ватсонъ, такую восхитительную свѣжесть, что пріятно упражнять свои небольшія способности на вашъ

счетъ. Джентльменъ выходитъ изъ дому въ дождливую погоду и грязь; возвращается же онъ вечеромъ со шляпою и сапогами, не утратившими свой лоскъ. Значить, онъ цѣлый день не двигался. У него нѣтъ близкихъ друзей. Гдѣ же могъ онъ быть? Развѣ это не очевидно?

— Да, пожалуй, что и очевидно.

— Свѣтъ полонъ очевидностей, которыхъ никто не замѣчаетъ. Какъ вы думаете, гдѣ былъ я?

— Также не двигались съ мѣста.

— Напротивъ, я былъ въ Девонширѣ.

— Мысленно?

— Именно. Мое тѣло оставалось въ этомъ креслѣ и, какъ я, къ сожалѣнію, вижу, истребило въ мое отсутствіе двѣ большихъ кружки кофе и невѣроятное количество табаку. Когда вы ушли, я послалъ къ Стамфорду за артиллерійскою картою этой части болота, и мой умъ цѣлый день бродилъ по нему. Я могу похвастать, что не заблужусь на его дорогахъ.

— Это карта большого масштаба, вѣроятно?

— Очень большого. Онъ развернулъ часть ея на своихъ колѣняхъ. Здѣсь вотъ тотъ участокъ, который насъ интересуетъ, а вотъ и Баскервильголлъ въ серединѣ.

— Съ лѣсомъ вокругъ него?

— Именно. Я полагаю, что тисовая аллея, не обозначенная на картѣ подъ этимъ названіемъ, идетъ вдоль этой линіи, съ болотомъ на правой ея сторонѣ, какъ вы видите. Эта кучка строеній, — деревушка Гримпенъ, въ которой живетъ нашъ другъ, докторъ Мортимеръ; на пять миль въ окружности, какъ вы видите, находится очень немного разбросанныхъ жилищъ. Вотъ Лафтаръ-голлъ, о которомъ было упомянуто въ разсказѣ. Тутъ обозначенъ домъ, который, можетъ быть, принадлежитъ натуралисту Стапльтону, если я вѣрно припомнилъ его имя. Здѣсь двѣ фермы на болотѣ, — Гай-Торъ и Фаульмайръ. А въ четырнадцати миляхъ далѣе находится большая Принцъ-таунская тюрьма. Между и вокругъ этихъ разбросанныхъ пунктовъ лежитъ мрачное, безжизненное болото. Тутъ, наконецъ, находится сцена, на которой разыгралась трагедія, и на которой мы попробуемъ ее воспроизвести.

— Это, должно быть, дикое мѣсто.

— Да, обстановка подходящая. Если чортъ желалъ вмѣшаться въ дѣла людей...

— Такъ, значитъ, и вы склоняетесь къ сверхъестественному объясненію?

— А развѣ агентами дьявола не могутъ быть созданія изъ мяса и крови? Теперь для начала намъ

поставлено два вопроса: первый — не совершено ли здѣсь преступленія, второй — какого рода это преступленіе, и какъ оно совершено? Конечно, если предположеніе доктора Мортимера вѣрно, и мы имѣемъ дѣло съ силами, не подчиненными простому закону природы, то тутъ и конецъ нашимъ разслѣдованіямъ. Но мы обязаны исчерпать всѣ остальныя гипотезы прежде, чѣмъ отступить передъ этой. Я думаю, если вамъ безразлично, закрыть это окно. Удивительное дѣло, но я нахожу, что концентрированная атмосфера способствуетъ концентрированію мыслей. Я не дошелъ до-того, чтобы забираться въ ящикъ для размышленій, но это логическій выводъ изъ моихъ убѣжденій. Обдумали ли вы этотъ случай?

— Да, я много думалъ о немъ въ теченіе дня.

— И что вы думаете о немъ?

— Это дѣло способно поставить въ тупикъ.

— Оно, конечно, имѣетъ свой особенный характеръ. Есть въ немъ отличительные признаки. Напримѣръ, это измѣненіе слѣдовъ. Что вы о немъ думаете?

— Мортимеръ сказалъ, что человѣкъ шелъ на цыпочкахъ по этой части аллеи.

— Онъ только повторилъ то, что какой-то дуракъ сказалъ во время слѣдствія. Ради чего сталъ

бы человѣкъ ходить на цыпочкахъ по аллеѣ?

— Что же это было?

— Онъ бѣжалъ, Ватсонъ, бѣжалъ отчаянно, бѣжалъ, чтобы спасти свою жизнь, бѣжалъ, пока не сдѣлался у него разрывъ сердца, и онъ не упалъ мертвымъ.

— Бѣжалъ отъ чего?

— Въ этомъ-то и заключается наша задача. Есть указанія на то, что онъ былъ пораженъ ужасомъ прежде, чѣмъ принялся бѣжать.

— Какія указанія?

— Я полагаю, что причина его страха появилась съ болота. Если этотакъ, — а это кажется мнѣ самымъ вѣроятнымъ, — то только обезумѣвшій человѣкъ могъ бѣжать отъ дома вмѣсто того, чтобы идти по направленію къ нему. Если давать вѣру показанію цыгана, то сэръ Чарльзъ бѣжалъ съ криками о помощи по тому направленію, откуда менѣе всего можно было её получить. Затѣмъ еще, — кого ожидалъ онъ въ эту ночь, и зачѣмъ онъ его ожидалъ въ тисовой аллеѣ, а не въ собственномъ домѣ?

— Вы думаете, что онъ ожидалъ кого-нибудь?

— Сэръ Чарльзъ былъ пожилой и больной человѣкъ. Мы можемъ допустить, что онъ вышелъ на вечернюю прогужу, но земля была сырая и по-

года неблагопріятная. Естественно ли, чтобы онъ стоялъ въ продолженіе пяти или десяти минутъ, какъ докторъ Мортимеръ, съ большимъ практическимъ смысломъ, чѣмъ я могъ предполагать въ немъ, заключилъ по пеплу сигары?

— Но вѣдь онъ выходилъ каждый вечеръ.

— Не думаю, чтобы онъ каждый вечеръ стоялъ у калитки, ведущей на болото. Напротивъ, очевидно изъ разсказа, что онъ избѣгалъ болота. Въ эту же ночь онъ стоялъ тамъ и ждалъ. Это было наканунѣ дня, назначеннаго для его отъѣзда въ Лондонъ. Дѣло обрисовывается, Ватсонъ. Является послѣдовательность. Могу я васъ попросить передать мнѣ скрипку, и мы отложимъ всѣ дальнѣйшія размышленія объ этомъ дѣлѣ, пока не будемъ имѣть удовольствія увидѣть завтра утромъ доктора Мортимера и сэра Генри Баскервиля.

IV
Сэръ Генри Баскервиль

Нашъ завтракъ былъ рано убранъ, и Холмсъ въ халатѣ ожидалъ обѣщаннаго свиданія. Наши кліенты оказались точными: часы только-что пробили десять, когда въ дверяхъ появился докторъ Мортимеръ, а за нимъ молодой баронетъ. Послѣдній былъ небольшого роста, живой, черноглазый мужчина лѣтъ тридцати, крѣпко сложенный, съ густыми черными бровями и здоровымъ серіознымъ лицомъ. Онъ былъ одѣтъ въ красноватый костюмъ и имѣлъ видъ человѣка, проводившаго большую часть своего времени на воздухѣ, а между тѣмъ въ его рѣшительномъ взглядѣ и въ спокойной увѣренности его манеръ было что-то, обличающее въ немъ джентльмена.

— Это сэръ Генри Баскервиль, — сказалъ докторъ Мортимеръ.

— Вѣрно, — подтвердилъ сэръ Генри, — и странно то, мистеръ Шерлокъ Холмсъ, что, если бы мой другъ не предложилъ мнѣ пойти къ вамъ сегодня утромъ, я самъ по себѣ пришелъ бы. Я знаю, что вы занимаетесь разгадкой маленькихъ загадокъ,

а сегодня утромъ мнѣ попала одна загадка, которая требуетъ большаго обдумыванія, чѣмъ я на то способенъ.

— Садитесь, пожалуйста, сэръ Генри. Вѣрно ли я понялъ, что съ вами лично случилось нѣчто необыкновенное съ тѣхъ поръ, какъ вы пріѣхали въ Лондонъ?

— Ничего особенно важнаго, мистеръ Холмсъ. Нѣчто похожее на шутку. Сегодня утромъ я получилъ это письмо, если только можно это назвать письмомъ.

Онъ положилъ на столъ конвертъ, и мы всѣ нагнулись надъ нимъ. Конвертъ этотъ былъ изъ простой сѣроватой бумаги. Адресъ: "Сэръ Генри Баскервиль, Нортумберландскій отель", былъ напечатанъ неровными буквами; на почтовомъ штемпелѣ было "Чэрингъ-Кроссъ" и число вчерашняго дня.

— Кто зналъ, что вы остановитесь въ Нортумберландскомъ отелѣ? — спросилъ Холмсъ, проницательно всматриваясь въ нашего поеѣтителя.

— Никто не могъ этого знать. Мы рѣшили вмѣстѣ съ докторомъ Мортимеромъ остановиться въ этомъ отелѣ уже послѣ того, какъ я съ нимъ встрѣтился.

— Но, безъ сомнѣнія, докторъ Мортимеръ уже поселился тамъ раньше?

— Нѣтъ, я остановился у одного пріятеля, — сказалъ докторъ. Не могло быть никакихъ указаній на то, что мы намѣрены были отправиться въ этотъ отель.

— Гм! Кто-то, повидимому, глубоко заинтересованъ вашими дѣйствіями.

Холмсъ вынулъ изъ конверта полъ-листа бумаги малаго формата, сложенный вчетверо. Онъ его развернулъ и расправилъ на столѣ. Посерединѣ листа была наклеена отдѣльными печатными словами единственная фраза: "Если вамъ цѣнна ваша жизнь или вашъ разумъ, вы должны держаться далеко отъ болота". Одно только слово "болото" было написано чернилами, но также печатными буквами.

— Теперь, — сказалъ Генри Баскервиль, — вы, можетъ быть, скажете мнѣ, мистеръ Холмсъ, что это значитъ, и какой чортъ такъ интересуется моимидѣлами?

— Что вы объ этомъ думаете, докторъ Мортимеръ? Вы должны допустить, что въ этомъ-то ужъ во всякомъ случаѣ нѣтъ ничего сверхъестественнаго.

— Конечно, сэръ, но это письмо могло быть

получено отъ человѣка. убѣжденнаго въ сверхъестественности этого дѣла.

— Какого дѣла? — рѣзко спросилъ сэръ Генри. Мнѣ кажется, что вы всѣ знаете гораздо больше, чѣмъ я о моихъ собственныхъ дѣлахъ.

— Мы подѣлимся съ вами всѣми нашими свѣдѣніями, прежде чѣмъ вы уйдете изъ этой комнаты, сэръ Генри. Обѣщаю вамъ это, — сказалъ Шерлокъ Холмсъ. А пока съ вашего позволенія мы ограничимся этимъ весьма интереснымъ документомъ, который былъ, по всей вѣроятности, составленъ и сданъ на почту вчера вечеромъ. Нѣтъ ли у васъ вчерашняго "Таймса", Ватсонъ?

— Онъ тутъ въ углу.

— Могу я васъ попросить достать его и развернуть на страницѣ съ передовыми статьями?

Онъ быстро пробѣжалъ глазами столбцы газеты и сказалъ:

— Вотъ отмѣнная статья о свободной торговлѣ. Позвольте мнѣ прочитать вамъ извлеченіе изъ нея. "Если вамъ польстятъ, вы вообразите, что отъ покровительственнаго тарифа должны быть поощрены ваша спеціальная торговля или вашъ собственный промыселъ, но разумъ говоритъ, что отъ такого законодательства благосостояніе будетъ далеко отъ страны, наша ввозная тор-

говля будетъ менѣе цѣнна и жизнь на островѣ въ ея общихъ условіяхъ будетъ держаться на низкомъ уровнѣ". Что вы думаете объ этомъ, Ватсонъ? — воскликнулъ сіяющій Холмсъ, потирая отъ удовольствія руки. Не находите ли вы, что тутъ выражено прекрасное чувство?

Докторъ Мортимеръ посмотрѣлъ на Холмса съ выраженіемъ профессіональнаго интереса, а сэръ Генри Баскервиль съ недоумѣніемъ взглянулъ на меня своими черными глазами и сказалъ:

— Я немного смыслю въ тарифахъ и тому подобномъ, но мнѣ кажется, что мы удалились отъ пути къ объясненію этого письма.

— Напротивъ, сэръ Генри, мы идемъ по самымъ горячимъ слѣдамъ. Ватсонъ больше васъ знакомъ съ моимъ методомъ, но я опасаюсь, что и онъ не вполнѣ понялъ значеніе этой сентенціи.

— Признаюсь, я не понимаю, какое она имѣетъ отношеніе къ письму.

— А между тѣмъ, милый мой Ватсонъ, между ними существуетъ тѣсная связь, одно взято изъ другого. "Если", "вамъ", "вы", "отъ", "должны", "ваша", "вашъ", "разумъ", "далеко", "цѣнна", "жизнь", "держаться". Видите ли вы теперь, откуда эти слова взяты?

— Чортъ возьми, вы правы! Ну, не прелесть ли

это! — воскликнулъ сэръ Генри.

— Право, мистеръ Холмсъ, это превосходитъ все, что я могъ вообразить, — произнесъ докторъ Мортимеръ, смотря съ удивленіемъ на моего друга. Я могъ бы догадаться, что слова взяты изъ газеты, но сказать изъ какой и прибавить, что они взяты изъ передовой статьи, это поистннѣ удивительно. Какъ вы это узнали?

— Я полагаю, докторъ, что вы отличите черепъ негра отъ черепа эскимоса?

— Конечно.

— Но какимъ образомъ?

— Потому что это моя спеціальность. Различіе бросается въ глаза. Надглазная выпуклость, личной уголъ, изгибъ челюсти...

— Ну, а это моя спеціальность, и различіе также бросается въ глаза. На мой взглядъ такая же существуетъ разница между раздѣленнымъ шпонами шрифтомъ боргесомъ, которымъ печатаются статьи "Таймса", и неряшливымъ шрифтомъ дешевой вечерней газетки, какая существуетъ между вашимъ негромъ и эскимосомъ. Распознаваніе шрифтовъ одно изъ самыхъ элементарныхъ знаній эксперта по преступленіямъ, хотя признаюсь, что однажды, когда я былъеще очень молодъ, я смѣшалъ "Leeds Mercury" съ "Western

Morning News". Но передовую статью "Таймса" очень легко отличить, и эти слова не могли быть взяты ни откуда больше. Такъ какъ это сдѣлано вчера, то вѣроятность говоритъ за то, что слова вьтрѣзаны изъ вчерашняго нумера.

— Насколько мнѣ удается слѣдить за вашими мыслями, мистеръ Холмсъ, — сказалъ сэръ Генри Баскервиль, — кто-то вырѣзалъ это посланіе ножницами...

— Ногтяными ножницами, — добавилъ Холмсъ. Видно, что ножницы были очень коротки, такъ какъ слово "держаться" вырѣзано въ два пріема.

— Это вѣрно. И такъ, кто-то вырѣзалъ посланіе короткими ножницами и наклеилъ его клейстеромъ...

— Клеемъ, — поправилъ Холмсъ.

— Клеемъ на бумагу. Но мнѣ хочется знать, почему слово "болото" написано чернилами?

— Потому что не нашли его въ печати. Остальныя слова очень просты и могли быть найдены въ любомъ нумерѣ, но "болото" менѣе обыкновенно.

— Да, конечно, это вполнѣ ясно. Не узнали ли вы еще чего-нибудь изъ этого посланія, мистеръ Холмсъ?

— Есть одно или два указанія, а между тѣмъ при-

няты всѣ мѣры, чтобы скрыть руководящую нить. Вы замѣтили, что адресъ напечатанъ неровными буквами. Но "Таймсъ" такая газета, которую рѣдко можно найти въ чьихъ бы то ни было рукахъ, кромѣ высокообразованныхъ людей. А потому мы можемъ признать, что письмо составлено образованнымъ человѣкомъ, желавшимъ, чтобы его признали за необразованнаго, и его стараніе скрыть свой почеркъ наводитъ на мысль, что этотъ почеркъ вамъ знакомъ или можетъ стать знакомымъ. Еще замѣтьте, что слова не наклеены аккуратно въ одну линію и что нѣкоторыя гораздо выше другихъ. Слово "жизнь" напримѣръ совершенно не на своемъ мѣстѣ. Это доказываетъ, можетъ быть, небрежность, а можетъ быть, волненіе и поспѣшность со стороны составителя. Я склоненъ принять послѣднее мнѣніе, потому что разъ дѣло было такъ важно, то нельзя думать, чтобы составитель письма былъ небреженъ. Если же онъ спѣшилъ, то тутъ является интересный вопросъ, почему онъ спѣшилъ, такъ какъ всякое письмо, брошенное въ почтовый ящикъ до сегодняшняго ранняго утра, дошло бы до сэра Генри раньше его выхода изъ отеля. Не опасался ли составитель письма помѣхи и отъ кого?

— Тутъ мы входимъ уже въ область догадокъ, —

сказалъ докторъ Мортимеръ.

— Вѣрнѣе въ область, въ которой мы взвѣшиваемъ вѣроятности и выбираемъ самую возможную изъ нихъ. Это научное приспособленіе воображенія, но мы всегда имѣемъ матеріальное основаніе, на которомъ строятся наши разсужденія. Вотъ вы, безъ сомнѣнія, назовете это догадкой, а я почти увѣренъ, что этотъ адресъ написанъ въ отелѣ.

— Скажите, Бога ради, какъ вы можете это утверждать?

— Если вы тщательно разсмотрите его, то увидите, что и перо и чернила надѣлали писателю много хлопотъ. Перо брызнуло два раза въ одномъ словѣ и трижды высыхало во время писанія короткаго адреса, что служитъ доказательствомъ того, что въ чернильницѣ было очень мало чернилъ. Частное перо и чернильница рѣдко бываютъ въ такомъ плачевномъ состояніи, а чтобы обѣ эти принадлежности ппсанія были скверныя — обстоятельство, встрѣчающееся весьма рѣдко. Но вы знаете, каковы вообще чернила и перья въ гостиницахъ. Да, я очень мало колеблюсь, говоря, что если бы мы могли обыскивать корзинки для ненужныхъ бумагъ во всѣхъ отеляхъ по сосѣдству съ Чэрингъ-Кроссомъ, пока бы не

напали на остатки вырѣзанной передовой статьи "Таймса", то сразу наложили бы руки на человѣка, пославшаго это оригинальное письмо. Эге! Что это такое?

Онъ тщательно разсматривалъ бумагу, на которой были наклеены слова, держа ее не больше какъ дюйма на два отъ своихъ глазъ.

— Въ чемъ дѣло?

— Ничего, — отвѣтилъ Холмсъ, — опуская бумагу. Это чистый полулистъ бумаги, даже безъ водяного знака. Я думаю, что мы извлекли все, что можно было, изъ этого любопытнаго письма; а теперь, сэръ Генри, не случилось ли еще чего-нибудь интереснаго съ вами съ тѣхъ поръ, какъ вы въ Лондонѣ?

— Нѣтъ, мистеръ Холмсъ. Не думаю.

— Вы не замѣтили, чтобы кто-нибудь слѣдовалъ за вами и караулилъ васъ?

— Мнѣ кажется, что я прямо попалъ въ самый разгаръ дешеваго романа, — отвѣтилъ нашъ гость. Какому чорту нужно слѣдить за мною или караулить меня?

— Мы подходимъ къ этому вопросу. Но прежде чѣмъ приняться за него, не имѣете ли вы еще чего-нибудь сообщить намъ?

— Это зависитъ отъ того, что вы считаете стою-

щимъ сообщенія.

— Я считаю стоющимъ вниманія все, что выходитъ изъ ряда жизненной рутины.

Сэръ Генри улыбнулся.

— Я мало еще знакомъ съ британскою жизнью, потому что я провелъ почти всю свою жизнь въ Штатахъ и въ Канадѣ. Но надѣюсь, что у васъ здѣсь не считается дѣломъ обыденной жизни потерять одинъ сапогъ.

— Вы потеряли одинъ изъ вашихъ сапоговъ?

— Ахъ, милый сэръ, — воскликнулъ докторъ Мортимеръ, — онъ просто не доставленъ на мѣсто. Вы найдете его, когда вернетесь въ отель. Нѣтъ надобности безпокоить мистера Холмса такими пустяками.

— Да вѣдь онъ же меня просилъ разсказать о томъ, что выходитъ изъ ряда обыденной жизни.

— Совершенно вѣрно, — сказалъ Холмсъ, — какъ бы ни казался инцидентъ пустячнымъ. Вы говорите, что потеряли одинъ сапогъ?

— Я поставилъ вчера вечеромъ оба сапога за дверь, а утромъ тамъ оказался только одинъ. Я ничего не могъ добиться отъ малаго, который чистилъ ихъ. Но самое скверное въ томъ, что я только вчера вечеромъ купилъ эту пару на Странде и ни разу не надѣвалъ её.

— Если вы ни разу не надѣвали этихъ сапогъ, то зачѣмъ же вы ихъ выставили для чистки?

— То были дубленые сапоги, и они не были покрыты ваксою. Вотъ почему я ихъ и выставилъ.

— Такъ, значитъ, когда вы вчера пріѣхали въ Лондонъ, то сразу отправились покупать пару сапогъ?

— Я много чего накупилъ. Докторъ Мортимеръ ходилъ со мною. Видите ли, разъ мнѣ приходится быть тамъ владѣльцемъ, то я долженъ одѣться соотвѣтствующимъ образомъ, а весьма возможно, что на Западѣ я сталъ нѣсколько небреженъ въ этомъ отношеніи. Между прочими вещами я купилъ тѣ коричневые сапоги (далъ шесть долларовъ за нихъ), и одинъ изъ нихъ украденъ прежде, чѣмъ я успѣлъ ихъ надѣть.

— Это кажется очень безполезнымъ воровствомъ, — сказалъ Шерлокъ Холмсъ. Признаюсь, — я раз дѣляю мнѣніе доктора Мортимера, что пропавшій сапогъ скоро найдется.

— А теперь, господа, — рѣшительно произнесъ баронетъ, — я нахожу, что совершенно достаточно говорилъ о томъ немногомъ, что я знаю. Пора вамъ выполнить свое обѣщаніе и дать мнѣ полный отчетъ въ томъ, о чемъ мы хлопочемъ.

— Ваше требованіе вполнѣ разумно, — сказалъ

Холмсъ. Докторъ Мортимеръ, я думаю, что будетъ лучше всего, если вы разскажете свою исторію такъ, какъ вы ее разсказали намъ.

Поощренный этимъ приглашеніемъ нашъ ученый другъ вынулъ бумаги изъ кармана и изложилъ все дѣло такъ, какъ онъ это сдѣлалъ наканунѣ утромъ. Сэръ Генри Баскервиль слушалъ съ глубочайшимъ вниманіемъ, и, повременамъ, у него вырывались возгласы удивленія.

— Повидимому, я получилъ наслѣдство съ местью, — сказалъ онъ, когда длинная повѣсть была окончена. Я, конечно, слышалъ о собакѣ, когда еще былъ ребенкомъ. Это любимая исторія въ нашей семьѣ, хотя раньше я никогда не относился къ ней серіозно. Но со времени смерти моего дяди, исторія эта точно бурлитъ у меня въ головѣ, и я не могу еще разобраться въ ней. Вы какъ будто еще не рѣшили, чьей компетенціи это дѣло: полиціи или церкви.

— Совершенно вѣрно.

— А теперь еще явилось это письмо. Я полагаю, что оно тутъ на мѣстѣ.

— Оно доказываетъ, что кто-то знаетъ больше насъ о томъ, что происходитъ на болотѣ, — сказалъ докторъ Мортимеръ.

— А также, — прибавилъ Холмсъ, — что кто-то

расположенъ къ вамъ, разъ онъ предостерегаетъ васъ противъ опасности.

— А можетъ быть меня желаютъ удалить изъ личныхъ интересовъ?

— Конечно, и это возможно. Я весьма обязанъ вамъ, докторъ Мортимеръ, что вы познакомили меня съ задачею, которая представляетъ нѣсколько интересныхъ рѣшеній. Но мы должны теперь рѣшить практическій вопросъ, благоразумно ли будетъ вамъ, сэръ Генри, отиравиться въ Баскервиль-голль.

— А почему бы мнѣ не поѣхать туда?

— Тамъ, повидимому, существуетъ опасность.

— Какую опасность разумѣете вы, — отъ нашего фамильнаго врага или отъ человѣческихъ существъ?

— Это-то мы и должны узнать.

— Что бы тамъ ни было, мой отвѣтъ готовъ. Нѣтъ такого дьявола въ аду, мистеръ Холмсъ, ни такого человѣка на землѣ, который помѣшалъ бы мнѣ отправиться въ страну моего народа, и вы можете это считать за мой окончательный отвѣтъ.

Его темныя брови нахмурялись, и лицо его стало багровымъ. Огненный темпераментъ Баскервилей, очевидно, не угасъ въ этомъ по-

слѣднемъ ихъ потомкѣ.

— Между тѣмъ, — заговорилъ онъ снова, — у меня и времени не было подумать о томъ, что вы мнѣ разсказали. Тяжело для человѣка понять и рѣшить дѣло въ одинъ присѣстъ. Мнѣ бы хотѣлось провести спокойно часъ съ самимъ собою, чтобы все обдумать. Послушайте, мистеръ Холмсъ, теперь половина двѣнадцатаго, и я отправляюсь прямо въ свой отель. Что бы вы сказали, если бы я попросилъ васъ и вашего друга, доктора Ватсона, придти позавтракать съ нами въ два часа? Товда я буду въ состоянiи сказать вамъ яснѣе, какъ подѣйствовала на меня эта исторія.

— Удобно ли это вамъ, Ватсонъ?

— Совершенно.

— Такъ вы можете ожидать насъ. Не приказать ли позвать для васъ кэбъ?

— Я предпочитаю пройтись, пртому что все это взволновало меня.

— Я съ удовольствіемъ совершу прогулку съ вами, — сказалъ его компаніонъ.

— Итакъ мы снова увидимся въ два часа. До свиданія!

Мы слышали, какъ наши гости спустились по лѣстницѣ и какъ за ними захлопнулась парадная дверь. Въ одно мгновеніе Холмсъ превратился

изъ соннаго мечтателя въ человѣка дѣйствія.

— Вашу шляпу и сапоги, Ватсонъ, живо! Нельзя терять ни одной минуты!

Съ этими словами онъ бросился въ халатѣ въ свою комнату и черезъ нѣсколько секундъ вернулся оттуда въ сюртукѣ. Мы побѣжали внизъ по лѣстницѣ и вышли на улицу. Докторъ Мортимеръ и Баскервиль были еще видны въ двухстахъ, приблизительно, ярдахъ впереди насъ, по направленію къ Оксфордской улицѣ.

— Не побѣжать ли мнѣ остановить ихъ?

— Ни за что на свѣіѣ, мой милый Ватсонъ. Я вполнѣ довольствуюсь вашимъ обществомъ, если вы переносите мое. Наши друзья — умные люди, потому что утро дѣйствительно прекрасное для прогулки.

Онъ ускорилъ шагъ, пока мы не уменьшили вдвое разстояніе, отдѣлявшее насъ отъ нашихъ посѣтителей. Затѣмъ, оставаясь постоянно въ ста ярдахъ позади ихъ, мы послѣдовали за ними въ Оксфордскую улицу, а оттуда далѣе въ Реджентъ-стритъ. Одинъ разъ пріятели наши остановились и стали смотрѣть въ окно магазина. Холмсъ послѣдовалъ ихъ примѣру. Затѣмъ онъ издалъ легкій возгласъ удивленія и, слѣдуя за его проницательнымъ взоромъ, я увидѣлъ

кэбъ съ кучерскимъ сидѣніемъ сзади и въ этомъ кэбѣ человѣка; онъ остановилъ экипажъ на той сторонѣ улицы, а теперь снова медленно ѣхалъ впередъ.

— Это нашъ человѣкъ, Ватсонъ, идемъ! ы хоть всмотримся въ него, если не будемъ въ состояніи сдѣлать ничего лучшаго.

Въ эту минуту я отчетливо разсмотрѣлъ густую черную бороду и пару пронзительныхъ глазъ, смотрѣвшихъ на насъ черезъ боковое окошко кэба. Моментально открылось опускное отверстіе наверху, что-то было сказано кучеру, и кэбъ бѣшено полетѣлъ внизъ по Реджентъ-стритъ. Холмсъ съ нетерпѣніемъ сталъ осматриваться кругомъ, ища другой кэбъ, но не было видно ни одного пустого. Тогда онъ бросился въ неистовую погоню въ самую середину движенія на улицѣ, но разстояніе было слишкомъ велико, и кэбъ уже исчезъ изъ виду.

— Ну вотъ! — съ горечью воскликнулъ Холмсъ, когда, запыхавшись и блѣдный отъ досады, вынырнулъ изъ потока экипажей. Можетъ же случиться такая неудача и можно же поступить такъ скверно! Ватсонъ, Ватсонъ, если вы честный человѣкъ, вы и это разскажете и выставите, какъ неудачу съ моей стороны!

— Кто былъ этотъ человѣкъ?

— Понятія не имѣю.

— Шпіонъ?

— Изъ того, что мы слышали, очевидно, что кто-то очень тщательно слѣдитъ за Баскервилемъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ городѣ. Иначе какъ же можно было узнать такъ быстро, что онъ остановился въ Нортумберландскомъ отелѣ? Изъ того факта, что за нимъ слѣдили въ первый день, я вывожу заключеніе, что за нимъ будутъ слѣдить и во второй день. Вы должны были замѣтить, что я дважды подходилъ къ окну, пока докторъ Мортимеръ читалъ свою легенду.

— Да, помню.

— Я смотрѣлъ, не увижу ли праздношатающихся на улицѣ, но не увидѣлъ ни одного. Мы имѣемъ дѣло съ умнымъ человѣкомъ, Ватсонъ. Тутъ все очень глубоко задумано и, хотя я еще не рѣшилъ окончательно, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло — съ доброжелателемъ или врагомъ, я вижу, что тутъ есть сила и опредѣленная цѣль. Когда наши пріятели вышли, я тотчасъ же послѣдовалъ за ними, въ надеждѣ замѣтить ихъ невидимаго спутника. У него хватило хитрости не идти пѣшкомъ, а запастись кэбомъ, въ которомъ онъ могъ или медленно слѣдовать за ними или же быстро

пролетѣть, чтобы не быть ими замѣченнымъ. Онъ еще имѣлъ то преимущество, что, если бы они тоже взяли кэбъ, то онъ не отставалъ бы отъ нихъ. Однако же это имѣетъ одно большое неудобство.

— Онъ этимъ попадаетъ во власть кэбмана.

— Именно.

— Какъ жаль, что мы не посмотрѣли на нумеръ.

— Милый мой Ватсонъ, какъ ни оказался я тутъ неуклюжимъ, все-таки неужели вы серіозно предполагаете, что я не обратилъ вниманія на нуморъ. Нумеръ этотъ 2704. Но въ настоящую минуту онъ намъ безполезенъ.

— Я не вижу, что вы, могли сдѣлать большаго.

— Замѣтивъ кэбъ, я долженъ былъ немедленно повернуть назадъ и идти въ обратную сторону. Тогда я могъ бы свободно нанять другой кэбъ и слѣдовать за первымъ на почтительномъ разстояніи или, еще лучше, поѣхать прямо въ Нортумберландскій отель и тамъ дождаться его. Когда нашъ незнакомецъ прослѣдилъ бы за Баскервилемъ до его дома, мы имѣли бы возможность повторить на немъ самомъ его игру и увидѣть, съ какою цѣлью онъ ее затѣялъ. А теперь своею необдуманною поспѣшностью, которою

нашъ противникъ воспользовался необыкновенно быстро, мы выдали себя и потеряли слѣдъ нашего человѣка.

Разговаривая такимъ образомъ, мы медленно подвигались по Реджентъ-стригь, и докторъ Мортимеръ съ своимъ товарищемъ давно исчезли изъ нашихъ глазъ.

— Нѣтъ никакой надобности слѣдовать за ними, — сказалъ Холмсъ. Тѣнь ихъ исчезла и не вернется. Намъ теперь остается посмотрѣть, какія у насъ остались карты въ рукахъ, и рѣшительно играть ими. Увѣрены ли вы, что узнали бы человѣка, сидѣвшаго въ кэбѣ?

— Я увѣренъ только въ томъ, что узналъ бы его бороду.

— И я также, изъ чего вывожу заключеніе, что она приставная. Умному человѣку, предпринявшему такое деликатное дѣло, нѣтъ иной надобности въ бородѣ, какъ для того, чтобы скрыть свои черты. Войдемъ сюда, Ватсонъ!

Онъ повернулъ въ одну изъ участковыхъ комиссіонерскихъ конторъ, гдѣ его горячо привѣтствовалъ управляющій.

— А, Вильсонъ, я вижу, что вы не забыли еще маленькаго дѣла, въ которомъ я имѣлъ счастіе вамъ помочь?

— О, конечно, сэръ, я его не забылъ. Вы спасли мое доброе имя, а можетъ быть и жизнь.

— Милый мой, вы преувеличиваете. Мнѣ помнится, Вильсонъ, что между вашими мальчиками былъ малый по имени Картрайтъ, который на слѣдствіи оказался довольно способнымъ.

— Онъ еще у насъ, сэръ.

— Не можете ли вы его вызвать сюда? Благодарю васъ! И, пожалуйста, размѣняйте мнѣ эти пять фунтовъ.

Юноша лѣтъ четырнадцати, красивый и съ виду смышленый, явился на зовъ. Онъ неподвижно стоялъ и смотрѣлъ съ большимъ уваженіемъ на знаменитаго сыщика.

— Дайте мнѣ списокъ отелей, — сказалъ Холмсъ. Благодарю васъ! Вотъ вамъ, Картрайтъ, названія двадцати-трехъ отелей, находящихся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Чэрингъ-Кроссомъ. Видите?

— Да, сэръ.

— Вы зайдете во всѣ эти отели.

— Да, сэръ.

— Въ каждомъ изъ нихъ вы начнете съ того, что дадите привратнику одинъ шиллингъ. Вотъ двадцать-три шиллинга.

— Да, сэръ.

— Вы скажете ему, что желаете пересмотрѣть вчерашнія брошенныя газеты. Вы объясните свое желаніе тѣмъ, что затеряна очень важная телеграмма и что вы розыскиваете ее. Понимаете?

— Да, сэръ.

— Но въ дѣйствительности вы будете розыскивать среднюю страницу "Таймса", съ вырѣзанными въ ней ножницами дырками. Вотъ нумеръ "Таймса" и вотъ страница. Вы легко узнаете ее, не правда ли?

— Да, сэръ.

— Въ каждомъ отелѣ привратникъ пошлетъ за швейцаромъ вестибюля, каждому изъ нихъ вы также дадите шиллингъ. Вотъ еще двадцатьтри шиллинга. Весьма вѣроятно, что въ двадцати случаяхъ изъ двадцати-трехъ вамъ скажутъ, что вчерашнія газеты сожжены или брошены. Въ остальныхъ трехъ случаяхъ вамъ покажутъ кучу газетъ, и вы розыщите въ ней эту страницу "Таймса". Много шансовъ противъ того, чтобы вы ее нашли. Вотъ вамъ еще десятъ шиллинговъ на непредвидѣнные случаи. Сегодня до вочера вы мнѣ сообщите о результатахъ въ Бекеръ-стритъ по телеграфу. А теперь, Ватсонъ, намъ остается только узнать по телеграфу о личности кучера кэба № 2704, а затѣмъ мы зайдемъ въ одну

изъ картинныхъ галлерей Бондъ-стрита, чтобы провести время до часа назначеннаго въ отелѣ свиданія.

V
Три порванныя нити

Шерлокъ Холмсъ обладалъ въ изумительной степени способностью отвлекать свои мысли по желанію. Странное дѣло, въ которое насъ вовлекли, было въ продолженіе двухъ часовъ какъ будто совершенно имъ забыто, и онъ весь былъ поглощенъ картинами новѣйшихъ бельгійскихъ мастеровъ. По выходѣ изъ галлереи онъ не хотелъ ни о чемъ говорить, кромѣ какъ объ искусотвѣ (о которомъ мы имѣли самыя элементарныя понятія), пока мы не дошли до Нортумберландскаго отеля.

— Сэръ Генри Баскервиль ожидаетъ васъ наверху, — сказалъ конторщикъ. Онъ просилъ меня тотчасъ же, какъ вы придете, провести васъ къ нему.

— Вы ничего не будете имѣть противъ того, чтобы я заглянулъ въ вашу книгу записей? — спросилъ Холмсъ.

— Сдѣлайте одолженіе.

Въ книгѣ послѣ имени Баскервиля было занесено еще два. Одно было Теофилусъ Джонсонъ

съ семействомъ, изъ Ньюкэстля, а другое — миссисъ Ольдмаръ, съ горничной, изъ Гай-Лоджъ, Альтонъ.

— Это навѣрное тотъ самый Джонсонъ, котораго я знавалъ, — сказалъ Холмсъ. Онъ юристъ, не правда ли, сѣдой и прихрамываетъ?

— Нѣтъ, сэръ, этотъ Джонсонъ владѣлецъ каменноугольныхъ копей, очень подвижный джентльменъ, не старше васъ.

— Вы, должно былъ, ошибаетесь относительно его спеціальности.

— Нѣтъ, сэръ. Онъ уже много лѣтъ останавливается въ нашемъ отелѣ, и мы его очень хорошо знаемъ.

— Это дѣло другое. А миссисъ Ольдмаръ? Мнѣ что-то помнится, какъ будто имя ея мнѣ знакомо. Простите мнѣ мое любопытство, но часто бываетъ, что, навѣщая одного друга, находишь другого.

— Она больная дама, сэръ. Ея мужъ былъ майоромъ, и она всегда, когда бываетъ въ городѣ, останавливается у насъ.

— Благодарю васъ. Я, кажется, не могу претендовать на знакомство съ нею. Этими вопросами, Ватсонъ, — продолжалъ онъ тихимъ голосомъ, пока мы поднимались по лѣстницѣ, — мы устано-

вили крайяе важный фактъ. Мы теперь знаемъ, что человѣкъ, интересующійся нашимъ пріятелемъ, не остановился въ одномъ съ нимъ отелѣ. Это значитъ, что, стремясь, какъ мы видѣли, слѣдить за нимъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ боится быть замѣченнымъ. Ну, а это очень знаменательный фактъ.

— Чѣмъ?

— А тѣмъ... Эге, милый другъ, въ чемъ дѣло?

Огибая перила наверху лѣстницы, мы наткнулись на самого Генри Баскервиля. Его лицо было красно отъ гнѣва, и онъ держалъ въ рукѣ старый пыльный сапогъ. Онъ до-того былъ взбѣшенъ, что слова не выходили у него изъ горла; когда же онъ перевелъ духъ, то заговорилъ на гораздо болѣе вольномъ и болѣе западномъ діалектѣ, чѣмъ тотъ, какимъ говорилъ утромъ.

— Мнѣ кажется, что въ этомъ отелѣ меня дурачатъ, какъ молокососа! — воскликнулъ онъ. Совѣтую имъ быть осторожными, не то они увидятъ, что не на такого напали. Чортъ возьми, если этотъ мальчишка не найдетъ моего сапога, то не сдобровать имъ! Я понимаю шутки, мистеръ Холмсъ, но на этотъ разъ они хватили черезъ мѣру.

— Вы все еще ищете свой сапогъ?

— Да, сэръ, и намѣренъ его найти.

— Но вѣдь вы же говорили, что это былъ новый коричневый сапогъ.

— Да, сэръ. А теперь это старый черный.

— Что! Неужели?..

— Именно. У меня было всего три пары сапогъ: новые коричневые, старые черные и эти изъ лакированной кожи, что на мнѣ. Въ прошлую ночь у меня взяли одинъ коричневый сапогъ, а сегодня стибрили черный. Ну, нашли вы его? Да говорите же и не стойте такъ, выпучивъ глаза.

На сцену появился взволнованный нѣмецъ-лакей.

— Нѣтъ, сэръ. Я справлялся во всемъ отелѣ и ничего не могъ узнать.

— Хорошо! Или сапогъ будетъ мнѣ возвращенъ до захода солнца, или я пойду къ хозяину и скажу ему, что моментально выѣзжаю изъ его отеля.

— Онъ будетъ найденъ, сэръ... обѣщаю вамъ, что если вы только потерпите, онъ будетъ найденъ.

— Надѣюсь, иначе это будетъ послѣдняя вещь, которую я теряю въ этомъ притонѣ воровъ. Однако, простите меня, мистеръ Холмсъ, что я безпокою васъ такими пустяками.

— Я думаю, что это стоитъ безпокойства.

— Вы какъ будто серіозно смотрите на это дѣло.

— Чѣмъ вы это все объясняете?

— Я и не пробую объяснять этого случая. Онъ мнѣ кажется крайне нелѣпымъ и страннымъ.

— Да, странный, пожалуй, — произрсъ Холмсъ въ раздумьѣ.

— Что вы-то сами о немъ думаете?

— Я не скажу, что въ настоящее время понимаю его. Это очень сложная штука, сэръ Генри. Если связать съ этимъ смерть вашего дяди, то я скажу, что изъ пятисотъ дѣлъ первѣйшей важности, которыми мнѣ приходилось заниматься, ни одно не затрогивало меня такъ глубоко. Но у насъ въ рукахъ нѣсколько нитей и всѣ шансы за то, что не та, такъ другая изъ нихъ приведетъ насъ къ истинѣ. Мы можемъ потратить время, руководствуясь не той, которой слѣдуетъ, но рано или поздно мы нападемъ на вѣрную дорогу.

Мы пріятно провели время за завтракомъ и очень мало говорили о дѣлѣ, которое насъ свело. И только когда перешли въ частную гостиную Генри Баскервиля, Холмсъ спросилъ его, что онъ намѣренъ дѣлать.

— Отиравиться въ Баскервиль-голль.

— Когда?

— Въ концѣ недѣли.

— Въ сущности, — сказалъ Холмсъ, — я нахожу ваше рѣшеніе разумнымъ. Для меня вполнѣ очевидно, что въ Лондонѣ слѣдятъ за вами, а въ милліонномъ населеніи этого громаднаго города трудно узнать, кто слѣдитъ и какая его цѣль. Если его намѣренія злостныя, то онъ можетъ причинить вамъ несчастіе, и мы безсильны его предотвратить. Вы не знали, докторъ Мортимеръ, что сегодня утромъ за вами слѣдили по пятамъ отъ моего дома?

Докторъ Мортимеръ сильно вздрогнулъ.

— Слѣдили? Кто?

— Къ несчастію, этого я не могу вамъ сказать. Нѣтъ ли между вашими сосѣдями или знакомыми въ Дартмурѣ кого-нибудь съ густою черною бородой?

— Нѣтъ... ахъ, постойте, да, у Барримора, дворецкаго сэра Чарльза, густая, черная борода.

— А гдѣ Барриморъ?

— Ему порученъ Баскервильскій домъ.

— Намъ лучше удостовѣриться, дѣйствительно ли онъ тамъ и не попалъ ли какимъ-нибудь образомъ въ Лондонъ.

— Какъ же вы это узнаете?

— Дайте мнѣ телеграфный бланкъ. "Все ли гото-

во для сэра Генри?" Этого достаточно. Адресуйте мистеру Барримору, Баскервиль-голль. Какая ближайшая телеграфная станція? Гримпенъ. Прекрасно, — мы пошлемъ другую телеграмму почтмейстеру: "Телеграмму мистеру Барримору вручить въ собственныя руки. Если онъ отсутствуетъ, прошу телеграфировать отвѣтъ сэру Генри Баскервиль, Нортумберландскій отель". Это дастъ намъ возможность узнать до сегодняшняго вечера, находится ли Барриморъ на своемъ посту въ Девонширѣ или нѣтъ.

— Это правильно, — сказалъ Баскервиль. А, кстати, докторъ Мортимеръ, что изъ себя представляетъ этотъ Барриморъ?

— Онъ сынъ стараго управителя, который умеръ. Эта семья смотрѣла за Баскервиль-голлемъ въ продолженіе четырехъ поколѣній. Насколько мнѣ извѣстно, онъ и жена его достойны полнаго уваженія.

— Вмѣстѣ съ тѣмъ, — сказалъ Баскервиль, — ясно, что съ тѣхъ поръ, какъ никто изъ нашего семейства не жилъ въ голлѣ, они имѣютъ великолѣпный домъ и при этомъ никакой работы.

— Это правда.

— Получилъ ли что-нибудь Барриморъ по завѣщанію сэра Чарльза? — спросилъ Холмсъ.

— Онъ и жена его получили каждый по пятисотъ фунтовъ.

— Ага! А знали ли они, что получатъ эти деньги?

— Да, сэръ Чарльзъ очень любилъ говорить о содержаніи своего духовнаго завѣщанія.

— Это очень интересно.

— Надѣюсь, — сказалъ докторъ Мортимеръ, — что вы не смотрите подозрительно на всякаго, кто получилъ наслѣдство отъ сэра Чарльза, такъ какъ и мнѣ онъ оставилъ тысячу фунтовъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! А еще кому?

— Онъ оставилъ много незначительныхъ суммъ отдѣльнымъ лицамъ и большія суммы на общественную благотворительность. Все остальное досталось сэру Генри.

— А какъ велико это остальное?

— Семьсотъ сорокъ тысячъ фунтовъ.

Холмсъ съ удивленіемъ поднялъ брови и сказалъ:

— Я никакъ не ожидалъ, что наслѣдство сэра Чарльза достигаетъ такихъ гигантскихъ размѣровъ.

— Сэръ Чарльзъ пользовался репутаціею богатаго человѣка, но мы не знали, насколько онъ въ дѣйствительности богатъ, пока не разсмотрѣли

его бумагъ. Общая стоимость помѣстья опредѣлена приблизительно въ милліонъ.

— Ай, ай! Изъ-за такого кусочка человѣкъ можетъ сдѣлать отчаянный шагъ. Еще вопросъ, докторъ Мортимеръ. Предположимъ, что съ нашимъ молодымъ другомъ случится что-нибудь (простите мнѣ такое непріятное предположеніе), кому достанется тогда помѣстье?

— Такъ какъ Роджеръ Баскервиль, младшій братъ сэра Чарльза, умеръ холостымъ, то помѣстье перейдетъ къ дальнимъ родственнккамъ Десмондамъ. Джэмсъ Десмондъ пожилой пасторъ въ Вестмурландѣ.

— Благодарю васъ. Всѣ эти подробности очень интересны. Встрѣчались ли вы съ мистеромъ Джэмсомъ Десмондомъ?

— Встрѣчался. Однажды онъ былъ съ визитомъ у сэра Чарльза. Это человѣкъ почтенной наружности и святой жизни. Я помню, что онъ отказался принять отъ сэра Чарльза имущество, хотя послѣдній и настаивалъ на томъ, чтобы опредѣлить ему что-нибудь.

— И человѣкъ съ такими простыми вкусами могъ бы унаслѣдовать милліоны сэра Чарльза?

— Онъ унаслѣдовалъ бы помѣстье, потому что таковъ порядокъ перехода наслѣдства. Онъ по-

лучилъ бы также и деньги, если бы настоящій владѣлецъ не распорядился ими иначе, на что онъ имѣетъ полное право.

— Написали ли вы свое завѣщаніе, сэръ Генри?

— Нѣтъ, мистеръ Холмсъ. У меня на это не было времени, такъ какъ я узналъ только вчера о положеніи дѣлъ. Но во всякомъ случаѣ я нахожу, что деньги должны идти вмѣстѣ съ титуломъ и помѣстьемъ. Таковы были убѣжденія моего бѣднаго дяди. Какимъ образомъ владѣлецъ возстановитъ великолѣпіе Баскервилей, если у него нѣтъ денегъ для поддержанія своей собственности. Домъ, земля и доллары не могутъ быть разъединены.

— Это совершенно вѣрно. Итакъ, сэръ Генри, я согласенъ съ вами, что вамъ слѣдуетъ немедленно отправиться въ Девонширъ. Только я предложу одну мѣру предосторожности: вамъ никоимъ образомъ не слѣдуетъ отправляться туда одному.

— Докторъ Мортимеръ возвращается со мною.

— Но у доктора Мортимера практика, которую онъ не можетъ бросить, да и домъ его находится въ нѣсколькихъ миляхъ разстоянія отъ вашего. При всемъ своемъ желаніи, онъ не въ состояніи будетъ вамъ помочь. Нѣтъ, сэръ Генри, вы должны взять съ собою надежнаго человѣка, который

находился бы постоянно возлѣ васъ.

— Возможно ли, мистеръ Холмсъ, чтобы вы сами согласились поѣхать?

— Когда наступитъ кризисъ, я постараюсь лично явиться на мѣсто; но вы поймете, что при моей обширной практикѣ и при постоянныхъ обращеніяхъ ко мнѣ за совѣтомъ по всевозможнымъ дѣламъ, я не могу уѣхать изъ Лондона на неопредѣленный срокъ. Въ настоящее время на одно изъ самыхъ почтенныхъ именъ въ Англіи наложено пятно какимъ-то шантажистомъ, и только я одинъ могу воспрепятствовать скандалу, который можетъ причинить большое несчастіе. Поэтому вы видите, насколько мнѣ невозможно отправиться въ Дартмуръ.

— Кого же вы посовѣтуете мнѣ взять?

Холмсъ положилъ свою руку на мою и сказалъ:

— Если мой другъ согласится, то нѣтъ человѣка, который былъ бы достойнѣе находиться возлѣ васъ, когда вы почувствуете себя въ затруднительномъ положеніи. Никто не знаетъ этого лучше меня.

Предложеніе это застало меня совершенно врасплохъ, но прежде чѣмъ я успѣлъ выговорить. одно слово, Баскервиль схватялъ меня за руку и,

сердечно пожавъ ее, сказалъ:

— Какой вы добрый, докторъ Ватсонъ. Вы знаете, что со мною происходитъ, и вамъ дѣло такъ же знакомо, какъ и мнѣ. Если вы поѣдете въ Баскервиль-голль и высвободите меня изъ опасности, я никогда этого не забуду.

Ожиданіе приключеній производило всегда чарующее дѣйствіе на меня, кромѣ того я былъ польщенъ словами Холмса и горячностью, съ какою баронетъ привѣтствовалъ меня какъ своего спутника.

— Я съ удовольствіемъ поѣду, — сказалъ я, — и не могу себѣ представить, какъ бы я могъ лучше употребить свое время.

— И вы будете очень тщательно доносить мнѣ обо всемъ, — сказалъ Холмсъ. Когда наступитъ какой-нибудь кризисъ, какъ я непремѣнно ожидаю, я направлю ваши дѣйствія. Полагаю, что къ субботѣ все будетъ готово?

— Удобно ли это будетъ доктору Ватсону?

— Вполнѣ.

— Итакъ, въ субботу, если ничего не произойдетъ новаго, мы встрѣтимся къ отходу поѣзда 10 ч. 30 м. изъ Паддингтона.

Мы уже встали, чтобы проститься, какъ Баскервиль издалъ возгласъ торжества, вытаскивая

изъ-подъ шкафика, стоявшаго въ одномъ изъ угловъ комнаты, коричневый сапогъ.

— Мой пропавшій сапогъ! — воскликнулъ онъ.

— Дай Богъ, чтобы всѣ наши затрудненія такъ же быстро уладились, — сказалъ Шерлокъ Холмсъ.

— Но это очень странно, — замѣтилъ докторъ Мортимеръ. Я передъ завтракомъ обыскалъ крайне тщательно всю эту комнату.

— И я также, — сказалъ Баскервиль. Я ни одного дюйма не оставилъ необысканнымъ.

— И тогда навѣрное въ ней не было этого сапога.

— Въ такомъ случаѣ его поставилъ сюда лакей, пока мы завтракали.

Послали за нѣмцемъ, но тотъ отвѣтилъ, что ему ничего неизвѣстно объ этомъ, и никакими разслѣдованіями мы не добились разъясненія этого случая. Прибавился новый пунктъ къ этой безпрерывной серіи безцѣльныхъ, повидимому, мелкихъ тайнъ, являвшихся такъ быстро одна вслѣдъ за другою. Оставивъ въ сторонѣ мрачную исторію смерти сэра. Чарльза, мы имѣли передъ собою рядъ необъяснимыхъ инциденовъ, имѣвшихъ мѣсто въ продолженіе двухъ дней, а именно полученіе письма изъ печатныхъ

словъ, встрѣча чернобородаго шпіона въ кэбѣ, пропажа новаго коричневаго сапога, пропажа стараго чернаго и, наконецъ, находка новаго коричневаго сапога. Когда мы возвращались въ Бекеръ-стритъ, Холмсъ молча сидѣлъ въ кэбѣ и по его сдвинутымъ бровямъ и выразительному лицу я видѣлъ, что его умъ, такъ же, какъ и мой, былъ занятъ попыткою составить какой-нибудь планъ, въ который могли бы быть помѣщены всѣ эти странные эпизоды, не имѣющіе, повидимому, никакой между собою связи. До поздняго вечера сидѣлъ онъ, погруженный въ табачный дымъ и въ свои мысли.

Передъ самымъ обѣдомъ подали двѣ телеграммы. Первая гласила: "Только-что узналъ, что Барриморъ въ Баскервиль-голлѣ". Вторая: "Былъ въ двадцати трехъ отеляхъ, но, къ сожалѣнію, не напалъ на слѣдъ изрѣзаннаго листа "Таймса". — Картрайтъ".

— Порвались двѣ изъ моихъ нитей, Ватсонъ. Нѣтъ ничего болѣе подстрекающаго, какъ случай, въ которомъ все направлено противъ васъ.

— Намъ нужно отыскать другой слѣдъ.

— У насъ остается еще кучеръ, который возилъ шпіона.

— Совершенно вѣрно. Я телеграфировалъ, что-

бы узнали изъ официальнаго списка его имя и адресъ. Я думаю, что вотъ и отвѣтъ на мой запросъ.

Звонъ колокольчика оказался еще болѣе удовлетворительнымъ, чѣмъ отвѣтъ, такъ какъ отворилась дверь, и въ комнату вошелъ грубый съ виду человѣкъ, очевидно, кучеръ, о которомъ шла рѣчь.

— Я получилъ извѣщеніе изъ главной конторы, — сказалъ онъ, — что господинъ, живущій здѣсь, требовалъ къ себѣ № 2704. Я правлю своимъ кэбомъ уже семь лѣтъ и никогда не жаловались на меня. Я пришелъ сюда прямо изъ двора, чтобы спросить васъ лично, что вы имѣете противъ меня.

— Я ровно ничего не имѣю противъ васъ, милый человѣкъ, — сказалъ Холмсъ. Напротивъ, я имѣю для васъ полсоверена, если вы дадите мнѣ ясные отвѣты на мои вопросы.

— Ладно, это будетъ хорошій день, — сказалъ кучеръ, улыбнувшись во весь ротъ. Такъ что же вы желаете спросить, сэръ?

— Прежде всего ваше имя и адресъ на случай, если вы мнѣ еще разъ понадобитесь.

— Джонъ Клэйтонъ, 3, Терпэй-стритъ. Мой кэбъ изъ двора Шинлей, около станціи Ватерлоо.

Шерлокъ Холмсъ записалъ эти свѣдѣнія.

— А теперь, Клэйтонъ, разскажите мнѣ все, что касается вашего сѣдока, который сегодня въ десять часовъ утра караулилъ этотъ домъ, а затѣмъ ѣхалъ слѣдомъ за двумя джентльменами по Реджентъ-стритъ.

Извозчикъ казался удивленнымъ и нѣсколько смущеннымъ, но сказалъ:

— Что жъ, мнѣ нечего вамъ сообщать, такъ какъ, повидимому, вы уже знаете столько же, сколько и я. Дѣло въ томъ, что мой сѣдокъ сказалъ мнѣ, что онъ сыщикъ и что я не долженъ никому говорить о немъ.

— Это, милый человѣкъ, очень серіозное дѣло, и вы можете оказаться въ очень плохомъ положеніи, если вздумаете скрыть что бы то ни было отъ меня. Такъ вы говорите, что вашъ сѣдокъ выдалъ себя за сыщика?

— Да.

— Когда онъ вамъ сказалъ объ этомъ?

— Уходя отъ меня.

— Не сказалъ ли онъ еще чего-нибудь?

— Онъ назвалъ свое имя.

Холмсъ бросилъ на меня торжествующій взглядъ.

— А-а, онъ назвалъ свое имя? Это было неосто-

рожностью. И какое же это было имя?

— Его имя, — отвѣтилъ извозчикъ, — мистеръ Шерлокъ Холмсъ.

Никогда въ жизни не видывалъ я, чтобы мой другъ былъ такъ озадаченъ. Онъ молчалъ, пораженный удивленіемъ, а затѣмъ разразился искреннимъ смѣхомъ.

— Вотъ такъ шутникъ, Ватсонъ, несомнѣнный шутникъ, — сказалъ онъ. Я чувствую въ немъ столь же быструю и гибкую сообразительностъ, какъ моя собственная. Онъ изрядно прошелся на мой счетъ. Такъ его зовутъ Шерлокомъ Холмсомъ?

— Да, сэръ.

— Превосходно! Разскажите мнѣ, гдѣ вы его посадили, и все, что затѣмъ случилось.

— Онъ подоввалъ меня въ половинѣ десятаго въ Трафальгарскомъ скверѣ. Онъ назвалъ себя сыщикомъ и предложилъ мнѣ двѣ гинеи, если я въ продолженіе всего дня буду дѣлать все, что онъ потребуетъ, не задавая ему никакихъ вопросовъ. Я охотно согласился. Сначала мы поѣхали въ Нортумберландскій отель и ждали тамъ, пока не вышли оттуда два джентльмена и не взяли кэбъ. Мы послѣдовали за ихъ кэбомъ, пока онъ не остановился гдѣ-то тутъ.

— У этой самой двери, — сказалъ Холмсъ.

— Пожалуй, я не могу сказать ничего положительнаго, но моему сѣдоку все было прекрасно извѣстно. Мы отъѣхали на половину улицы и ждали тамъ полтора часа. Тогда двое джентльменовъ прошли, гуляя, мимо насъ и мы послѣдовали за ними по Бекеръ-стритъ и вдоль...

— Я знаю, — прервалъ его Холмсъ.

— Пока не проѣхали три квартала Реджентъ-стрита. Тогда мой сѣдокъ откинулъ верхнее окошечко и крикнулъ мнѣ, чтобы я ѣхалъ какъ можно быстрѣе прямо на Ватерлооскую станцію. Я стегнулъ свою кобылу, и черезъ десять минутъ мы были на мѣстѣ. Тогда онъ заплатилъ мнѣ двѣ гинеи, какъ порядочный человѣкъ, и вошелъ въ станцію. Но, уходя, онъ обернулся и сказалъ: "Можетъ быть, вамъ интересно будетъ узнать, что вы возили мистера Шерлока Холмса". Такимъ образомъ я узналъ его имя.

— Понимаю. А затѣмъ вы больше не видали его?

— Нѣтъ, онъ вошелъ въ станцію и скрылся.

— Ну, а какъ бы вы описали наружность мистера Шерлока Холмса?

Извозчикъ почесалъ голову.

— Не очень-то легко описать этого джентльме-

на. Я бы далъ ему лѣтъ сорокъ, роста онъ средняго, дюйма на два, на три ниже васъ, сэръ. Одѣтъ онъ былъ мѣшковато, и борода у него черная, подстрижснная четыреугольникомъ, лицо блѣдное. Ничего больше не могу сказать о немъ.

— Какого цвѣта у него глаза?

— Не могу этого сказать.

— И вы ничего больше не припомвите?

— Нѣтъ, сэръ, ничего.

— Ладно, такъ вотъ вамъ полусоверенъ. Другая половина ожидаетъ васъ, если вы доставите еще какія-нибудь свѣдѣнія. Покойной ночи.

— Покойной ночи, сэръ, и благодарю васъ.

Джонъ Клэйтонъ удалился, смѣясь, а Холмсъ обернулся ко мнѣ, пожимая плечами и спокойно улыбаясь.

— Оборвалась и третья наша нить, и мы кончили тѣмъ, съ чего начали, — сказалъ онъ. Хитрый мерзавецъ! Онъ зналъ нашъ домъ, зналъ, что сэръ Генри Баскервиль совѣтовался со мною, на Реджентъ-стритѣ узналъ меня, предположилъ, что я замѣтилъ номеръ кэба и примусь за кучера, а потому сдѣлалъ мнѣ этотъ дерзкій вызовъ. Говорю вамъ, Ватсонъ, что мы за это время пріобрѣли врага, который достоинъ нашего оружія. Я получилъ шахъ и матъ въ Лондонѣ и могу только

пожелать вамъ большаго счастія въ Девонширѣ. Но я не спокоенъ насчетъ этого.

— Насчетъ чего?

— Насчетъ того, что отправлю васъ туда. Скверное это дѣло, Ватсонъ, скверное, опасное дѣло, и чѣмъ больше я знакомлюсь съ нимъ, тѣмъ мѣнѣе оно нравится мнѣ, Да, милый другъ, смѣйтесь, но даю вамъ слово, что я буду очень радъ, когда вы вернетесь здравымъ и невредимымъ на Бекеръ-стритъ.

VI
Баскервиль-голль

Сэръ Генри Баскервиль и докторъ Мортимеръ были готовы въ назначенный день, и мы отправились, какъ было условлено, въ Девонширъ. Шерлокъ Холмсъ поѣхалъ со мною на станцію и далъ мнѣ свои прощальныя инструкціи и совѣты.

— Я не стану, Ватсонъ, сбивать васъ съ толку разными предположеніями и подозрѣніями, — сказалъ онъ. Я просто желаю, чтобы вы доносили мнѣ какъ можно подробнѣе о фактахъ и предоставляли мнѣ строить планы.

— О какихъ фактахъ? — спросилъ я.

— Обо всемъ, что можетъ казаться относящимся, хотя бы косвенно, къ занимающему насъ дѣлу и, въ особенности, объ отношеніяхъ между молодымъ Баскервилемъ и его сосѣдями и обо всякихъ новыхъ подробностяхъ, касающихся смерти сэра Чарльза. Я самъ за послѣдніе дни навелъ нѣкоторыя справки, но боюсь, что результаты ихъ оказались отрицательными. Одно только кажется мнѣ положительнымъ, это то, что ми-

стеръ Джэмсъ Десмондъ, слѣдующій наслѣдникъ, человѣкъ очень милаго характера, такъ что это преслѣдованіе идетъ не съ его стороны. Я думаю, что мы можемъ совершенно исключить его изъ нашихъ предположеній. Остается народъ на болотѣ, среди котораго будетъ жить сэръ Генри Баскервиль.

— Не лучше ли было бы прежде всего отдѣлаться отъ этой четы Барриморъ?

— Ни въ какомъ случаѣ. Вы бы сдѣлали этимъ непозволительную ошибку. Если они невинны, это было бы жестокою неоправедливостью; если же они преступны, то это отняло бы у насъ всякую возможностъ уличить ихъ. Нѣтъ, нѣтъ, мы сохранимъ ихъ въ нашемъ спискѣ подозрительныхъ лицъ. Затѣмъ въ голлѣ есть, насколько я помню, конюхъ. Есть два фермера на болотѣ. Есть нашъ другъ, докторъ Мортимеръ, котораго я считаю вполнѣ честнымъ, и его жена, о которой мы ничего не знаемъ. Есть ученый Стаплътонъ и его сестра, про которую говорятъ, что она привлекательная молодая дѣвушка. Есть мистеръ Франкландъ изъ Лафтаръ-голля, тоже неизвѣстная намъ личность, и еще одинъ или два сосѣда. Всѣ эти люди должны составить предметъ вашего спеціальнаго изученія.

— Я сдѣлаю все зависящее отъ меня.

— У васъ есть оружіе, надѣюсь?

— Да я нашелъ благоразумнымъ взять его съ собою.

— Конечно. Не разставайтесь съ своимъ револьверомъ ни днемъ, ни ночью и никогда не пренебрегайте предосторожностями.

Наши пріятели уже заняли мѣста въ вагонѣ перваго класса и ожидали насъ на платформѣ.

На вопросы моего друга, докторъ Мортимеръ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, мы ничего не узнали новаго. За одно я могу поручиться, что за послѣдніе два дня за нами не слѣдили. Мы ни разу не выходили изъ дому безъ того, чтобы зорко не осматриваться, и никто не могъ бы скрыться отъ нашего наблюденія.

— Полагаю, что вы всегда выходили вмѣстѣ?

— За исключеніемъ вчерашняго дня. Когда я пріѣзжаю въ городъ, то имѣю обыкновеніе посвящать одинъ день удовольствію, а потому провелъ вчерашній день въ музеѣ медицинскаго колледжа.

— А я пошелъ въ паркъ поглазѣть на народъ, — сказалъ Баскервиль, — но мы не подвергались ни малѣйшаго рода непріятностямъ.

— А все-таки это было неосторожностью, — ска-

залъ Холмсъ, покачавъ очень серіозно головою. Прошу васъ, сэръ Генри, никогда не ходить въ одиночествѣ, иначе съ вами можетъ случиться большое несчастіе. Нашли ли вы другой сапогъ?

— Нѣтъ, сэръ, онъ исчезъ навѣки.

— Въ самомъ дѣлѣ? Это очень интересно. Ну, прощайте, — добавилъ онъ, — когда тронулся поѣздъ. Никогда не забывайте, сэръ Генри, одну фразу изъ странной старой легенды, которую намъ прочелъ докторъ Мортимеръ, и избѣгайте болота въ тѣ темные часы, когда властвуютъ силы зла.

Я еще смотрѣлъ на платформу, когда она уже далеко осталась позади насъ, и видѣлъ высокую строгую фигуру Холмса, недвижимо стоявшаго и смотрѣвшаго на насъ.

Путешествіе совершили мы быстро и пріятно; я имъ воспользовался, чтобы ближе познакомиться съ моими обоими спутниками, и проводилъ время, играя со спаньелемъ доктора Моргимера. Въ нѣсколько часовъ черная земля стала красноватою, кирпичъ замѣнился гранитомъ, и рыжія коровы паслись въ огороженныхъ живыми изгородями поляхъ, на которыхъ сочная трава и роскошная растительность свидѣтельствовали о болѣе щедромъ, хотя и болѣе сыромъ климатѣ.

Молодой Баскервиль съ живымъ интересомъ смотрѣлъ въ окно и громко восклицалъ отъ восторга, когда узнавалъ родныя картины. Девоншира.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я, докторъ Ватсонъ, уѣхалъ отсюда, я изъѣздилъ немалую часть свѣта, — сказалъ онъ, — но ни разу не видѣлъ мѣста, которое могло бы сравниться съ этимъ.

— Я никогда не видѣлъ девонширца, который бы не клялся своею родиною, — возразилъ я.

— Это въ одинаковой степени зависитъ какъ отъ расы, такъ и отъ страны, — замѣтилъ докторъ Мортимеръ. Стоитъ только взглянуть на нашего друга, и его закругленная голова обнаружитъ намъ кельта со свойственнымъ этой расѣ энтузіазмомъ и способностью привязываться. Голова бѣднаго сэра Чарльза была очень рѣдкаго типа, полу-галльскаго, полу-иверійскаго. Но вы были очень молоды, когда покинули Баскервилъголль, не правда ли?

— Я былъ еще юношей, когда умеръ мой отецъ, и никогда не видѣлъ Баскервиль-голля, потому что отецъ жилъ въ маленькомъ коттеджѣ на южномъ берегу. Оттуда же я прямо поѣхалъ къ одному другу въ Америку. Говорю вамъ, что все тутъ такъ же для меня ново, какъ и для доктора

Ватсона, и я съ нетерпѣніемъ жажду увидѣть болото.

— Развѣ? Въ такомъ случаѣ ваше желаніе легко исполнимо, потому что оно уже видно, — сказалъ докторъ Мортимеръ, указывая рукою въ окно.

Надъ зелеными квадратами полей и кривою линіею невысокаго лѣса возвышался вдали сѣрый печальный холмъ, увѣнчанный странною зубчатою верхушкою, производившій впечатлѣніе какого-то мрачнаго фантастическаго пейзажа, виднаго въ отдаленіи, какъ бы во снѣ. Баскервиль долго сидѣлъ молча и пристально смотрѣлъ на него, а я между тѣмъ читалъ на его оживленномъ лицѣ, какое значеніе имѣетъ для него этотъ первый взглядъ на странное мѣсто, гдѣ люди его крови такъ долго властвовали. Американецъ съ виду, онъ сидѣлъ въ углу прозаическаго вагона, а между тѣмъ, смотря на его выразительныя черты, я чувствовалъ болѣе чѣмъ когда-либо, какой онъ истинный потомокъ длиннаго ряда чистокровныхъ, пылкихъ и властолюбивыхъ людей. Его густыя брови, его тонкія подвижныя ноздри, его болыше каріе глаза выражали гордрсть, мужество и силу. Если на проклятомъ болотѣ насъ встрѣтитъ затрудненіе или опасность, можно, по крайней мѣрѣ, быть увѣреннымъ, что онъ такой

товарищъ, для котораго стоитъ идти на рискъ съ увѣренностью, что онъ раздѣлятъ его.

Поѣздъ остановился у маленькой станціи, и мы всѣ вышли. За низкою бѣлою оградою ожидалъ насъ шарабанъ, запряженный парою жеребцовъ. Нашъ пріѣздъ составлялъ, повидимому, событіе, потому что и начальникъ станціи, и носильщики собрались вокругъ насъ, чтобы вынести нашъ багажъ. Мѣстечко было хорошенькое, но простое, деревенское, и я былъ удивленъ, что у воротъ стояли два солдата въ темныхъ мундирахъ; они опирались на короткія винтовки и пристально смотрѣли на насъ, когда мы проходили. Кучеръ, человѣчекъ съ грубымъ суровымъ лицомъ, поклонился сэру Генри Баскервилю, и, усѣвшись въ экипажъ, мы быстро полетѣли по широкой бѣлой дорогѣ. Съ обѣихъ сторонъ развертывались пастбища, и старые дома съ остроконечными крышами выглядывали изъ-за густой зелени, но за этимъ мирнымъ, залитымъ солнцемъ, пейзажемъ безпрерывно выдѣлялась пятномъ на вечернемъ небѣ длинная мрачная извилистая полоса болота, перерѣзанная зубчатыми угрюмыми холмами.

Шарабанъ повернулъ на проселочную дорогу, глубоко изрытую колеями, съ высокими насыпя-

ми по обѣимъ сторонамъ, поросшими мокрымъ мохомъ, жирнымъ папоротникомъ и терновникомъ, многочисленныя ягоды котораго блестѣли при свѣтѣ заходящаго солнца. Постоянно подымаясь, мы переѣхали по узкому гранитному мосту и продолжали путь вдоль шумнаго потока, который, пѣнясь и бушуя, стремительно несся между сѣрыми камнями. И дорога и потокъ шли, извиваясь по долинѣ, густо поросшей старыми дубами и елями. При каждомъ поворотѣ Баскервиль иэдавалъ возгласъ восхищенія, жадно осматривалъ все кругомъ и предлагалъ безчисленные вопросы. На его взглядъ все было красиво, но мнѣ казалось, что на этой мѣстности лежитъ грустная тѣнь и что она очень рѣзко носитъ отпечатокъ печальной поры года. Желтые листья покрывали тропинки и осыпали насъ. Шумъ нашихъ колесъ заглушался густымъ слоемъ гніющей растительности, и я подумалъ, что грустные дары бросаетъ природа подъ колеса возвращающагося наслѣдника Баскервилей.

— Это что такое? — воскликнулъ докторъ Мортимеръ.

Передъ нами открылась круглая возвышенность, покрытая верескомъ, — выдающаяся часть болота. На ея вершинѣ рѣзко и отчетливо, какъ

статуя, выдѣлялся верховой, темный и мрачный, съ винтовкою наготовѣ. Онъ наблюдалъ за дорогою, по которой мы ѣхали.

— Что это такое, Перкинсъ? — спросилъ докторъ Мортимеръ.

Нашъ кучеръ повернулся въ полъ-оборота и отвѣтилъ:

— Изъ Принцтаунской тюрьмы убѣжалъ преступникъ, сэръ. Съ тѣхъ поръ прошло уже три дня, и стражи стерегутъ всѣ дороги и всѣ станціи, но не замѣтили еще никакихъ слѣдовъ его. Здѣшнимъ фермерамъ это не нравится, сэръ, могу васъ увѣрить.

— Но я полагаю, что они получатъ пять фунтовъ, если доставятъ свѣдѣнія о немъ.

— Да, сэръ, но возможность получить пять фунтовъ плохое утѣшеніе при возможности, что вамъ перерѣжутъ горло. Вѣдь это не обыкновенный заключенный. Это человѣкъ, который ни передъ чѣмъ не остановится.

— Кто же это такой?

— Это Сельденъ, ноттингхильскій убійца.

Я помнилъ его дѣло, потому что имъ заинтересовался Холмсъ вслѣдствіе исключительнаго звѣрства преступленія и безстыдной грубости, какою были отмѣчены всѣ дѣйствія убійцы. За-

мѣна смертной казни заключеніемъ произошла вслѣдствіе сомнѣнія въ здравости его разсудка, настолько поведеніе его было ужасно. Нашъ шарабанъ поднялся на вершину, откуда открылось передъ нашими глазами громадное пространство болота, испещренное огромными каменными глыбами и неровными вершинами. Съ этого болота подулъ на насъ холодный вѣтеръ, отъ котораго насъ проняла дрожь. Гдѣ-то тамъ, на этой мрачной равнинѣ, прячется ужасный человѣкъ, зарывшись въ нору, какъ дикій звѣрь, съ сердцемъ, полнымъ злобы противъ человѣчества, изгнавшаго его. Недоставало только этого для полноты мрачнаго впечатлѣнія, производимаго пустынею, пронизывающимъ вѣтромъ и потемнѣвшимъ небомъ. Даже Баскервиль умолкъ и плотнѣе завернулся въ свое пальто.

Мы оставили за собою плодородную мѣстность. Мы теперь оглядывались на нее, а косые лучи заходящаго солнца обращали ручьи въ золотыя нити, заставляли ярко горѣть красную вновь вспаханную землю, и широкую гирлянду лѣсовъ. Впереди насъ дорога становилась все болѣе мрачною и дикою, проходя надъ громадными бурыми откосами, осыпанными исполинскими каменьями. По временамъ мы проѣзжали мимо

какого-нибудь коттеджа на болотѣ съ каменными стѣнами и крышею, безъ всякихъ вьющихся растеній, которыя бы смягчали ихъ рѣзкія очертанія. Вдругъ мы заглянули въ чашеобразное углубленіе съ разбросанными по немъ чахлыми дубами и елями, исковерканными и согнутыми многолѣтними свирѣпыми бурями. Надъ деревьями возвышались двѣ узкія башни. Кучеръ указалъ на нихъ кнутомъ и сказалъ:

— Баскервиль-голль.

Его господинъ привсталъ съ сидѣнья: щеки его раскраснѣлись, глаза горѣли. Черезъ нѣсколько минутъ мы подъѣхали къ воротамъ парка, фантастической путаницѣ изъ желѣза съ изношенными непогодою столбами, покрытыми мохомъ и увѣнчанными кабаньими головами изъ герба Баскервилей. Сторожка представляла собою развалины изъ чернаго гранита и стропилъ, но противъ нея находилось недостроенное новое зданіе, первое примѣненіе южно-африканскаго золота, вывезеннаго сэромъ Чарльзомъ.

Мы въѣхали въ аллею, гдѣ шумъ колесъ былъ снова заглушенъ слоемъ упавшихъ листьевъ, и старыя деревья сходились въ видѣ свода надъ нашими головами. Баскервиль содрогнулся, когда мы проѣзжали вдоль длинной темной аллеи,

въ концѣ которой смутно вырисовывался, какъ привидѣніе, домъ.

— Это случилось здѣсь? — спросилъ онъ тихимъ голосомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, тисовая аллея находится съ другой стороны.

Молодой наслѣдникъ бросилъ вокругъ себя мрачный взглядъ.

— Неудивительно, что дядѣ чувствовалось не по себѣ въ подобномъ мѣстѣ, — сказалъ онъ. Тутъ всякій будетъ напуганъ. Не дальше какъ черезъ полгода я поставлю рядъ электрическихъ фонарей, и вы не узнаете дома, когда подъѣздъ будетъ освѣщенъ лампою Свана и Эдисона въ тысячу свѣчей.

Аллея оканчивалась обширною площадкою, покрытою дерномъ, и мы увидѣли домъ. При угасающемъ свѣтѣ я замѣтилъ, что середина его представляла тяжелую мглу, изъ которой выдѣлялся портикъ. Весь фасадъ былъ покрытъ плющемъ, кое-гдѣ прорѣзаннымъ окномъ или гербомъ, слабо свѣтившимся сквозь плющъ. Отъ центральной массы подымались двѣ башни, — древнія, зубчатыя, съ множествомъ бойницъ. Справа и слѣва примыкали къ башнямъ болѣе новыя прйстройки изъ чернаго гранита. Изъ оконъ

съ частыми переплетами шелъ тусклый свѣтъ, а изъ трубъ на шпицѣ крутой крыши подымалась единственная струйка дыма.

— Добро пожаловать, сэръ Генри! Добро пожаловать въ Баскервиль-голль!

Изъ тѣни портика выступилъ высокій мужчина и открылъ дверцу шарабана. На желтой стѣнѣ передней проектировался женскій силуэтъ. Она вышла и помогла мужчинѣ забрать нашъ багажъ.

— Не отпустите ли вы меня прямо домой, сэръ Генри? — спросилъ докторъ Мортимеръ. Жена ожидаетъ меня.

— Развѣ вы не пообѣдаете съ нами?

— Нѣтъ, мнѣ нужно ѣхать. По всей вѣроятности, меня дома ждетъ работа. Я бы остался, чтобы показать вамъ домъ, но Барриморъ сдѣлаетъ это лучше меня. Прощайте и никогда не бойтесь посылать за мною днемъ ли, ночью ли, когда бы я ни понадобился.

Шумъ колесъ заглохъ вдали аллеи, пока сэръ Генри и я вошли въ переднюю, и дверь подъѣзда тяжело захлопнулась за нами. Мы очутились въ красивомъ помѣщеніи, просторномъ, высокомъ, съ тяжелымъ потолкомъ изъ стараго чернаго дуба. Въ большомъ, старинной постройки, ка-

минѣ трещалъ огонь. Сэръ Генри и я протянули къ нему руки, такъ какъ онѣ у насъ онѣмѣли отъ продолжительной ѣзды. Затѣмъ мы осмотрѣлись кругомъ, — на высокія узкія окна со старыми мутными стеклами, на дубовыя стѣны, на кабаньи головы, на гербы; все это было мрачно при тускломъ освѣщеніи висѣвшей по серединѣ комнаты лампы.

— Все здѣсь имѣетъ совершенно такой видъ, какъ я себѣ представлялъ, — сказалъ сэръ Генри. Не находите ли вы, что это типичный домъ древняго рода? Подумать только, что въ этомъ самомъ залѣ жили кровные мои пятьсотъ лѣтъ назадъ! Эта мысль порождаетъ во мнѣ какую-то торжественность.

Я видѣлъ, какъ загорѣлое лицо сэра Генри просіяло дѣтскимъ восторгомъ. Онъ стоялъ посреди комнаты, и свѣтъ падалъ прямо на него, но отъ стѣнъ тянулись длинныя тѣни, покрывавшія его какъ бы балдахиномъ. Барриморъ, отнесшій багажъ въ наши комнаты, вернулся. Онъ стоялъ передъ нами въ почтительной позѣ хорошо воспитаннаго слуги. Наружность его была замѣчательная; онъ былъ высокъ, красивъ, съ черною бородою, ровно остриженною, и блѣдными тонкими чертами.

— Желаете ли вы, сэръ, чтобы обѣдъ былъ тотчасъ же поданъ?

— Развѣ онъ готовъ?

— Онъ будетъ готовъ черезъ нѣсколько минутъ. Въ своихъ комнатахъ вы найдете теплую воду. Жена и я будемъ счастливы, сэръ Генри, остаться у васъ, пока вы не сдѣлаете новыхъ распоряженій, но вы, конечно, понимаете, что при новыхъ условіяхъ домъ этотъ потребуетъ значительнаго штата.

— Какія новыя условія?

— Я хотѣлъ сказать, сэръ, что сэръ Чарльзъ велъ очень уединенную жизнь, и мы были въ состояніи исполнять его требованія. Вы же, естественно, захотите видѣть у себя болѣе многочисленное общество, а потому вамъ потребуется иного рода домашнее хозяйство.

— Неужели вы и жена ваша хотите уйти отъ меня?

— Если и это не причинитъ вамъ неудобства.

— Но вѣдь ваше семейство жило у насъ въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній, не правда ли? Мнѣ будетъ очень больно начать здѣсь свою жизнь разрывомъ старой семейной связи.

Мнѣ показалось, что блѣдное лицо дворецкаго выразило нѣкоторое волненіе.

— И мы съ женой чувствуемъ то же самое, сэръ. Но, по правдѣ сказать, мы оба были очень привязаны къ сэру Чарльзу; смерть его нанесла намъ ударъ и сдѣлала очень тяжелымъ пребываніе въ этихъ стѣнахъ. Я боюсь, что мы уже никогда не будемъ чувствовать себя хорошо въ Баскервиль-голлѣ.

— Что же вы намѣрены дѣлать?

— Я не сомнѣваюсь, сэръ, что намъ удастся предпринять какое-нибудь дѣло. Щедрость сэра Чарльза дала намъ на это возможность. А теперь, сэръ, можетъ-быть, лучше будетъ показать вамъ ваши комнаты?

Вокругъ верхней части древняго вестибюля шла галлерея съ перилами, и къ ней примыкала двойная лѣстница. Отъ этого центральнаго пункта во всю длину строенія шли два длинныхъ коридора, на которые выходили всѣ спальни. Моя и сэра Генри спальни находились въ одномъ и томъ же флигелѣ и были почти смежными. Эти комнаты казались гораздо болѣе современными, чѣмъ центральная часть дома; свѣтлые обои и многочисленыя свѣчи нѣсколько разсѣяли мое первое мрачное впечатлѣніе.

Но столовая, выходившая въ вестибюль, была мрачнымъ и печальнымъ мѣстомъ. Это была

длинная комната, раздѣленная уступомъ на эстраду, на которой сиживала семья, и на болѣе низкую часть, гдѣ размѣщались подчиненные. На одномъ ея концѣ были хоры для музыкантовъ. Надъ нашими головами тянулись черныя балки съ закоптѣлымъ потолкомъ надъ ними. Рядъ ослѣпительныхъ факеловъ и грубое веселье пировъ стараго времени, можетъ быть, и смягчали угрюмый видъ этой комнаты. Но теперь, когда двое мужчинъ въ черномъ сидѣли при слабоімъ освѣщеніи лампы съ абажуромъ, поневолѣ хотѣлось говорить шопотомъ, и чувствовалось угнетенное состояніе. Мрачный рядъ предковъ во всевозможныхъ одѣяніяхъ, начиная отъ елизаветинскаго рыцаря, кончая щеголемъ временъ регентства, смотрѣли на насъ и наводили жуткое чувство своимъ молчаливымъ сообществомъ. Мы не много говорили, и я былъ радъ, когда окончился нашъ обѣдъ, и мы могли уйти въ болѣе современную билліардную и выкурить тамъ папироску.

— Поистинѣ не очень-то это весглое мѣсто, — сказалъ сэръ Генри. Полагаю, что современемъ можно настолько опуститься, чтобы примириться съ нимъ, но теперь я чувствую себя нсподходящимъ для него. Я не удивляюсь, что

мой дядя немного свихнулся, если онъ жилъ въ одиночествѣ въ этомъ домѣ. Однако же, если вы пичего не имѣете противъ, мы разойдемся пораньше сегодня, и авось завтра утромъ предметы покажутся намъ болѣе веселыми.

Я раздвинулъ занавѣси, прежде чѣмъ лечь въ постель, и посмотрѣлъ въ окно. Оно выходило на зеленую лужайку у подъѣзда. За нею двѣ группы деревьевъ шумѣли и раскачивались поднявшимся вѣтромъ. Серпъ луны выглядывалъ изъ-за бѣгущихъ облаковъ. При его холодномъ свѣтѣ я увидѣлъ за деревьями ломаную линію скалъ и длинную, низкую впадину угрюмаго болота. Я спустилъ занавѣси, почувствовавъ, что мое послѣднее впечатлѣніе было не лучше первыхъ.

А между тѣмъ оно было не самымъ послѣднимъ. Я былъ утомленъ, а спать мнѣ не хотѣлось. Я ворочался съ боку на бокъ, призывая сонъ, который не приходилъ. Гдѣ-то далеко куранты пробили четверти, и, за исключеніемъ этого звука, старый домъ былъ погруженъ въ гробовое молчаніе. И вдругъ, среди полной тишины, я услыхалъ звукъ, ясный, отчетливый и безошибочный. Это было рыданіе женщины, заглушенный, подавленный стонъ человѣка, терзаемаго непреодолимымъ горемъ. Я сѣлъ на постели и сталъ напряженно

слушать. Звукъ этотъ раздался вблизи и, конечно, былъ изданъ въ самомъ доыѣ. Я ожидалъ въ продолженіе получаса, всѣ нервы мои были натянуты, но не услыхалъ ничего, кромѣ курантовъ и шелеста плюща на стѣнѣ.

VII
Стаплътоны изъ Меррипитъ-гауза

Свѣжая красота слѣдующаго утра нѣсколько изгладила мрачное впечатлѣніе, произведенное на насъ первымъ знакомствомъ съ Баскервиль-голлемъ. Когда сэръ Генри и я сидѣли за завтракомъ, солнечный свѣтъ врывался потоками черезъ высокія окна и, проходя сквозь покрывавшіе ихъ гербы, бросалъ на полъ разноцвѣтныя пятна. Темныя стѣны, отражая золотистые лучи, казались бронзовыми, и трудно было представить себѣ, что мы сидимъ въ той самой комнатѣ, которая наканунѣ вечеромъ такъ угнетающе подѣйствовала на насъ.

— Я думаю, — сказалъ баронетъ, — что вина лежала въ насъ самихъ, а не въ домѣ. Мы устали отъ путешествія, прозябли и потому были склонны видѣть все въ мрачномъ свѣтѣ. Теперь же мы освѣжились, чувствуемъ себя хорошо, и все стало весело вокругъ насъ.

— А между тѣмъ нельзя приписать все воображенію, — возразилъ я. Не слыхали ли вы,

напримѣръ, какъ кто-то (женщина, полагаю я) рыдалъ ночью?

— Это любопытно, потому что и мнѣ, когда я началъ дремать, послышалось что-то въ этомъ родѣ. Я долго прислушивался, но такъ какъ звукъ не повторился, то рѣшилъ, что видѣлъ сонъ.

— А я его слышалъ совершенно ясно и увѣренъ, что это рыдалаженщина.

— Слѣдуетъ тотчасъ же это выяснить.

Сэръ Генри позвонилъ и спросилъ Барримора, не можетъ ли онъ объяснить слышанное нами. Мнѣ показалось, что блѣдное лицо дворецкаго еще болѣе поблѣднѣло, когда онъ услыхалъ вопросъ своего хозяина.

— Въ домѣ, сэръ Генри, только двѣ женщины, — отвѣтилъ онъ. Одна — судомойка, но она спитъ въ другомъ флигелѣ, другая — моя жена, и я отвѣчаю за то, что она не плакала.

А между тѣмъ онъ лгалъ, потому что послѣ завтрака я встрѣтилъ миссисъ Барриморъ въ длинномъ коридорѣ, при чемъ солнце прямо освѣщало ея лидо. Это была большая, съ виду равнодушиая, тяжеловѣсная женщина съ установившимся строгимъ выраженіемъ рта. Но много говорившіе глаза ея были красны и она бросила на меня взглядъ изъ-за распухшихъ вѣкъ. Такъ,

значитъ, ночью плакала она, и въ такомъ случаѣ мужъ ея долженъ былъ это знать. А между тѣмъ онъ взялъ на себя очевидный рискъ скрыть это обстоятельсгво. Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ? И почему она такъ горько плакала? Вокругъ этого блѣднаго, красиваго мужчины уже скопилась таинственная и мрачная атмосфера. Онъ первый увидалъ тѣло сэра Чарльза, и только отъ него одного были извѣстны всѣ обстоятельства, сопровождавшія смерть старика. Въ концѣ концовъ возможно, что человѣкъ, котораго мы видѣли въ кэбѣ на Реджентъ-стритѣ, былъ Барриморъ. Борода могла быть его собственная. Изъ описанія извозчика выходило, что его сѣдокъ былъ нѣсколько ниже ростомъ, но это впечатлѣніе могло быть ошибочнымъ. Какъ рѣшитъ этотъ вопросъ? Очевидно было, что прежде всего слѣдовало повидать гримпенскаго почтмейстера и узнать, была ли вручена самому Барримору провѣрочная телеграмма. Какой бы я ни получилъ отвѣтъ, мнѣ будетъ, по крайней мѣрѣ, что донести Шерлоку Холмсу.

Послѣ завтрака сэру Генри нужно было разсмотрѣть различныя бумаги, а потому время было самое благопріятное для моей экскурсіи. Мнѣ пришлось совершить пріятную прогулку

въ четыре мили по краю болота, и я дошелъ до маленькой сѣрой деревушки, въ которой возвышались надъ другими строеніями трактиръ и домъ доктора Мортимера. Почтмейстеръ, бывшій одновременно и сельскимъ лавочникомъ, хорошо помнилъ телеграмму.

— Конечно, сэръ, — сказалъ онъ, — я переслалъ телеграмму мистеру Барримору въ точности, какъ было указано.

— Кто относилъ ее?

— Мой мальчикъ. Джэмсъ, ты относилъ на прошлой недѣлѣ телеграмму мистеру Барримору въ голль, не правда ли?

— Я, отецъ.

— И отдалъ ее ему въ руки? — спросилъ я.

— Онъ былъ тогда на чердакѣ, такъ я не могъ отдать телеграмму ему въ руки, но миссисъ Барриморъ обѣщала тотчасъ же передать ее.

— Видѣли ли вы мистера Барримора?

— Нѣтъ, сэръ. Говорю вамъ, что онъ былъ на чердакѣ.

— Если вы его не видачи, почему же вы знаете, что онъ былъ на чердакѣ?

— Боже мой, да его же собственная жена должна была знать, гдѣ онъ находится, — сказалъ почтмейстеръ недовольнымъ тономъ. Развѣ онъ

не получилъ телеграммы? Если произошла какая-нибудь ошибка, то жаловаться долженъ самъ мистеръ Барриморъ.

Безнадежнымъ казалось продолжать далѣе мое слѣдствіе, но ясно было одно, что, не смотря на хитрость Холмса, мы не имѣли никакихъ доказательствъ тому, что Барриморъ не ѣздилъ тогда въ Лондонъ. Предположимъ, что онъ ѣздилъ, предположимъ, что тотъ же самый человѣкъ послѣдній видѣлъ сэра Чарльза въ живыхъ и первый слѣдилъ за новымъ наслѣдникомъ, какъ только онъ пріѣхалъ въ Англію. Что же изъ этого слѣдуетъ? Былъ ли онъ агентомъ другихъ или же у него у самого были какіе-нибудь злые умыслы? Какой ему интересъ преслѣдовать родъ Баскервилей? Я думалъ о странномъ предостереженіи, составленномъ изъ словъ передовой статьи "Таймса". Было ли это его дѣломъ или, можетъ быть, кого-нибудь другого, кто хотѣлъ противодѣйствовать его планамъ? Единственнымъ понятнымъ мотивомъ для его дѣйствій было бы то, что высказалъ сэръ Генри, а именно напугать Баскервиля такъ, чтобы онъ не пріѣзжалъ въ свои владѣнія, и въ такомъ случаѣ Барриморамъ было бы обезпечено удобное и постоянное мѣсто жительства. Но такая точка зрѣнія совершенно

не могла объяснить, почему понадобились столь тонкія махинаціи, которымя, какъ невидимою сѣтью, былъ окруженъ молодой баронетъ. Самъ Холмсъ сказалъ, что ему не случалось встрѣчать во время своихъ многочисленныхъ сенсаціонныхъ разслѣдованій болѣе сложнаго случая. Идя по сѣрой пустынной дорогѣ, я молилъ Бога, чтобы мой другъ поскорѣе освободился отъ своихъ дѣлъ и пріѣхалъ снять со моихъ плечъ тяжелую отвѣтственностъ.

Вдругъ мои думы были прерваны звукомъ быстрыхъ шаговъ и голосомъ, зовущимъ меня по имени. Я обернулся, ожидая увидѣть доктора Мортимера, но, къ удивленію своему, убѣдился, что за мною бѣжитъ совершенно незнакомый человѣкъ. То былъ небольшого роста, худой, гладко выбритый мужчина, съ бѣлокурыми волосами и впалыми щеками, лѣтъ отъ тридцати до сорока, въ сѣромъ костюмѣ и соломенной шляпѣ. У него черезъ плечо висѣла жестяная ботаническая коробка, а въ рукѣ была зеленая сѣтка для ловли бабочекъ.

— Я увѣренъ, докторъ Ватсонъ, что вы извините мнѣ мою смѣлость, — сказалъ онъ, когда, запыхавшись, добѣжалъ до меня. Мы здѣсь на болотѣ люди простые и не ждемъ формальныхъ

представленій. Вы, можетъ быть, слышали мое имя отъ нашего общаго друга, доктора Мортимера. Я Стапльтонъ изъ Меррипитъ-гауза.

— Я бы узналъ васъ по сѣткѣ и ящику, — отвѣтилъ я, — потому что мнѣ извѣстно, что мистеръ Стапльтонъ натуралистъ. Но какъ вы узнали меня?

— Я былъ у Мортимера, и онъ указалъ мнѣ на васъ изъ окна своей операціонной комнаты. Такъ какъ намъ съ вами по пути, то я рѣшилъ васъ догнать и представиться вамъ. Надѣюсь, что сэръ Генри не чувствуетъ себя хуже послѣ путешествія?

— Онъ чувствуетъ себя очень хорошо, благодарю васъ.

— Мы всѣ боялись, что послѣ трагической смерти сэра Чарльза новый баронетъ не захочетъ жить здѣсь. Нельзя требовать отъ богатаго человѣка, чтобы онъ похоронилъ себя въ такомъ мѣстѣ, но нечего говорить, что если онъ поселится здѣсь, то принесетъ большую пользу странѣ. Полагаю, что сэръ Генри не одержимъ никакими суевѣрными страхами?

— Не думаю, чтобы это могло быть.

— Вамъ, конечно, знакома легенда о вражеской собакѣ, преслѣдующей родъ Баскервилей?

— Слыхалъ о ней.

— Удивительно, насколько легковѣрны здѣшніе крестьяне. Нѣкоторые готовы поклясться, что видѣли подобную тварь на болотѣ.

Онъ говорилъ съ улыбкою, но мнѣ казалось по его глазамъ, что онъ смотритъ на дѣло серіознѣе, чѣмъ хочетъ это показать.

— Исторія эта сильно подѣйствовала на воображеніе сэра Чарльза, и я не сомнѣваюсь, что она была причиною его трагической смерти.

— Но какимъ образомъ?

— Его нервы были настолько напряжены, что появленіе какой бы то ни было собаки могло произвести роковое дѣйствіе на его больное сердце. Я думаю, что онъ въ самомъ дѣлѣ видѣлъ что-нибудь въ этомъ родѣ въ тисовой аллеѣ въ послѣднюю свою ночь. Я опасался несчастія, потому что очень любилъ старика и зналъ, что сердце его слабо.

— Почему вы это знали?

— Отъ друга моего Мортимера.

— Такъ вы думаете, что какая-нибудь собака преслѣдовала сэра Чарльза, и что онъ вслѣдствіе этого умеръ отъ страха?

— А вы можете объяснить его смерть какъ-нибудь иначе?

— Я не пришелъ еще ни къ какому заключенію.

— А мистеръ Шерлокъ Холмсъ?

Отъ этихъ словъ дыханіе остановилось у меня въ груди, но, взглянувъ на спокойное лицо и не мигающіе глаза своего спутника, я увидѣлъ, что у него не было никакого намѣренія застать меня врасплохъ.

— Безполезно намъ, докторъ Ватсонъ, притворяться, что мы васъ не знаемъ, — сказалъ онъ. Отчеты о вашемъ сыщикѣ дошли до насъ, и вы не могли его восхвалять безъ того, чтобы не сдѣлаться самому извѣстнымъ. Когда Мортимеръ назвалъ мнѣ васъ, онъ не могъ отрицать подлинности вашей личности. Если вы здѣсь, значитъ, мистеръ Шерлокъ Холмсъ заинтересованъ этимъ дѣломъ, и естественно, что мнѣ любопытно узнать, какого онъ держится мнѣнія.

— Опасаюсь, что я не въ состояніи отвѣтить на этотъ вопросъ.

— Смѣю я васъ спросить, сдѣлаетъ ли онъ намъ честь своимъ личнымъ присутствіемъ?

— Въ настоящее время онъ не можетъ покинуть Лондона. Его вниманіе поглощено другими дѣлами.

— Какая жалость! Онъ могъ бы пролить нѣкото-

рый свѣгь на то, что такъ темно для насъ. Что же касается вашихъ разслѣдованій, то если какимъ-нибудь образомъ я могу быть вамъ полезенъ, то, надѣюсь, вы будете располагать мною. Если бы я имѣлъ нѣкоторыя указанія на свойства вашихъ подозрѣній или на способъ, какимъ вы полагаете вести свои разслѣдованія, то, можетъ быть, я и въ настоящую минуту могъ бы оказать вамъ помощь или подать совѣть.

— Увѣряю васъ, что я здѣсь просто въ гостяхъ у своего друга сэра Генри и не нуждаюсь ни въ какой помощи.

— Прекрасно! Вы совершенно правы, желая быть осторожнымъ и сдержаннымъ. Я подѣломъ проученъ за то, что считаю непростительною навязчивостью, и обѣщаю вамъ больше не упоминать объ этомъ дѣлѣ.

Мы дошли до пункта, гдѣ узкая поросшая травою тропинка, отдѣлившись отъ дороги, вилась по болоту. Вдали поднимался крутой холмъ, усыпанный валунами; съ правой стороны онъ былъ въ далекомъ прошломъ изрытъ каменоломнями, а передней своей стороной смотрѣлъ на насъ темнымъ утесомъ, поросшимъ по скважинамъ папоротникомъ, и терновникомъ. Изъ-за дальней вершины вилась сѣрая струйка дыма.

— Нѣсколько шаговъ по этой болотной тропинкѣ, и мы въ Меррипитъ-гаузѣ, — сказалъ Стапльтонъ. Не пожертвуете ли вы часомъ своего времени, чтобы я могъ имѣть удовольствіе представить васъ своей сестрѣ?

Моею первою мыслью было, что я долженъ быть возлѣ сэра Генри. Но я вспомнилъ о кипахъ бумагъ и счетовъ, которыми былъ усѣянъ его столъ. Уже навѣрное онъ не нуждался въ моей помощи для ихъ разбора. А Холмсъ настоятельно просилъ меня изучить сосѣдей на болотѣ. Я принялъ приглашеніе Стапльтона, и мы свернули на тропинку.

— Удивительное мѣсто это болото, — говорилъ онъ, оглядывая кругомъ волнистую поверхность, — длинныя зеленыя гряды съ гребнями зубчатаго гранита, подымавшимися въ видѣ фантастическихъ пѣнящихся волнъ. Болото никогда не можетъ надоѣсть. Вы не можете себѣ представить, какія удивительныя тайны оно хранитъ. Оно такъ обширно, такъ пустынно и такъ таинственно.

— Такъ оно, значитъ, хорошо вамъ знакомо?

— Я живу здѣсь только два года. Мѣстные жители назовуть меня пожалуй новопришельцемъ. Мы пріѣхали сюда вскорѣ послѣ того, какъ посе-

лился здѣсь сэръ Чарльзъ. Но, подчиняясь своимъ вкусамъ, я изслѣдовалъ всю страну и думаю, что немногіе знаютъ ее лучше меня.

— Развѣ ее такъ трудно изучить?

— Очень трудно. Посмотрите, напримѣръ, на большую плоскость на сѣверъ отъ насъ съ причудливыми холмами, какъ бы выступающими изъ нея. Вы ничего не находите въ ней замѣчательнаго?

— Это рѣдкое мѣсто для хорошаго галопа.

— Естественно, что вы такъ думаете, а такое мнѣніе стоило людямъ жизни. Видите вы эти яркія зеленыя пятна, разбросанныя по ней...

— Да, они имѣютъ видъ болѣе плодородныхъ мѣстъ.

Стапльтонъ разсмѣялся.

— Это большая Гримпенская трясина, — сказалъ онъ. Невѣрный шагъ, и человѣку ли, животному ли — смерть. Еще вчера я видѣлъ, какъ одна изъ болотныхъ лошадокъ пропала въ ней. Я долго видѣлъ ея голову, высовывавшуюся изъ болота, но въ концѣ концовъ оно засосало и ее. Въ сухое даже время тутъ опасно проходить, а послѣ осеннихъ дождей это ужасное мѣсто. Между тѣмъ я могу добраться до самой середины этой трясины и вернуться оттуда живымъ и

невредимымъ. О Боже, вотъ еще одно изъ этихъ несчастныхъ пони!

Что-то бурое каталось и подпрыгивало въ зеленой осокѣ. Затѣмъ показалась вытянутая вверхъ и судорожно корчившаяся шея, и надъ болотомъ пронесся страшный предсмертный стонъ. Я похолодѣлъ отъ ужаса, но нервы моего спутника были, повидимому, сильнѣе моихъ.

— Исчезла! — сказалъ онъ — трясина поглотила ее. Двѣ лошади въ два дня, а можетъ быть и гораздо болѣе, потому что онѣ въ сухое время привыкаютъ ходить туда и только тогда узнаютъ объ опасности, когда трясина завладѣетъ ими. Да, скверное мѣсто большая Гримпенская трясина!

— И вы говорите, что можете ходить по ней?

— Да, есть одна или двѣ тропинки, по которымъ можетъ пробѣжать очень ловкій человѣкъ. Я ихъ нашелъ.

— Но зачѣмъ вамъ ходить въ такое отвратительное мѣсто?

— Видите вы тамъ вдали эти холмы? Они представляютъ собою острова, окруженные со всѣхъ сторонъ бездушной трясиной, медленно подползшей къ нимъ въ теченіе многихъ годовъ. На этихъ холмахъ находятся рѣдкія растенія и бабочки, и надо умѣть добраться до нихъ.

— Я когда-нибудь попробую свое счастіе.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— Бога ради выкиньте изъ головы такую мысль! Ваша кровь падетъ на мою голову. Увѣряю васъ, что вы не имѣли бы ни малѣйшаго шанса вернуться оттуда живымъ. Я могу добраться туда только при помощи запоминанія очень сложныхъ примѣтъ.

— Это что такое?! — воскликнулъ я. по болоту пронесся протяжный низкій стонъ, невыразимо печальный. Онъ наполнилъ воздухъ, а между тѣмъ невозможно было сказать, откуда онъ исходитъ. Начался онъ грустнымъ шопотомъ и возросъ до низкаго рева, а затѣмъ снова затихъ въ тихомъ меланхолическомъ звукѣ. Стапльтонъ посмотрѣлъ на меня съ выраженіемъ любопытства на лицѣ.

— Странное мѣсто болото, — сказалъ онъ.

— Да что же это такое?

— Крестьяне говорятъ, что это Баскервильская собака требуетъ своей добычи. Я раза два слышалъ этотъ звукъ, но не такъ громко, какъ сегодня.

Я съ дрожью въ сердцѣ посмотрѣлъ на громадную равнину, испещреную зелеными пятнами. Ничто не шевелилось на этомъ обширномъ

пространствѣ, за исключеніемъ двухъ воронъ, громко каркавшихъ на одной изъ вершинъ позади насъ.

— Вы человѣкъ образованный, — сказалъ я. Не вѣрите же вы такой безсмыслицѣ? Какъ вы думаете, какая причина такого страннаго звука?

— Болота издаютъ иногда необычайные звуки. Происходятъ они или отъ того, что земля садится, или отъ того, что вода поднимается, а можетъ быть и отъ чего-нибудь другого.

— Нѣтъ, нѣтъ, это былъ живой голосъ.

— Можетъ быть. Слыхали вы когда-нибудь, какъ реветъ выпь?

— Нѣтъ, никогда.

— Это очень рѣдкая птица, исчезнувшая нынѣ изъ Англіи, но на болотѣ все возможно. Да, я бы не удивился, если бы оказалось, что слышанный нами звукъ былъ ревъ послѣдней выпи.

— Это самый странный звукъ, какой я когда-либо слыхалъ въ жизни.

— Да, во всякомъ случаѣ, это необыкновенное мѣсто. Посмотрите на тотъ склонъ холма. Что вы о немъ думаете?

Весь крутой склонъ былъ покрытъ сѣрыми каменными кругами; ихъ было по крайней мѣрѣ штукъ двадцать.

— Что это такое? Ограды для овецъ?

— Нѣтъ, это жилища нашихъ почтенныхъ предковъ. Доисторическіе люди густо населяли болото, и такъ какъ никто съ тѣхъ поръ не живетъ здѣсь, то мы находимъ нетронутыми всѣ ихъ приспособленія къ жизни. Это ихъ вигвамы, съ которыхъ снесли крыши. Вы можете даже увидѣть ихъ очаги и ложа, если полюбопытствуете войти туда.

— Но вѣдь это цѣлый городъ. Когда и кѣмъ онъ былъ населенъ?

— Неолитическимъ человѣкомъ. Время неизвѣстно.

— Что онъ дѣлалъ?

— Онъ пасъ свои стада на этихъ склонахъ и научился раскапывать олово, когда мѣдный мечъ началъ замѣнять каменную сѣкиру. Посмотрите на эту большую выемку. Это его работа. Да, докторъ Ватсонъ, вы найдете много любопытнаго на болотѣ. Ахъ, простите меня! Это навѣрное циклопида.

Черезъ тропинку перелетѣла муха или моль, и въ одинъ моментъ Стапльтонъ бросился за нею съ необыкновенною энергіею и быстротою. Къ ужасу моему, насѣкомое летѣло прямо по направленію къ трясинѣ, но мой новый знакомый,

не останавливаясь, прыгалъ за нею съ кочки на кочку, и въ воздухѣ развѣвалась его зеленая сѣтка. Сѣрый костюмъ и неправильные зигзаги прыжковъ дѣлали его самого похожимъ на гигантскую моль. Я стоялъ, пристально слѣдя за его охотою съ чувствомъ восхищенія передъ его необыкновенной ловкостью и страха, что онъ можетъ оступиться на предательской трясинѣ, какъ-вдругъ услыхалъ за собою шаги и, обернувшись, увидѣлъ возлѣ себя на тропінкѣ женщину. Она пришла съ той стороны, гдѣ струйка дыма указывала на мѣстоположеніе Меррипитъ-гауза, но неровности болота скрывали ее, пока она не подошла совсѣмъ близко.

Я не сомнѣвался ни одной минуты въ томъ, что это — миссъ Стаплътонъ, о которой мнѣ говорили, такъ какъ на болотѣ должно было быть немного дамъ, и я помнилъ, что кто-то описывалъ ее какъ красавицу. И дѣйствительно, подошедшая ко мнѣ женщина была красавица самаго необыкновеннаго типа. Нельзя себѣ представить большаго контраста, чѣмъ тотъ, который существовалъ между братомъ и сестрою: Стаплътонъ былъ безцвѣтенъ, съ свѣтлыми волосами и сѣрыми глазами, она же болѣе темная брюнетка, чѣмъ тѣ, которыхъ случается встрѣчать въ Англіи, строй-

ная, изящная и высокая. У нея было гордое лицо съ тонкими чертами, до-того правильными, что онѣ казались бы не выразительными, если бы не чувственный ротикъ и чудные, темные, живые глаза. Эта совершенная фигурка въ изящномъ нарядѣ была страннымъ явленіемъ на пустынной болотной тропинкѣ. Когда я обернулся, она смотрѣла на брата, но затѣмъ быстро подошла ко мнѣ. Я приподнялъ шляпу, желая объяснить ей свое присутствіе, какъ вдругъ ея слова обратили мои мысли по совершенно иному направленію.

— Уѣзжайте! — сказала она. Возвращайтесь прямо въ Лондонъ, немедленно!

Я могъ только смотрѣть на нее съ глупымъ недоумѣніемъ. Ея глаза горѣли, и она нетерпѣливо ударяла ногою о землю.

— Зачѣмъ мнѣ возвращаться? — сщюсилъ я.

— Я не могу этого объяснить. Она говорила горячо, низкимъ голосомъ и какъ-то оригинально картавя.

— Но, Бога ради, сдѣлайте то, о чемъ я прошу. Уѣзжайте, и чтобы никогда больше ноги вашей не было на болотѣ.

— Но я только-что пріѣхалъ.

— Мужчина! мужчина! — воскликнула она. Неужели вы не способны понять, когда предо-

стереженіе дѣлается для вашего же добра? Возвращайтесь въ Лондонъ! Уѣзжайте сегодня же. Бросьте это мѣсто во что бы то ни стало! Тс! мой братъ возвращается. Ни слова о томъ, что я сказала. Не сорвете ли вы для меня этотъ цвѣтокъ тамъ въ хвощѣ? У насъ на болотѣ очень много этого вида цвѣтовъ, хотя, конечно, вы опоздали для того, чтобы любоваться красотами этой мѣстности.

Стапльтонъ бросилъ свою охоту и вернулся къ намъ красный и запыхавшійся.

— А, Бериль! — произнесъ онъ, и мнѣ показалось, что его привѣтствіе было далеко не сердечнымъ.

— Ахъ, Джэкъ, какъ ты разгорячился!

— Да, я охотился за циклопидой. Онѣ очень рѣдки, и ихъ трудно увидѣть позднею осенью. Какъ жаль, что я упустилъ ее!

Онъ говорилъ беззаботнымъ тономъ, но его маленькіе, свѣтлые глазки безпрестанно перебѣгали съ дѣвушки на меня.

— Я вижу, что вы уже познакомились.

— Да. Я говорила сэру Генри, что теперь уже поздно для того, чтобы любоваться истинными красотами болота.

— Что такое? За кого ты его принимаешь?

— Я думаю, что это долженъ быть сэръ Генри Баскервиль.

— Нѣтъ, нѣтъ, — сказалъ я. Я простой смертный, но его другъ. Я докторъ Ватсонъ.

Краска досады залила ея выразительное лицо.

— Нашъ разговоръ былъ сплошнымъ недоразумѣніемъ, — сказала она.

— У васъ немного было времени для разговора, — замѣтилъ ея братъ съ тѣмъ же вопросительнымъ выраженіемъ въ глазахъ.

— Я говорила съ докторомъ Ватсономъ, какъ съ постояннымъ жителемъ, а не какъ съ пріѣзжимъ, — отвѣтила она. Какое ему дѣло до того, рано или поздно онъ пріѣхалъ для того, чтобы видѣть эти цвѣты. Но вы пойдете съ нами въ Меррипитъ-гаузъ, не правда ли?

Мы скоро дошли до мрачнаго дома, бывшаго когда-то, въ болѣе цвѣтущія времена, фермою, но теперь перестроеннаго въ современное жилище. Его окружалъ фруктовый садъ, но плодовыя деревья, какъ и всѣ прочія на болотѣ, были чахлы и малорослы. Все это мѣсто вообще производило впечатлѣніе какой-то скудости и печали. Насъ принялъ странный, высохшій, одѣтый по-деревенски, старый слуга, совершенно подходившій своимъ обликомъ къ дому. Но внутри большія

комнаты были меблированы съ изяществомъ, изобличавшимъ вкусъ хозяйки. Когда я посмотрѣлъ въ окно на безпредѣльное болото, усѣянное каменьями, однообразно тянувшееся до далекаго горизонта, то не могъ не задать себѣ вопроса, что заставило этого высоко образованнаго мужчину и эту красавицу жить въ такомъ мѣстѣ.

— Оригинальное мы выбрали мѣсто для жизни, не правда ли? — спросилъ Стаплътонъ какъ бы въ отвѣтъ на мои мысли. А между тѣмъ намъ удается чувствовать себя счастливыми, не правда ли, Бериль?

— Совершенно счастливыми, — подтвердила она, но въ словахъ ея не слышалось увѣренности.

— У меня была школа, — сказалъ Стаплътонъ. Это было на сѣверѣ. Работа въ ней была слишкомъ механическою и неинтересною для человѣка съ моимъ темпераментомъ, но возможность жить съ молодежью, формировать юныя души, класть на нихъ отпечатокъ своего характера и внушать имъ свои идеалы была дорога для меня. Но судьба вооружилась противъ насъ. Въ школѣ открылась серіозная эпидемическая болѣзнь, и трое мальчиковъ умерло отъ нея. Школа не могла снова подняться послѣ такого удара, и большая

часть моего капитала безвозвратно погибла. И все-таки, если бы только не потеря прелестнаго сообщества мальчиковъ, я могъ бы радоваться своему собственному несчастію, потому что при моей сильной любви къ ботаникѣ и зоологіи я нахожу здѣсь безграничное поле для работы; а сестра моя такая же поклонница природы, какъ и я. Все это вы должны были выслушать, докторъ Ватсонъ, благодаря тому выраженію, съ какимъ вы смотрѣли изъ нашего окна на болото.

— Мнѣ, конечно, должно было прійти въ голову, что здѣсь немного тоскливо и не столько, можетъ бытъ, для васъ, сколько для вашей сестры.

— Нѣтъ, нѣтъ, я никогда не тоскую, — быстро возразила она.

— У насъ книги, занятія, и мы имѣемъ интересныхъ соеѣдей. Докторъ Мортимеръ въ высшей степени свѣдущій человѣкъ въ своей спеціальности. Бѣдный сэръ Чарльзъ также былъ восхитительнымъ товарищемъ. Мы хорошо знали его, и намъ такъ недостаетъ его, что я и выразить не могу. Какъ вы думаете, не будетъ ли навязчивостью съ моей стороны, если я сегодня сдѣлаю сэру Генри визитъ, чтобы познакомиться съ нимъ.

— Я увѣренъ, что онъ будетъ въ восторгѣ.

— Такъ, можетъ быть, вы предупредите его о моемъ намѣреніи. При нашихъ скромныхъ средствахъ мы, можетъ быть, въ состояніи будемъ облегчить ему нѣсколько жизнь, пока онъ не привыкнетъ къ новой средѣ. Не желаете ли вы, докторъ Ватсонъ, пойти наверхъ и взглянуть на мою коллекцію чешуекрылыхъ? Я думаю, что это самая полная коллекція во всей юго-западной Англіи. Пока вы будете осматривать ее, подоспѣетъ завтракъ.

Но я спѣшилъ вернуться къ своимъ обязанностямъ. Меланхолическій видъ болота, смерть несчастнаго пони, сверхъестественный звукъ, связанный съ мрачною Баскервильскою легендою, все это придало печальный оттѣнокъ молмъ мыслямъ. Затѣмъ послѣднею каплею къ этимъ болѣе или менѣе неопредѣленнымъ впечатлѣніямъ явилось опредѣленное и ясное предостереженіе миссъ Стапльтонъ, высказанное съ такою серіозностью, что я не могъ сомнѣваться въ томъ, что она сдѣлала это, имѣя очень глубокое основаніе. Я устоялъ противъ всѣхъ уговоровъ остаться завтракать и тотчасъ отправился домой по той же поросшей травою тропинкѣ, по которой пришелъ сюда.

Но, повидимому, была другая, болѣе прямая

дорожка, потому что не успѣлъ я дойти до дороги, какъ былъ пораженъ, увидѣвъ, что миссъ Стапльтонъ сидитъ тутъ на камнѣ. Лицо ея было еще красивѣе отъ разлившейся по немъ краски, и она держала руку у сердца.

— Я всю дорогу бѣжала, чтобы перехватить васъ, докторъ Ватсонъ, — сказала она. Я не имѣла даже времени надѣть шляпку. Мнѣ нельзя долго оставаться, не то братъ хватится меня. Я хотѣла вамъ сказать, какъ я огорчена своею глупою ошибкою. Пожалуйста, забудьте мои слова, не имѣющія никакого отношенія къ вамъ.

І— Я не могу ихъ забыть, миссъ Стапльтонъ. Я другъ сэра Генри, и его благополучіе очень близко касается меня. Скажите мнѣ, почему вамъ такъ хотѣлось, чтобы сэръ Генри вернулся въ Лондонъ?

— Женскій капризъ, докторъ Ватсонъ. Когда вы лучше узнаете меня, то поймете, что я не всегда могу объяснить то, что говорю или дѣлаю.

— Нѣтъ, нѣтъ. Я помню дрожаніе вашего голоса. Пожалуйста, прошу васъ, миссъ Стапльтонъ, будьте откровенны со мною, потому что съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, я чувствую, что вокругъ меня сгущаются тѣни. Жизнь стала походить на эту большую Гримпенскую трясину съ зелеными пят-

нами повсюду, въ которыя можно погрузиться, не имѣя путеводителя, готоваго указать вѣрную дорогу. Скажите же мнѣ, что у васъ было на умѣ, и я обѣщаю вамъ передать ваше предостереженіе сэру Генри.

Выраженіе нерѣшительности пробѣжало по ея лицу, но взглядъ ея снова сталъ жесткимъ, когда она мнѣ отвѣтила:

— Вы придаете слишкомъ большое значеніе моимъ словамъ, докторъ Ватсонъ. Мой братъ и я были очень потрясены смертью сэра Чарлъза. Мы были очень близки ему, и его любимою прогулкою была дорога черезъ болото къ нашему дому. На него произвело сильное впечатѣніе проклятіе, тяготѣющее надъ его родомъ, и когда произошла его трагическая смерiъ, я естественно почувствовала, что должны быть основанія тому страху, который онъ выражалъ. Поэтому я была въ отчаяніи, что другой членъ семьи пріѣхалъ, чтобы поселиться здѣсь, и сознавала, что его слѣдуетъ предостеречь противъ опасности, которой онъ подвергается. Вотъ и все, что я хотѣла сообщить.

— Но какого рода опасность?

— Вы знаете исторію о собакѣ?

— Я не вѣрю такимъ глупостямъ.

— А я вѣрю. Если вы имѣете какое-нибудь вліяніе на сэра Генри, то увезите его съ мѣста, которое было всегда роковымъ для его рода. Міръ великъ. Зачѣмъ ему желать жить въ опасномъ мѣстѣ?

— Потому что это опасное мѣсто. Таковъ характеръ сэра Генри. Я боюсь, что если вы не дадите мнѣ болѣе опредѣленныхъ свѣдѣній, то я не въ состояніи буду увезти его отсюда.

— Я ничего не могу сказать опредѣленнаго, потому что ничего опредѣленнаго не знаю.

— Позвольте мнѣ, миссъ Стаплътонъ, предложить вамъ еще одинъ вопросъ. Если вы ничего иного не хотѣли сказать, то почему же вы не желали, чгобы вашъ братъ слышалъ васъ? Тутъ ничего нѣтъ такого, противъ чего могъ бы возстать онъ или кто бы то ня было другой.

— Мой братъ страстно желаетъ, чтобы голль былъ обитаемъ, такъ какъ онъ думаетъ, что это было бы на благо бѣдному народу, живущему на болотѣ. Онъ очень будетъ недоволенъ, если узнаетъ, что я сказала что-нибудь, могущее заставить сэра Генри уѣхать отсюда. Но теперь я исполнила свой долгъ и не скажу больше ничего. Мнѣ нужно вернуться домой, иначе онъ хватится меня и заподозритъ, что я видѣлась съ вами. Прощайте!

Она повернулась и въ нѣсколько секундъ исчезла между разбросанными каменьями, пока я, угнетнный неопредѣленными страхами, продолжалъ свой путь въ Баскервиль-голль.

VIII
Первое донесеніе доктора Ватсона

Съ этого времени я буду слѣдовать за теченіемъ событій, переписывая свои же письма къ мистеру Шерлоку Холмсу, которыя лежатъ передъ мною на столѣ. Одной страницы недостаетъ, всѣ же остальныя точно переписаны и передаютъ болѣе подробно мои чувства и подозрѣнія (имѣвшія мѣсто въ то время), чѣмъ могла бы это сдѣлать моя память, какъ она ни ясна относительно этихъ трагическихъ происшествій.

Баскервиль-голль.
октября 13-го.

"Дорогой Холмсъ, изъ моихъ прежнихъ писемъ и телеграммъ вы хорошо ознакомлены со всѣми событіями, имѣвшими мѣсто въ этомъ изъ всего міра самомъ забытомъ Богомъ уголкѣ. Чѣмъ дольше здѣсь живешь, тѣмъ глубже проникаетъ въ душу духъ болота, со всею его обширностью и мрачною прелестью.

Разъ вы попали на него, вы оставили за собою всякій слѣдъ современной Англіи и видите повсюду жилища и работу доисторическаго человѣка. Со всѣхъ сторонъ разсѣяны вокругъ васъ его дома, его могилы и громадные монолиты, указывающіе, какъ предполагаютъ, мѣсто нахожденія его храмовъ. Смотря на сѣрыя каменныя хижины, торчащія на склонахъ холмовъ, вы забываете о своемъ времени, и если бы изъ-подъ низкой двери выползъ волосатый человѣкъ, одѣтый въ звѣриныя шкуры, и натянулъ бы на свой лукъ стрѣлы съ кремневымъ наконечникомъ, то вы почувствовали бы, что его присутствіе здѣсь гораздо болѣе естественно, чѣмъ ваше. Странно то, что столь безплодная мѣстность была такъ густо населена. Я не археологъ, но думаю, что то была не воинственная, разоренная раса, которая принуждена была принять то, что другіе отказывались занимать.

Однако же все это не относится къ моей миссіи, и очень неинтересно для вашего строго практическаго ума. Я помню ваше полное равнодушіе къ тому — солнце

ли движется вокругъ земли или земля вокругъ солнца. А потому вернемся къ фактамъ, касающимся сэра Генри Баскервиля.

Я не посылалъ вамъ за послѣдніе дни никакого донесенія, потому что до сегодняшней ночи не произошло ничего, стоющаго донесенія. Сегодня же случилось очень удивительное обстоятельство, о которомъ я вамъ сообщу въ свое время. Но прежде всего я долженъ ознакомить васъ съ нѣкоторыми другими факторами положенія.

Одинъ изъ нихъ, о которомъ я говорилъ очень мало, — бѣглый преступникъ. Есть полное основаніе полагать, что онъ совсѣмъ ушелъ изъ этой мѣстности, что составляетъ большое облегченіе для одинокихъ хозяевъ на болотѣ. Прошло двѣ недѣли со времени его бѣгства изъ тюрьмы, и съ тѣхъ поръ ничего не было слышно о немъ. Совершенно непостижимо, чтобы онъ могъ такъ долго продержаться на болотѣ. Конечно, что касается до возможности скрываться, то въ этомъ онъ не могъ найти затрудненія. Каждая

каменная хижина могла служить ему убѣжищемъ. Но на болотѣ рѣшительно нечего ѣсть, развѣ что только онъ поймалъ и убилъ одну изъ пасущихся овецъ. Поэтому мы думаемъ, что онъ ушелъ, и фермеры стали отъ этого спать крѣпче.

Въ нашемъ домѣ насъ четверо сильныхъ мужчинъ, такъ что мы можемъ позаботиться о себѣ, но признаюсь, что мнѣ бывало жутко, когда я думалъ о Стапльтонахъ. Они живутъ на много миль отъ всякой помощи. Въ ихъ домѣ одна дѣвушка, одинъ старый слуга, сестра и братъ — не очень сильный мужчина. Они оказались бы безпомощными въ рукахъ всякаго отчаяннаго молодца, какъ этотъ ноттингъ-гильскій преступникъ, если бы ему удалось проникнуть къ нимъ. Сэръ Генри и я приняли участіе въ ихъ положеніи и подали мысль, чтобы конюхъ Перкинсъ ходилъ туда ночевать, но Стапльтонъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ.

Дѣло въ томъ, что нашъ другъ баронетъ начинаетъ сильно интересоваться красивою сосѣдкою. Этому нечего удивляться,

потому что время тянется тосклибо въ этомъ пустынномъ мѣстѣ для такого дѣятельнаго человѣка, а она обворожительная красавица. Въ ней есть что-то трагическое и экзотическое, что составляетъ удивительный контрастъ съ ея холоднымъ и безчувственнымъ братомъ, однако же, и въ немъ можно подозрѣвать скрытый огонь. Онъ несомнѣнно имѣетъ очень замѣтное вліяніе на нее; я видѣлъ, какъ она, разговаривая, постоянно взглядывала на него, какъ бы ища его одобренія тому, что сказала. Надѣюсь, что онъ добръ къ ней. Какой-то сухой блескъ его глазъ и твердая складка тонкихъ губъ доказываютъ положительный, а можетъ быть и грубый характеръ. Вы бы нашли его интереснымъ субъектомъ для изученія.

Онъ въ первый же день навѣсталъ Баскервиля, а на другое утро повелъ насъ на то мѣсто, гдѣ произошли, какъ предполагается, событія, разсказанныя легендой о зломъ Гюго. Мы шли нѣсколько миль по болоту и дошли да такого мрачнаго мѣста, что оно само по себѣ могло вну-

шить эту исторію. Мы увидѣли короткую долину между скалами, примыкающую къ открытому зеленому пространству, покрытому бѣлымъ жабникомъ. Посрединѣ этого пространства торчало два большихъ камня, обостренные кверху въ видѣ громадныхъ клыковъ какого-нибудь чудовищнаго животнаго. Какъ бы то ни было, это мѣсто вполнѣ соотвѣтствовало сценѣ древней трагедіи. Сэръ Генри сильно заинтересовался и не разъ допрашивалъ Стапльтона, вѣритъ ли онъ въ возможность вмѣшательства сверхъестественныхъ силъ въ людскія дѣла. Онъ говорилъ какъ бы шутя, но очевидно было, что настроеніе его серіозное. Стапльтонъ отвѣчалъ очень сдержанно, но не трудно было замѣтить, что онъ говоритъ менѣе, чѣмъ могъ бы сказатъ, и что онъ не хочетъ выразить вполнѣ свое мнѣніе изъ уваженія къ чувствамъ баронета. Онъ разсказывалъ о подобныхъ же случаяхъ, когда цѣлыя семейства страдали отъ какого-нибудь злого вліянія, и мы сохранили отъ его словъ такое впечатлѣніе, что онъ раздѣляетъ народное

повѣріе о собакѣ.

На возвратномъ пути мы завтракали въ Меррипитъ-гаузѣ, и тутъ сэръ Генри познакомился съ миссъ Стаплътонъ. Съ перваго же момента, какъ только взглянулъ на нее, онъ, повидимому, былъ сильно ею увлеченъ и, если я не ошибаюсь, чувство это было взаимнымъ. Онъ часто заговаривалъ о ней, когда мы возвращались домой, и съ тѣхъ поръ не проходило почти дня, чтобы мы не видѣли или брата, или сестру. Они сегодня вечеромъ обѣдаютъ у насъ, а мы, кажется, соберемся къ нимъ на будущей недѣлѣ. Можно подумать, что такой бракъ былъ бы очень желателенъ для Стаплътона, а между тѣмъ я не разъ ловилъ на его лицѣ взглядъ самаго сильнаго неодобренія, когда сэръ Генри оказывалъ какое-нибудь вниманіе его сестрѣ. Онъ, безъ сомнѣнія, очень къ ней привязанъ, и ему пришлось бы вести крайне одинокую жизнъ безъ нея, но было бы въ высшей степени эгоистичнымъ съ его стороны противиться такой блестящей партіи. А между тѣмъ я увѣренъ, что онъ не желаетъ, чтобы ихъ

близость перешла въ любовь, и я замѣчалъ нѣсколько разъ, что онъ старался препятствовать ихъ tкte-à-tиte. Кстати, вашимъ инструкціямъ относительно того, чтобы я никогда не допускалъ, чтобы сэръ Генри выходилъ одинъ, будетъ гораздо труднѣе слѣдовать, если ко всѣмъ нашимъ затрудненіямъ прибавится еще любовное дѣло. Моя популярность очень скоро пострадала бы, если бы мнѣ пришлось исполнять буквально ваши приказанія.

На-дняхъ, а именно въ четвергъ, докторъ Мортимеръ завтракалъ у насъ. Онъ отрылъ доисторическій черепъ и былъ отъ этого въ восторгѣ. Я никогда не видывалъ такого искренняго энтузіаста. Затѣмъ пришелъ Стапльтонъ, и добрый докторъ повелъ насъ, по просьбѣ сэра Генри, въ тисовую аллею, чтобы въ точности показать намъ, какъ все произошло въ роковую ночъ. Прогулка по тисовой аллеѣ очень длинная и мрачная: по обѣимъ сторонамъ тянутся двѣ высокія стѣны изъ подстриженной зеленой изгороди съ узкою полоскою, поросшею

травою по бокамъ. На дальнемь концѣ стоитъ старая, развалившаяся бесѣдка. На половинѣ дороги находится калитка, ведущая на болото, гдѣ старикъ уронилъ пепелъ съ сигары. Я помнилъ вашу систему и старался нарисовать себѣ картину всего, что случилось. Пока старикъ стоялъ тамъ, онъ увидѣлъ что-то идущее къ нему по болоту, что-то такое, настолько испугавшее его, что онъ, не помня себя, пустился бѣжать и бѣжалъ до тѣхъ поръ, пока не умеръ отъ ужаса и истощенія. Онъ бѣжалъ по длинной мрачной аллеѣ. Отъ чего? Отъ болотной овчарки? Или же отъ призрачной собаки, черной, безмолвной и чудовищной? Было ли въ этомъ дѣлѣ человѣческое участіе? Зналъ ли блѣдный, бдительный Барриморъ болѣе, чѣмъ хотѣлъ сказать? Все темно и неопредѣленно, но постоянно чувствуется за этимъ мрачная тѣнь преступленія.

Послѣ моего послѣдняго письма къ вамъ я встрѣтилъ еще одного сосѣда, — мистера Франкланда изъ Лафтаръ-голля, который живетъ въ четырехъ приблизительно миляхъ на югъ отъ насъ. Онъ

пожилой человѣкъ, краснолицый, сѣдовласый и желчный. Онъ питаетъ страсть къ британскому закону и истратилъ большое состояніе въ тяжбахъ. Онъ судится изъ одной любви къ судамъ и одинаково готовъ смотрѣть на вопросъ съ различныхъ сторонъ; поэтому не мудрено, что эта забава оказалась дорого стоящею для него. Иногда онъ закрываетъ право проѣзда и предоставляетъ приходу тягаться съ нимъ изъ-за того, чтобы его вновь открыть. Иногда онъ собственными руками выламываетъ чужую калитку и объявляетъ, что здѣсь съ незапамятныхъ временъ существовала тропинка, предоставляя собственнику преслѣдовать его за нарушеніе чужой собственности. Онъ свѣдущій человѣкъ въ древнихъ владѣльческихъ и общественныхъ правахъ и примѣняетъ иногда свои познанія въ пользу Фернвортскихъ сельчанъ, а иногда противъ нихъ, такъ что его періодически то носятъ съ тріумфомъ на рукахъ по деревенской улицѣ, то заочно сжигаютъ. Говорятъ, что въ настоящее время у него на рукахъ девять судебныхъ

дѣлъ, которыя поглотятъ, вѣроятно, остатокъ его состоянія и такимъ образомъ вырвутъ его жало, и впредь онъ сдѣлается безвреднымъ. Если исключить законъ, онъ кажется добродушнымъ человѣкомъ, и я упоминаю о немъ только вслѣдствіе вашего настоятельнаго требованія, чтобы я посылалъ вамъ описанія людей, окружающихъ насъ. Любопытно его настоящее времяпрепровожденіе: онъ любитель-астрономъ и имѣетъ прекрасный телескопъ, съ которымъ лежитъ на крышѣ своего дома и цѣлый день наблюдаетъ болото, въ надеждѣ увидѣть бѣглаго престуиника. Если бы онъ ограничивалъ этимъ свою дѣятельность, то все было бы хорошо, но ходятъ слухи, что онъ хочетъ преслѣдовать доктора Мортимера за то, что тотъ отрылъ неолитическій черепъ изъ могилы безъ согласія ближайшихъ родственниковъ. Онъ разнообразитъ нѣсколько нашу жизнь, внося въ нее комическій элементъ, въ которомъ мы очень нуждаемся.

А теперь, ознакомивъ васъ съ обстоятельствами, касающимися бѣглаго

преступника, Стаплътоновъ, доктора Мортимера и Франкланда изъ Лафтаръ-голля, я закончу это письмо тѣмъ, что важнѣе всего, разсказавъ вамъ поподробнѣе о Барриморахъ и въ особенности объ удивительномъ открытіи, сдѣланномъ въ прошлую ночь.

Прежде всего напишу вамъ о провѣрочной телеграммѣ, которую вы послали изъ Лондона съ цѣлью удостовѣриться, что Барриморъ дѣйствительно дома. Я уже объяснилъ вамъ, что, по свидѣтельству почтмейстера, провѣрка ни къ чему ни привела и что мы не имѣемъ никакихъ доказательствъ. Я передалъ объ этомъ сэру Генри, и онъ тотчасъ же, со свойственной ему прямолинейностью, позвалъ Барримора и спросилъ его, самъ ли онъ получилъ телеграмму. Барриморъ отвѣтилъ утвердительно.

— Передалъ ли ее вамъ мальчикъ въ руки? — спросилъ сэръ Генри.

Барриморъ казался удивленнымъ и послѣ нѣкотораго раздумья сказалъ:

— Нѣтъ. Я былъ въ то время въ кладовой, и жена принесла мнѣ телеграмму.

— Отвѣтили ли вы сами на нее?

— Нѣтъ. Я передалъ женѣ, что надо отвѣчать, и она спустилась, чтобы написать телеграмму.

Вечеромъ Барриморъ самъ вернулся къ этому предмету.

— Я не совсѣмъ понялъ цѣль вашихъ утреннихъ вопросовъ, сэръ Генри, — сказалъ онъ. Надѣюсь, что они были сдѣланы вами не потому, что я какъ-нибудь злоупотребилъ вашимъ довѣріемъ.

Сэръ Генри увѣрилъ его, что ничего подобнаго не имѣлось въ виду, и для его успокоенія подарилъ ему значительную часть своего прежняго платья, такъ какъ прибылъ лондонскій заказъ.

Миссисъ Барриморъ очень интересуетъ меня. Она тяжеловѣсная, основательная особа, очень ограниченная, крайне почтенная и склонная быть пуританкой. Едва ли можно себѣ представить менѣе чувствительнаго субъекта. А между тѣмъ я передалъ вамъ, какъ въ первую ночь она горько рыдала, и съ тѣхъ поръ я не разъ замѣчалъ слѣды слезъ на ей лицѣ. Какое-то глубокое горе постоянно гры-

зетъ ея сердце. Иногда я спрашивалъ себя, не мучаетъ ли ее какое-нибудь преступное воспоминаніе, а иногда подозрѣваю, что Барриморъ домашній тираннъ. Я всегда чувствовалъ, что въ характерѣ этого человѣка есть что-то особенное, таинственное; событіе же прошлой ночи обострило всѣ мои подозрѣнія.

Само по себѣ оно можетъ казаться незначительнымъ. Вы знаете, что вообще я не крѣпко сплю, и съ тѣхъ поръ, какъ нахожусь здѣсь насторожѣ, только дремлю. Прошлою ночью около двухъ часовъ я проснулся отъ шаговъ человѣка, прокрадывавшагося мимо моей комнаты. Я всталъ, открылъ дверь и выглянулъ въ нее. По коридору тянулась длинная черная тѣнь человѣка, который тихо подвигался со свѣчкою въ рукѣ. Онъ былъ въ рубашкѣ, панталонахъ, босой. Я едва могъ разглядѣть его фигуру, но ростъ говорилъ мнѣ, что это Барриморъ. Онъ шелъ очень медленно и осторожно, и во всемъ его обликѣ было что-то невыразимо преступное и таинственное.

Я говорилъ вамъ, что коридоръ преры-

вается балкономъ, который окружаетъ вестибюль, но что далѣе онъ снова начинается. Я подождалъ, пока Барриморъ скрылся, и затѣмъ послѣдовалъ за нимъ. Когда я обогнулъ балконъ, онъ уже дошелъ до конца дальняго коридора, и я видѣлъ по свѣту, выходившему чрезъ открытую дверь, что онъ вошелъ въ одну изъ комнатъ. А надо вамъ сказать, что всѣ эти комнаты немеблированы и необитаемы, отъ чего его ночное похожденіе принимало еще болѣе таинственный характеръ. Лучъ свѣта не колебался, изъ чего я заключилъ, что Барриморъ стоитъ, не двигаясь. Я пробрался какъ можно тише по коридору и заглянулъ въ дверь.

Барриморъ приткулся къ окну, держа свѣчку у самаго стекла. Лицо его было обращено ко мнѣ въ профиль и выражало напряженное ожиданіе. Такъ стоялъ онъ нѣсколько минутъ. Затѣмъ тяжко застоналъ и нетерпѣливымъ жестомъ потушилъ свѣчку. Я моментально вернулся въсвою комнату и вскорѣ послѣ того услыхалъ тѣ же прокрадывавшіеся шаги: Барриморъ направлялся обратно.

Прошло много времени послѣ того и я уже слегка задремалъ, какъ вдругъ услыхалъ, что кто-то поворачиваетъ ключъ въ замкѣ, но не могъ опредѣлить, откуда шелъ этотъ звукъ. Я не знаю, что все это значитъ, но въ домѣ происходитъ что-то таинственное и мрачное, до чего мы въ концѣ концовъ доберемся. Я не стану надоѣдать вамъ своими предположеніями, потому что вы просили меня сообщать вамъ только факты. Сегодня утромъ мы долго бесѣдовали съ сэромъ Генри и выработали планъ кампаніи, основанный на моихъ ночныхъ наблюденіяхъ. Въ настоящее время не буду говоритъ о немъ, но, благодаря ему, слѣдующее мое донесеніе будетъ очень интереснымъ".

IX
Второе донесеніе доктора Ватсона. Свѣтъ на болотѣ

Баскервиль-голль, октября 15-го.

"Дорогой Холмсъ, если вы не получали отъ меня особенныхъ новостей въ первые дни, то теперь вы признаете, что я наверстaлъ потерянное время и что событія быстро слѣдуютъ одно за другимъ. Свое послѣднее донесеніе я окончилъ сообщеніемъ о томъ, что видѣлъ Барримора у окна, теперь, же у меня скопился такой запасъ свѣдѣній, который долженъ сильно удивить васъ. Обстоятельства приняли такой оборотъ, какого я не могъ предвидѣть. Съ одной стороны они стали за послѣдніе сорокъ восемь часовъ гораздо яснѣе, а съ другой стороны они сильно осложнились. Но я вамъ все разскажу, и вы сами разсудите.

На слѣдующее за моими наблюденіями утро я, передъ завтракомъ, осмотрѣлъ комнату, въ которую ночью приходилъ

Барриморъ. Я замѣтилъ въ ней одну особенность: изъ западнаго окна, черезъ которое онъ такъ пристально смотрѣлъ, болото видно лучше, чѣмъ изъ какого бы то ни было другого окна въ домѣ. Слѣдовательно, разъ только это одно окно могло служить цѣлямъ Барримора, значитъ, онъ что-то или кого-то высматривалъ на болотѣ. Ночь была чрезвычайно темна, а потому я не могу себѣ представить, какъ онъ могъ надѣяться увидѣть кого-нибудь, и мнѣ пришло въ голову, не затѣялась ли тутъ какая-нибудь любовная интрига. Этимъ можно было бы объяснить его воровскую походку и горе жены. Онъ самъ человѣкъ замѣчательной наружности, способной похитить сердце деревенской дѣвушки, такъ что мое предположеніе было правдоподобнымъ. Звукъ открывшейся двери, услышанный мною послѣ того, какъ я вернулся въ свою комнату, могъ означать то, что онъ вышелъ на какое-нибудь тайное свиданіе. Такъ разсуждалъ я на слѣдующее утро и передаю вамъ эти подозрѣнія, хотя оказалось, что они были неосновательными.

Но, что бы ни означали въ дѣйствительности поступки Барримора, я чувствовалъ, что свыше моихъ силъ оставлять ихъ на одной своей отвѣтственности. Послѣ завтрака я пошелъ въ кабинетъ баронета и разсказалъ ему обо всемъ, что видѣлъ. Онъ былъ менѣе удивленъ, чѣмъ я ожидалъ.

— Я знаю, что Барриморъ ходитъ по ночамъ, и намѣренъ поговорить съ нимъ объ этомъ, — сказалъ онъ. Я слышалъ два или три раза шаги въ коридорѣ какъ разъ около того часа, въ который вы видѣли его.

— Можетъ быть, онъ каждую ночь отправляется къ тому самому окну, — сказалъ я.

— Можетъ быть. Если это такъ, мы имѣемъ возможностъ прослѣдить за нимъ и выяснить его поведеніе. Интересно знать, какъ поступилъ бы вашъ другъ Холмсъ, если бы онъ былъ здѣсь.

— Я думаю, что онъ поступилъ бы какъ разъ такъ, какъ вы намѣрены поступить, — сказалъ я. Онъ слѣдилъ бы за Барриморомъ, пока не узналъ бы всего.

— Такъ мы сдѣлаемъ это вмѣстѣ.

— Но онъ навѣрное услышитъ насъ.

— Онъ нѣсколько глуховатъ, и во всякомъ случаѣ намъ слѣдуетъ попытаться. Мы сегодня ночью будемъ сидѣть въ моей комнатѣ и ждать, пока онъ пройдетъ.

Сказавъ это, сэръ Генри весело потеръ руки. Ясно было, что онъ привѣтствуетъ это приключеніе какъ развлеченіе, внесенное въ его черезчуръ спокойную жизнь на болотѣ.

Баронетъ списался съ архитекторомъ, который составлялъ планы для сэра Чарльза, и съ лондонскимъ подрядчикомъ, такъ что мы можемъ ожидать, что скоро начнутся здѣсь большія перемѣны. Изъ Плимута пріѣзжали декораторы и обойщики: очевидно, у нашего друга обширные планы, и онъ не постоитъ ни передъ какими издержками и трудомъ, ради возстановленія величія своего рода. Когда домъ будетъ ремонтированъ и вновь омеблированъ, тб сэру Генри будетъ недоставать только жены. Между нами будь сказано, существуютъ ясные признаки, что и въ этомъ не будетъ недо-

чета, если только дѣвушка согласится, такъ какъ я рѣдко видѣлъ человѣка болѣе влюбленнаго, чѣмъ сэръ Генри, въ нашу красавицу сосѣдку, миссъ Стапльтонъ. Однако же его любовь не протекаетъ такъ гладко, какъ можно было этого ожидать при данныхъ обстоятельствахъ. Сегодня, напримѣръ, на нее набѣжало совершенно неожиданное облако, повергшее нашего друга въ крайнее недоумѣніе и огорченіе.

Послѣ нашего разговора о Барриморѣ сэръ Генри надѣлъ шляпу съ намѣреніемъ выйти. Само собою разумѣется, что я послѣдовалъ его примѣру.

— Что это, Ватсонъ, и вы идете? — спросилъ онъ, какъ-то странно посмотрѣвъ на меня.

— Это зависитъ отъ того, идете ли вы на болото, — отвѣтилъ я.

— Да, я иду туда.

— Ну, такъ вы знаете полученныя мною инструкціи. Мнѣ очень непріятно быть навязчивымъ, но вы слышали, какъ серіозно настаивалъ Холмсъ на томъ, чтобы я не покидалъ васъ, и особенно

на томъ, чтобы вы не ходили одинъ на болото.

Сэръ Генри улыбнулся, положилъ мнѣ руку на плечо и сказалъ:

— Милый другъ, Холмсъ при всей своей мудрости не предвидѣлъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, случившихся съ тѣхъ поръ, какъ я на болотѣ. Понимаете вы меня? Я увѣренъ, что вы послѣдній человѣкъ въ мірѣ, который захотѣлъ бы испортить мнѣ радость. Я долженъ идти одинъ.

Эти слова поставили меня въ крайне неловкое положеніе. Я не зналъ, что сказать и что дѣлать, а онъ, пока я стоялъ въ недоумѣніи, взялъ трость и ушелъ.

Когда я, наконецъ, обдумалъ дѣло, то совѣсть стала меня упрекать въ томъ, что я, какая бы ни была тому причина, допустилъ, чтобы онъ скрылся съ моихъ глазъ. Я сталъ представлять себѣ, каковы были бы мои ощущенія, если бы мнѣ пришлось, вернувшись къ вамъ, признаться, что случилось несчастіе вслѣдствіе несоблюденія мною вашихъ инструкцій. Увѣряю васъ, что кровь бросилась мнѣ въ голову при одной мысли объ этомъ. Я

рѣшилъ, что, можетъ быть, еще не поздно догнать его, и тотчасъ отправился по направленію къ Меррипитъ-гаузу.

Я спѣшилъ какъ только могъ, но не видѣлъ никакихъ признаковъ сэра Генри, пока не дошелъ до того мѣста, гдѣ отъ дороги отдѣляется болотная тропинка. Тутъ, боясь, что я пошелъ не по тому направленію, я взобрался на холмъ, — тотъ самый, который изрытъ каменоломней и откуда открывается обширный кругозоръ. Оттуда я сразу увидѣлъ сэра Генри. Онъ находился на болотной тропинкѣ въ четверти приблизительно мили отъ меня, и около него была дама, которая не могла быть никто иная, какъ только миссъ Стапльтонъ. Ясно было, что между ними произошло предварительное соглашеніе и что они пришли на свиданіе. Они медленно шли по тропинкѣ, углубившись въ разговоръ, при чемъ она дѣлала быстрыя движенія руками, какъ бы относясь очень серіозно къ тому, что говорила, а онъ напряженно слушалъ и два раза покачалъ головою, какъ бы энергично опровергая ея слова. Я стоялъ между

скалами и наблюдалъ за ними, недоумѣвая, какъ мнѣ поступитъ. Послѣдовать за ними и впутаться въ ихъ интимный разговоръ казалось мнѣ оскорбленіемъ, а между тѣмъ моею несомнѣнною обязанностью было не упускать его ни на одинъ моментъ изъ вида. Разыгрывать роль шпіона надъ другомъ было отвратительною обязанностью. Однако же я не видѣлъ другого исхода, какъ наблюдать за нимъ съ холма и затѣмъ очистить свою совѣсть, признавшись ему впослѣдствіи во всемъ. Правда, что если бы ему угрожала какая-нибудь внезапная опасность, я не могъ бы, по дальности разстоянія, быть ему полезнымъ, а между тѣмъ я увѣренъ, что вы согласитесь, что мое положеніе было затруднительное, что мнѣ ничего не оставалось больше дѣлать.

Нашъ другъ сэръ Генри и дама остановились на дорожкѣ и попрежнему были поглощены своею бесѣдою, какъ вдругъ я убѣдился, и что не я одинъ былъ свидѣтелемъ ихъ свиданія. Я замѣтилъ развѣвавшійся въ воздухѣ зеленый клочокъ, а затѣмъ увидѣлъ, что его несъ на

палкѣ человѣкъ, бѣгущій по болоту. То былъ Стаплътонъ со своею сѣткою. Онъ находился гораздо ближе къ собесѣдникамъ, чѣмъ я, и, повидимому, двигался по направленію къ нимъ. Въ эту минуту сэръ Генри порывисто привлекъ миссъ Стальптонъ къ себѣ. Онъ обнялъ ее за талію, но мнѣ казалось, что она отклоняется отъ его объятій. Онъ приблизилъ свою голову къ ея головѣ, но она, въ видѣ протеста, подняла руку. Вдругъ они отскочили другъ отъ друга и поспѣшно обернулись. Причиною тому былъ Стальптонъ. Онъ дико бѣжалъ къ нимъ, и сзади него развѣвалась его нелѣпая сѣтка. Очутившись передъ ними, онъ сталъ жестикулировать и чуть ли не плясалъ отъ возбужденія. Что все это означало, я не могъ понять, но мнѣ казалось, что Стальптонъ бранилъ сэра Генри, который давалъ объясненія, становившіяся все болѣе и болѣе горячими, по мѣрѣ того, какъ первый отказывался ихъ принять. Дама стояла въ надменномъ безмолвіи. Наконецъ, Стаплътонъ повернулся на каблукахъ и обратился повелительно

къ сестрѣ, которая, нерѣшительно взглянувъ на сэра Генри, удалилась вмѣстѣ съ братомъ. Сердитые жесты натуралиста доказывали, что и дама подверглась его гнѣву. Баронетъ постоялъ, посмотрѣлъ имъ вслѣдъ, а затѣмъ пошелъ назадъ по той дорогѣ, по которой пришелъ, повѣсивъ голову и изображая собою олицетворенное уныніе.

Я не могъ себѣ представить, что все это означало, но мнѣ было крайне стыдно, что я былъ свидѣтелемъ такой интиимой сцены безъ вѣдома моего друга. Поэтому я сбѣжалъ съ холма и у его подножія встрѣтилъ баронета. Лицо его было красно отъ гнѣва, и брови сдвинуты, какъ у человѣка, окончательно не знающаго, что ему дѣлать.

— Эге, Ватсонъ! Откуда вы выскочили? — спросилъ онъ: — не можетъ быть, чтобы вы, вопреки всему, все-таки слѣдовали за мною.

Я все объяснилъ ему: какъ я нашелъ невозможнымъ остаться дома, какъ я послѣдовалъ за нимъ и какъ былъ свидѣтелемъ всего происшедшаго. Былъ мо-

ментъ, когда глаза его засверкали, но моя откровенность обезоружила его, и онъ почти спокойно разсмѣялся.

— Мнѣ казалось, что середина этого луга достаточно безопасное мѣсто для того, чтобы человѣкъ могъ считать себя въ уединеніи, — сказалъ онъ, — а между тѣмъ, чортъ возьми, чуть ли не все населеніе видѣло мое сватовство, — и при томъ очень печальное сватовство! Гдѣ занимали вы мѣсто?

— Я былъ на холмѣ.

— Въ послѣднемъ ряду, значитъ. А ея братъ былъ въ самыхъ первыхъ мѣстахъ. Видѣли вы, какъ онъ шелъ на насъ?

— Видѣлъ.

— Не производитъ ли этотъ братецъ на васъ впечатлѣніе помѣшаннаго?

— Не могу сказать, чтобы я когда-нибудь замѣчалъ это.

— Конечно. До сегодняшняго дня и я считалъ его достаточно здравомыслящимъ, но теперь, говорю вамъ, или на него, или на меня слѣдуетъ надѣть смирительную рубашку. Во всякомъ случаѣ, я не понимаю, въ чемъ дѣло. Вы, Ватсонъ,

прожили со иною нѣсколько недѣль, такъ скажите мнѣ теперь откровенно: какой недостатокъ препятствуетъ мнѣ быть хорошимъ мужемъ для женщины, которую бы я полюбилъ?

— По-моему такого недостатка у васъ нѣтъ.

— Онъ ничего не можетъ имѣть противъ моего положенія въ свѣтѣ, значитъ, онъ имѣетъ что-то противъ меня лично. Но что именно? Я въ жизни своей никогда никого не обидѣлъ намѣренно. А между тѣмъ онъ бы не допустилъ, чтобы я дотронулся до кончиковъ ея пальцевъ.

— Развѣ онъ это сказалъ?

— Это и еще многое другое. Я знаю ее всего нѣсколько недѣль, но, скажу вамъ, Ватсонъ, что съ перваго же момента почувствовалъ, что она создана для меня, и она также, могу поклясться, была счастлива, когда находилась со мною. Женскіе глаза говорятъ яснѣе словъ. Но онъ никогда не допускалъ насъ оставаться вдвоемъ, и только сегодня въ первый разъ я имѣлъ возможность поговорить съ нею наединѣ. Она была рада встрѣчѣ со мною,

но не о любви хотѣла она говорить и, если бы могла, то и мнѣ запретила бы говорить о ней. Она все возвращалась къ старой темѣ объ опасности этого мѣста и о томъ, что она не будетъ счастлива, пока я не покину его. Я отвѣтилъ, что съ тѣхъ поръ какъ увидѣлъ ее, не тороплюсь уѣзжать отсюда и что если она дѣйствительно хочетъ, чтобы я уѣхалъ, то единственное средство къ тому, — устроить дѣла такъ, чтобы уѣхать со мною. Тутъ я сдѣлалъ предложеніе, но не успѣла она мнѣ отвѣтить, какъ прнбѣжалъ этотъ братъ, и лицо у него было точно у сумасшедшаго. Онъ былъ блѣденъ отъ злости, и свѣтлые глаза его сверкали яростью. "Что я дѣлаю съ дѣвушкою? Какъ я смѣю оказывать ей вниманіе, которое ей непріятно? Неужели я воображаю, что если я баронетъ, то могу дѣлать все, что пожелаю?" Если бы онъ не былъ ея братомъ, то я лучше сумѣлъ бы ему отвѣтить. Я ему сказалъ, что мои чувства къ его сестрѣ таковы, что ихъ нечего стыдиться, и что я просилъ ее сдѣлать мнѣ честь стать моею женою. Это, повидимому, нисколько не улучшило дѣ-

ла, такъ что я, наконецъ, также вышелъ изъ терпѣнія и отвѣтилъ ему болѣе горячо, чѣмъ, можетъ быть, слѣдовало, такъ какъ она стояла тутъ же. Кончилось все тѣмъ, что онъ ушелъ вмѣстѣ съ нею, какъ вы видѣли, а я остался, сбитый съ толку, самымъ недоумѣвающимъ человѣкомъ во всемъ графствѣ. Скажите мнѣ только, Ватсонъ, что это все значитъ, и я останусь вашимъ неоплатнымъ должникомъ

Я попробовалъ было дать то то, то другое объясненіе, но, право, я самъ былъ совершенно сбитъ съ толку. Все говоритъ за нашего друга: его титулъ, его состояніе, его характеръ, его наружность, и я ничего не знаю, что могло бы говорить противъ него, кромѣ таинственнаго рока, преслѣдующаго его родъ. Въ высшей степени поразительно, что его предложеніе было такъ грубо отвергнуто безъ всякой ссылки на желаніе самой дѣвушки, и что дѣвушка допускаетъ безъ протеста такое положеніе. Однако же, насъ успокоилъ самъ Стапльтонъ, явившись съ визитомъ въ тотъ же день. Онъ пришелъ извиниться за свою грубость, и результа-

томъ ихъ продолжительнаго разговора въ кабинетѣ безъ свидѣтелей было то, что дружескія отношенія снова возстановились, въ доказательство чего мы будемъ обѣдать въ слѣдующую пятницу въ Мерипитъ-гаузѣ.

— Я не скажу теперь, что онъ не помѣшанъ, — сказалъ сэръ Генри — я не могу забыть его глазъ, когда онъ подбѣжалъ ко мнѣ сегодня утромъ, — но долженъ признаться, что нельзя было требовать болѣе удовлетворительнаго извиненія.

— Какъ онъ объяснилъ свое поведеніе?

— Онъ сказалъ, что сестра составляетъ все въ его жизни. Это довольно понятно, и я радъ, что онъ даетъ ей должную цѣну. Они всегда жили вмѣстѣ, онъ всегда былъ одинокъ, и она единственный его товарищъ, такъ что мысль потерять ее поистинѣ ужасна для него. Онъ говоритъ, что не замѣчалъ, какъ я привязывался къ ней; когда же увидѣлъ это собственными глазами и подумалъ, что ее могутъ отнять у него, то возможность такого удара повергла его въ состояніе невмѣняемости. Онъ очень сожалѣлъ обо всемъ,

что случилось, и сознавалъ, насколько безумно и эгоистично воображать, что онъ можетъ сохранить на всю жизнь для себя одного такую красавицу, какъ его сестра. Если суждено съ нею разстаться, то онъ охотнѣе отдастъ ее такому сосѣду, какъ я, чѣмъ кому бы то ни было другому. Но, во всякомъ случаѣ, это для него ударъ, къ которому нужно приготовиться. Онъ откажется отъ всякаго противодѣйствія съ своей стороны, если я обѣщаю не говорить объ этомъ дѣлѣ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ и удовольствуюсь дружескими отношеніями съ дѣвушкою, не требуя отъ нея любви. Я далъ это обѣщаніе, и на томъ дѣло покончилось.

Итакъ, одна изъ нашихъ маленькихъ тайнъ выяснена. Что-нибудь да значитъ достатъ дно хоть въ какомъ-нибудь мѣстѣ той тины, въ которой мы барахтаемся. Теперь мы знаемъ, почему Стапльтонъ смотрѣлъ неодобрительно на ухаживателя своей сестры, даже въ такомъ случаѣ, когда ухаживателемъ былъ столь достойный избранія, какъ сэръ Генри. Теперь перехожу къ другой нити, вытянутой

мною изъ спутаннаго мотка, къ *об*ъ ясненію таинственныхъ ночныхъ рыданій, заплаканнаго лица миссисъ Барриморъ и воровского странствованія дворецкаго къ западному окну. Поздравьте меня, дорогой Холмсъ, и скажите, что вы не разочаровались во мнѣ, какъ агентѣ, и что вы не жалѣете объ оказанномъ мнѣ довѣріи. Все это было выяснено въ одну ночь.

Впрочемъ, трудились мы двѣ ночи, но въ первую насъ постигла полная неудача. Мы сидѣли съ сэромъ Генри въ его комнатѣ до трехъ почти часовъ и не слыхали ни одного звука кромѣ боя курантовъ на лѣстницѣ. Это было очень тоскливое бдѣніе, окончившееся тѣмъ, что мы оба уснули, сидя на стульяхъ. Къ счастію, это насъ не обезкуражило, и мы рѣшились сдѣлать еще попытку. Въ слѣдующую ночь мы уменьшили огонь въ лампѣ и принялись курить папиросы, не издавая ни малѣйшаго звука. Часы тянулись невѣроятно медленно, но насъ поддерживалъ такой же терпѣливый интересъ, какой долженъ чувствовать охотникъ,

наблюдая за капканомъ, въ которомъ онъ надѣется увидѣть попавшуюся добычу. Пробило часъ, пробило два, и мы уже снова хотѣли въ отчаяніи отказаться отъ этого дѣла, какъ вдругъ оба выпрямились стульяхъ и стали напряженно прислушиваться. Мы услыхали скрипъ въ коридорѣ.

Мы слышали, какъ кто-то прокрадывался, пока звукъ шаговъ не умолкъ вдали. Тогда баронетъ безшумно отперъ дверь, и мы пустились въ погоню. Человѣкъ обогнулъ уже галлерею, и коридоръ былъ погруженъ въ совершенный мракъ. Мы стали тихо прокрадываться, пока не перешли въ другое крыло дома. Мы поспѣшили какъ разъ вовремя, чтобы увидѣть, какъ высокій мужчина съ черною бородою, сгорбивъ спину, пробирался на ципочкахъ по коридору. Онъ вошелъ въ ту же дверь, какъ и въ прошлую ночь; свѣтъ отъ свѣчки освѣтилъ ее и бросилъ въ мракъ коридора одинъ. желтый лучъ. Мы осторожно двинулись по его направленію, пробуя каждую половицу, прежде чѣмъ ступить на нее. Мы

имѣли предосторожность снять сапоги, но и безъ нихъ старыя доски скрипѣли подъ нашими шагами. Иногда казалось немыслимымъ, чтобы онъ не услыхалъ нашего приближенія. Но Барриморъ, къ счастію, нѣсколько глухъ, при томъ же онъ былъ весь поглощенъ тѣмъ, что дѣлалъ. Когда мы, наконецъ, добрались до двери и заглянули въ нее, то увидѣли, что онъ стоитъ пригнувшись къ окну, со свѣчкою въ рукѣ, и его напряженное лицо прижато къ стеклу, точь-въ-точь какъ я видѣлъ его за двѣ ночи передъ тѣмъ.

Мы не составили никакого плана кампаніи, но баронетъ такой человѣкъ, для котораго прямой путь всегда оказывается самымъ еотественнымъ. Онъ вошелъ въ комнату; тогда Барриморъ отскочилъ отъ окна съ какимъ-то отрывистымъ шипѣніемъ въ груди и сталъ передъ нами смертельно блѣдный и весь дрожа. Его темные глаза на бѣломъ лицѣ, смотрѣвшіе то на сэра Генри, то на меня, были полны ужаса и удивленія.

— Что вы тутъ дѣлаете, Барриморъ?

— Ничего, сэръ. Онъ былъ такъ взвол-

новалъ, что едва могъ говорить, и тѣни отъ дрожавшей въ его рукѣ свѣчки прыгали внизъ и вверхъ. — Я насчетъ окна, сэръ. Я хожу по ночамъ осматривать, заперты ли они.

— Во второмъ этажѣ?

- Да, сэръ, всѣ окна.

— Слушайте, Барримонъ, произнесъ сэръ Генри сурово, мы рѣшили добиться правды отъ васъ, а потому чѣмъ раньше вы ее скажете, тѣмъ будетъ вамъ легче. Ну-съ, такъ безъ лжи! Что вы дѣлали у окна?

Онъ смотрѣлъ на насъ съ безпомощнымъ выраженіемъ и ломалъ руки, какъ человѣкъ, доведенный до крайняго горя.

— Я ничего не дѣлалъ дурного, сэръ. Я держалъ свѣчку у окна.

— А для чего вы держали свѣчку у окна?

— Не спрашивайте меня, сэръ Генри… не спрашивайте! Даю вамъ слово, сэръ, что это не моя тайна и что я не могу ее выдать. Если бы она не касалась никого, кромѣ меня, то я бы не пытался скрыть ее отъ васъ.

Меня вдругъ осѣнила мысль, и я взялъ свѣчу съ подоконника, на который поставилъ ее дворецкій.

— Онъ, должно быть, держалъ ее, какъ сигналъ, — сказалъ я. Посмотримъ, не послѣдуетъ ли отвѣта.

Я держалъ свѣчу такъ, какъ онъ это дѣлалъ, всматриваясь въ темноту ночи. Я смутно видѣлъ черную полосу деревьевъ и болѣе свѣтлое пространство болота, потому что луна скрылась за тучи. Я издалъ возгласъ торжества, потому что сквозь покровъ ночи вдругъ показалась тоненькая желтая точка, ровно свѣтившая прямо противъ окна.

— Вотъ и отвѣтъ! воскликнулъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ, сэръ, это ничего… совсѣмъ ничего, — вмѣшался дворецкій — увѣряю васъ, сэръ…

— Двигайте свѣчу вдоль окна, Ватсонъ! — воскликнулъ баронетъ. Смотрите и та также шевелится! Теперь будешь ли отрицать, негодяй, что это сигналъ? Ну, говори! Кто твой союзникъ тамъ! и въ чемъ заключается заговоръ?

Лицо дворецкаго приняло смѣло вызы-

вающее выраженіе.

— Это мое дѣло, а не ваше. Я ничего не скажу.

— Такъ вы тотчасъ же уйдете изъ моего дома.

— Очень хорошо, сэръ. Уйду, если такъ нужно.

— И вы уйдете посрамленнымъ. Вамъ слѣдовало бы стыдиться, чортъ возьми! Ваше семейство жило вмѣстѣ съ моимъ болѣе ста лѣтъ подъ этимъ кровомъ, а я застаю васъ тутъ въ какомъ-то темномъ заговорѣ противъ меня.

— Нѣгъ, нѣтъ, сэръ; нѣтъ, не противъ васъ! — воскликнулъ женскій голосъ, и миссисъ Барриморъ, болѣе блѣдная, чѣмъ ея мужъ, и съ выраженіемъ еще большаго ужаса на лицѣ, показалась въ дверяхъ. Ея массивная фигура въ юбкѣ и шали была бы комична, если бы не сила чувства, которую выражали ея черты.

— Мы должны уходить, Элиза. Всему конецъ! Можешь укладыватъ наши вещи, — сказалъ дворецкій.

— О, Джонъ, Джонъ, неужели я довела тебя до этого! Во всемъ виновата я, сэръ

Генри, одна я. Онъ дѣлалъ все это ради меня и потому, что я его объ этомъ просила.

— Такъ говорите же! Что это все значитъ?

— Мой несчастный братъ умираетъ съ голода на болотѣ. Не можемъ же мы дать ему погибнуть у самыхъ нашихъ воротъ. Свѣча служитъ ему сигналомъ, что пища готова для него, а свѣтъ тамъ отъ него показываетъ мѣсто, куда ее отнести.

— Такъ вашъ братъ...

— Бѣглый изъ тюрьмы, сэръ; Сельденъ, убійца.

— Это правда, сэръ, — подтвердилъ Барриморъ. Я вамъ сказалъ, что это не моя тайна и что я не могу ее выдать вамъ. Теперь же вы ее узнали и видите, что если и былъ заговоръ, то не противъ васъ.

Такъ вотъ чѣмъ объяснились воровскія ночныя странствованія и свѣтъ у окна! Сэръ Генри и я съ удивленіемъ смотрѣли на женщину. Возможно ли, чтобы въ этой тупоумно-почтенной особѣ и въ одномъ изъ самыхъ выдающихся преступниковъ текла одна и та же кровь?

— Да, сэръ, моя фамилія была Сель-

денъ, и онъ мой младшій братъ. Мы слишкомъ баловали его, когда онъ былъ мальчикомъ, и потакали ему во всемъ, а потому онъ сталъ воображать, что міръ созданъ для его удовольствія, и онъ можетъ дѣлать все, что ему нравится. Когда онъ сдѣлался старше, то попалъ въ скверную компанію, дьяволъ вселился въ него, и онъ разбилъ сердце моей матери, а имя наше втопталъ въ грязь. Отъ преступленія къ преступленію онъ падалъ все ниже и ниже, пока не попалъ на эшафотъ, отъ котораго его спасло только Божье милосердіе. Но для меня, сэръ, онъ всегда оставался маленькимъ кудрявымъ мальчикомъ, котораго я няньчила и съ которымъ играла, какъ старшая сестра. Изъ-за этого-то онъ и бѣжалъ изъ тюрьмы, сэръ. Онъ зналъ, что я здѣсь и что мы не могли отказать ему въ помощи. Когда онъ однажды ночью притащился сюда усталый и голодный, а сторожа бѣжали по его пятамъ, что намъ было дѣлать? Мы приняли его, кормили и заботились о немъ. Тогда вы вернулись, сэръ, и моему брату казалось, что на болотѣ онъ будетъ

въ большей безопасности, чѣмъ во всякомъ другомъ мѣстѣ, пока не уляжется шумъ и суета по поводу его поимки, а потому онъ и прячется тутъ. Черезъ ночь мы удостовѣряемся, находится ли онъ все еще здѣсь, ставя на окно свѣчку и, если получается отвѣтъ, то мой мужъ относитъ ему немного хлѣба и мяса. Каждый день мы надѣемся, что онъ ушелъ, но пока онъ здѣсь, мы не можемъ его покинуть. Вотъ и вся правда, говорю ее, какъ честная христіанка, и вы видите, что если слѣдуетъ въ этомъ дѣлѣ порицать кого-нибудь, то не моего мужа, а меня, ради которой онъ все это дѣлалъ.

Женщина говорила съ такою глубокою серіозностью, что слова ея казались убѣдительными.

— Правда ли это, Барриморъ?

— Да, сэръ Генри. Каждое ея слово — правда.

— Ну, я не могу порицать васъ за то, что вы стоите за свою жену. Забудьте то, что я сказалъ. Ступайте оба въ свою комнату, а завтра утромъ мы подробнѣе поговоримъ объ этомъ дѣлѣ.

Когда они ушли, мы снова посмотрѣли въ окно. Сэръ Генри открылъ его настежь, и холодный ночной вѣтеръ билъ намъ въ лицо. Въ мрачной дали продолжала свѣтить маленькая желтая точка.

— Я удивляюсь его смѣлости, — сказалъ сэръ Генри.

— Можетъ быть, этотъ свѣтъ такъ поставленъ, что онъ видимъ только отсюда.

— Вѣроятно. Какъ вы думаете, далеко это?

— Около вершины Клефтъ, полагаю.

— Не дальше мили или двухъ отсюда?

— Никакъ не больше, скорѣе меньше.

— Да, оно и не должно быть далеко, такъ какъ Барримору приходилось носить туда пищу. И этотъ мерзавецъ ждетъ теперь около своей свѣчки. Чортъ возьми, Ватсонъ, я пойду схватить этого человѣка!

Та же самая мысль пришла и мнѣ въ голову. Барриморы не повѣряли намъ своей тайны; она была насильно вырвана у нихъ. Преступникъ, закорѣнелый негодяй, для котораго не могло быть ни

жалости, ни прощенія, былъ опасенъ для общества. Мы бы только исполнили свой долгъ, если бы вернули его туда, откуда онъ не могъ бы наносить вредъ. При его грубой и жесткой натурѣ другіе могутъ поплатиться, если мы не наложимъ на него руки. Напримѣръ, наши сосѣди Стапльтоны каждую ночь могутъ подвергнуться опасности нападенія съ его стороны, и, можетъ бытъ, эта-то мысль и заставила сэра Генри ухватиться за такое приключеніе.

— И я пойду, — сказалъ я.

— Такъ берите свой револьверъ и надѣньте сапоги. Чѣмъ скорѣе мы выйдемъ, тѣмъ лучше, потому что негодяй можетъ потушить свою свѣчку и уйти.

Черезъ пять минутъ мы уже были за дверью. Мы спѣшно пробирались черезъ темный кустарникъ при уныломъ завываніи осенняго вѣтра и шелестѣ падающихъ листьевъ. Ночной воздухъ былъ тяжелъ: въ немъ слышались сырость и запахъ разложенія. Отъ времени до времени выглядывала ненадолго луна, но тучи пошли по небу, и когда мы всту-

пили въ болото, началъ моросить мелкій дождь. Свѣтъ продолжалъ недвижно блестѣть передъ нами.

— Вооружены ли вы? — спросилъ я.

— У меня охотничій ножъ.

— Мы должны быстро схватить его, потому что, говорятъ, онъ отчаянный малый. Мы захватимъ его неожиданно, и онъ будетъ въ нашей власти прежде, чѣмъ получитъ возможность ропротивляться.

— Я думаю, Ватсонъ, о томъ, что бы сказалъ на это Холмсъ? Объ этихъ темныхъ часахъ, когда властвуютъ силы зла?

Вдругъ, какъ бы въ отвѣтъ на его слова, изъ обширнаго мрачнаго болота раздался тотъ странный крикъ, который я уже однажды слышалъ на краю Гримпенской трясины. Среди тишины ночи вѣтеръ донесъ протяжный, низкій вой, поднявшійся до рева и снова затихшій въ тоскливомъ вздохѣ. И снова онъ раздался, и воздухъ дрошалъ отъ этого пронзительнаго, дикаго, угрожающаго звука. Баронетъ схватилъ меня за рукавъ, и лицо его было дотого блѣдно, что оно вы-

дѣлялось въ темнотѣ.

— Боже мой, Ватсонъ, что это такое?

— Не знаю. Это какой-то болотный звукъ. Я однажды уже слышалъ его.

Звукъ замеръ, и насъ окружило абсолютное безмолвіе. Мы стояли, напрягая слухъ, но ничего не услыхали больше.

— Ватсонъ, — сказалъ баронетъ, — это былъ вой собаки.

Кровь застыла въ моихъ жилахъ отъ ужаса, который слышался въ его голосѣ.

— Какъ объясняютъ этотъ звукъ? — спросилъ онъ.

— Кто?

— Здѣшній народъ.

— О, народъ невѣжественъ. Какое вамъ дѣло до того, какъ онъ его объясняетъ?

— Скажите мнѣ, Ватсонъ, что народъ говоритъ о немъ?

Я колебался, но не могъ уклониться отъ отвѣта.

— Онъ говоритъ, что это кричитъ собака Баскервилей.

Сэръ Генри простоналъ и умолкъ.

— Да, то выла собака, — сказалъ онъ, наконецъ, — но казалось, что этотъ вой

доносится издалека, за много миль отсюда.

Трудно было опредѣлить, откуда онъ доносился.

— Онъ поднялся и замеръ вмѣстѣ съ вѣтромъ. Вѣдь вѣтеръ дуетъ отъ большой Гримпенской трясины?

— Да, отъ нея.

— Такъ звукъ шелъ оттуда. Ну, Ватсонъ, признайтесь, развѣ вы сами не приняли его за собачій вой? Я вѣдь не ребенокъ, и вамъ нечего бояться говорить мнѣ правду.

— Стапльтонъ былъ со мною, когда я впервые услыхалъ этотъ звукъ. Онъ говоритъ, что его, можетъ быть, издаетъ какая-то странная птица.

— Нѣтъ, нѣтъ, то былъ вой собаки. Боже мой, неужели есть доля правды во всѣхъ этихъ исторіяхъ? Возможно ли, чтобы я подвергался опасности отъ такого темнаго фактора? Вы не вѣрите въ это, Ватсонъ?

— Нѣтъ, нѣтъ.

— А между тѣмъ — одно дѣло — смѣяться надъ этимъ въ Лондонѣ и другое дѣло

— стоять въ темную ночь на болотѣ и слышать такой крикъ. А мой дядя! Вѣдь около его тѣла видѣли слѣды собачьихъ лапъ. Все идетъ одно къ одному. Не думаю, чтобы я былъ трусомъ, Ватсонъ, но отъ этого звука кровь застыла въ моихъ жилахъ. Попробуйте мою руку!

Она была холодна, какъ кусокъ мрамора.

— Завтра утромъ вы будете чувствовать себя совсѣмъ хорошо.

— Не думаю, чтобы я когда-нибудь забылъ этотъ крикъ. Что намъ теперь предпринять, какъ вы думаете?

— Не вернуться ли намъ домой?

— Нѣтъ, чортъ возьми! Мы вышли для того, чтобы добраться до молодца, и мы доберемся до нсго. Мы ищемъ преступника, адская же собака пусть ищетъ насъ, коли хочетъ. Пойдемъ, мы достигнемъ своего, хотя бы всѣ враги изъ преисподней были выпущены на болото.

Спотыкаясь въ темнотѣ, мы медленно подвигались среди мрачныхъ очертаній скалистыхъ холмовъ по направленію къ желтой точкѣ, все еще неподвижно

свѣтившейся передъ нами. Ничто такъ не обманчиво, какъ разстояніе свѣта въ темную ночь; иногда казалось, что онъ блеститъ далеко на линіи горизонта, а иногда, что онъ находится въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ насъ. Наконецъ, мы увидѣли, откуда шелъ этотъ свѣтъ, и тогда убѣдились, что въ дѣйствительности находимся очень близко отъ него. Свѣча была вставлена въ расщелину скалы, которая окружала ее со всѣхъ сторонъ, такъ что предохраняла ее отъ вѣтра и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлала ее видимой только со стороны Баскервиль-голля. Мы приблизились незамѣтно, благодаря скрывавшему насъ гранитному валуну и, скорчившись за этимъ прикрытіемъ, смотрѣли новерхъ его на сигнальный свѣтъ. Страшно было видѣть эту одинокую свѣчу, горѣвшую посреди болота, безъ всякихъ признаковъ жизни около нея, — одно только прямое, желтое пламя и блескъ скалы вокругъ него.

— Что намъ дѣлать теперь? — шопотомъ спросилъ сэръ Генри.

— Ждать на этомъ мѣстѣ. Онъ долженъ

находиться недалеко отъ своей свѣчки. Посмотримъ, не удастся ли намъ взглянуть на него.

Не успѣлъ я это произнести, какъ мы оба увидѣли Сельдена. Надъ скалою, въ расщелинѣ которой стояла свѣча, выглядывало злое, желтое лицо, страшное, звѣрское лицо, все искаженное низкими страстями. Забрызганное грязью, съ колючею бородою, съ волосами въ видѣ мочалки, оно, казалось, принадлежало одному изъ тѣхъ дикихъ людей, которые нѣкогда жили въ норахъ по склонамъ холмовъ. Свѣтъ, стоявшій ниже его, отражался въ его маленькихъ хитрыхъ глазахъ, которые звѣрски вглядывались въ темноту, какъ у хитраго и дикаго животнаго, услыхавшаго шаги охотниковъ.

Что-то, очевидно, возбудило его подозрѣнія. Можетъ быть, Барриморъ прибѣгалъ къ какому-нибудь особенному сигналу, котораго мы не подали, или же преступникъ имѣлъ какія-нибудь другія причины думать, что не все въ порядкѣ, но, во всякомъ случаѣ, я видѣлъ выраженіе страха на его зломъ лицѣ. Каждое

мгновеніе онъ могъ потушить свѣчу и исчезнуть въ темнотѣ. Поэтому я бросился впередъ, и сэръ Генри послѣдовалъ моему примѣру. Въ ту же секунду преступникъ прокричалъ проклятіе по нашему адресу и швырнулъ камень, который разсыпался въ куски, ударившись объ скалу, защищавшую насъ. Я успѣлъ взглянуть на его короткую, коренастую, сильную фигуру, когда онъ вскочилъ на ноги и бросился бѣжать. Въ это же время, по счастливой случайности, мѣсяцъ выглянулъ изъ-за тучъ. Мы взбѣжали на вершину холма и увидѣли, что нашъ человѣкъ сбѣгалъ съ него по другую сторону, прыгая черезъ камни съ быстротою и ловкостью горной козы. Удачный выстрѣлъ изъ револьвера могъ бы покалѣчить его, но я взялъ оружіе только для самозащиты въ случаѣ нападенія, а не для того, чтобы стрѣлять въ безоружнаvо человѣка, убѣгающаго прочь.

Мы оба были хорошими бѣгунами и находились въ благопріятныхъ условіяхъ, однако же, вскорѣ убѣдились, что не имѣемъ никакой возможности догнать

его. Мы долго видѣли его при лунномъ свѣтѣ, пока, наконецъ, онъ сталъ казаться намъ точкою, двигающеюся между валунами на склонѣ отдаленнаго холма. Мы бѣжали, пока не выбились совершенно изъ силъ, а все-таки разстояніе все росло между нимъ и нами. Наконецъ, мы остановились и, запыхавшись, сѣли на два камня, наблюдая, какъ онъ исчезалъ въ отдаленіи.

Какъ разъ въ это время случилось нѣчто крайне странное и неожиданное. Мы поднялись съ камней и направились домой, отказавшись отъ безнадежной охоты. Направо отъ насъ мѣсяцъ уже низко спустился, и зубчатая вершина гранитнаго пика выдѣлялась на нижнемъ изгибѣ серебристаго диска. Тамъ, на остроконечной вершинѣ, я увидѣлъ, какъ черную статую на блестящемъ фонѣ, фигуру человѣка. Не думайте, Холмсъ, чтобы это было иллюзіей. Увѣряю васъ, что я никогда въ жизни не видалъ ничего яснѣе. Насколько я могъ судить, то былъ высокій, худой человѣкъ. Онъ стоялъ, разставивъ нѣсколько ноги, скрестивъ

руки, нагнувъ голову, точно предавался размышленіямъ объ этой громадной пустынѣ изъ торфа и гранита, лежавшей вокругъ него. Онъ походилъ на духа этого ужаснаго мѣста. То не былъ преступникъ. Этотъ человѣкъ стоялъ далеко отъ того мѣста, гдѣ первый скрылся. Кромѣ того онъ былъ гораздо выше ростомъ. Съ крикомъ удивленія я указалъ на него баронету, но въ тотъ моментъ, когда я обернулся, чтобы схватить за руку нашего друга, человѣкъ исчезъ. Остроконечная гранитная вершина все еще вырѣзывалась на нижнемъ краѣ луны, но съ нея исчезъ всякій слѣдъ безмолвной и неподвижной фигуры.

Я желалъ пойти по тому направленію и обыскать вершину, но она была очень далеко… Нервы баронета все еще были напряжены отъ слышаннаго нами воя, и онъ не былъ расположенъ пойти на новыя приключенія. Онъ не видѣлъ человѣка на вершинѣ, а потому и не испытывалъ той нервной дрожи, которая овладѣла мною при видѣ этой фигуры и ея внушительной позы.

— Это несомнѣнно одинъ изъ сторожей, — сказалъ онъ. Болото переполнено ими съ тѣхъ поръ, какъ бѣжалъ этотъ негодяй.

Можетъ быть, его объясненіе и правильно, но мнѣ хотѣлось бы имѣть какое-нибудь доказательство этой правильности. Сегодня мы намѣрены сообщить въ Принцтоунскую тюрьму, гдѣ искать бѣглаго преступника, но намъ досадно, что мы не могли его сами привести, какъ своего собственнаго плѣнника. Таковы наши приключенія прошедшей ночи, и вы должны согласиться, дорогой Холмсъ, что я представилъ вамъ хорошее донесеніе. Многое изъ того, что я вамъ написалъ, безъ сомнѣнія, не относится къ дѣлу, но я все-таки нахожу, что лучше сообщать всѣ факты и предоставить вамъ сдѣлать выборъ тѣхъ, которые могутъ быть полезны для вашихъ заключеній.

Мы безспорно дѣлаемъ успѣхи. Относительно Барриморовъ мы узнали мотивы ихъ дѣйствій. Но болото со своими тайнами и странными жителями остается попрежнему непроницаемо. Въ слѣдую-

щемъ своемъ донесеніи я, можетъ быть, буду въ состояніи пролитъ нѣкоторый свѣтъ и на него. Лучше всего было бы, если бы вы могли пріѣхать къ намъ.

X
Извлеченіе изъ дневника доктора Ватсона

До сихъ поръ я былъ въ состояніи вести разсказъ по донесеніямъ, которыя посылалъ тогда Шерлоку Холмсу. Но теперь я дошелъ до пункта, принуждающаго меня отбросить этотъ источникъ и снова довѣриться своимъ воспоминаніямъ, подкрѣпляя ихъ дневникомъ, который я велъ въ то время. Нѣсколько извлеченій изъ него перенесутъ меня къ тѣмъ сценамъ, которыя всѣ, до малѣйшей подробности, неизгладимо запечатлѣлись въ моей памяти. И такъ я начинаю съ утра, послѣдовавшаго за нашею неудачною погонею и странными приключеніями на болотѣ.

Октября 16-го. День пасмурный и туманный: мороситъ дождь. Надъ домомъ несутся тяжелыя тучи; онѣ по временамъ разрываются и открываютъ видъ на мрачное, изрытое болото съ тоненькими серебряными жилками по склонамъ холмовъ и блескомъ отдаленныхъ валуновъ, когда лучъ свѣта падаетъ на ихъ мокрую поверхность. Грустно снаружи, грустно и въ домѣ.

Баронетомъ овладѣла мрачная реакція послѣ возбужденій прошлой ночи. Я самъ чувствую какую-то тяжесть на сердцѣ, а сознаніе угрожающей опасности, — опасности тѣмъ болѣе страшной, что я не могу ее опредѣлить, — томитъ меня.

И развѣ у меня нѣтъ основаній для такого опасенія? Надо принять въ соображеніе цѣлый рядъ инцидентовъ, которые всѣ указываютъ, что что-то угрожающее дѣятельно орудуетъ вокругъ насъ. Во-первыхъ, смерть послѣдняго владѣльца голля, происшедшая при условіяхъ, замѣчательно точно подходящихъ къ семейной легендѣ, затѣмъ многочисленные пересказы крестьянъ о появленіи страннаго существа на болотѣ. Наконецъ, я самъ, собственными ушами, дважды слышалъ звукъ, похожій на отдаленный собачій вой. Невѣроятно, невозможно, чтобы это было что-нибудь сверхъестественное, не подчиняющееся обыкновеннымъ законамъ природы. Немыслимо представиіъ себѣ какую-то призрачную собаку, оставляющую матеріальные отпечатки слѣдовъ своихъ лапъ и оглашающую воздухъ своимъ воемъ. Стаплътонъ можетъ поддаваться такому суевѣрію, а также и Мортимеръ, но если у меня есть какое-нибудь качество, то это качество — здравый смыслъ, и ничто не заставитъ меня по-

вѣрить такому абсурду. Повѣрить ему значило бы спуститься до уровня этихъ бѣдныхъ мужиковъ, которые не только допускаютъ существованіе вражеской собаки, но еще и описываютъ ее, какъ чудовище, изъ глазъ и пасти котораго пылаетъ адскій огонь. Холмсъ не сталъ бы и слушать такія выдумки, а я его агентъ. Но фактовъ нельзя отрицатъ, а фактъ тотъ, что я дважды слышалъ вой на болотѣ. Вотъ если бы предположить, что на болотѣ дѣйствительно бродитъ какая-нибудь громадная собака — это многое бы объяснило. Но гдѣ такая собака можетъ прятаться, гдѣ она добываетъ себѣ пищу, откуда она прибѣжала и почему ее никто не видалъ никогда днемъ? Надо признаться, что естественное объясненіе такъ же затруднительно, какъ и сверхъестественное. Да тутъ еще, помимо собаки, является фактъ человѣческаго вмѣшательства въ Лондонѣ: человѣкъ въ кэбѣ и письмо, предостерегавшее сэра Генри противъ болота. Послѣднее по крайней мѣрѣ было реально, но оно могло быть дѣломъ какъ доброжелателя, такъ и недруга. Гдѣ находится теперь этотъ доброжелатель или недругъ? Остался ли онъ въ Лондонѣ. или послѣдовалъ за нами сюда? Не его ли я видѣлъ на вершинѣ горы?

Правда, я имѣлъ время только разъ взглянуть

на него, но есть нѣкоторыя данныя, за которыя я могу поручиться головою. Во-первыхъ, это не былъ кто-либо изъ тѣхъ, кого я встрѣчалъ тутъ, а я теперь видѣлъ всѣхъ сосѣдей. Онъ несравненно выше Стапьлтона и несравненно тоньше Франкланда. Это по фигурѣ могъ быть Барриморъ, но послѣдняго мы оставили въ домѣ, и я увѣренъ, что онъ не могъ послѣдовать за нами. Значигь, какой-то незнакомецъ продолжаетъ слѣдить за нами и здѣсь. Если бы я могъ наложить руки на этого человѣка, то мы, наконецъ, покончили бы со всѣми своими недоумѣніями. Къ достиженію этой цѣли я долженъ теперь направить всю свою энергію.

Первымъ моимъ побужденіемъ было сообщить сэру Генри о всѣхъ моихъ планахъ. Но вторымъ и самымъ благоразумнымъ было рѣшеніе не впутывать его въ свою игру и говорить какъ можно меньше съ кѣмъ бы то ни было. Онъ молчаливъ и разсѣянъ. Его нервы удивительно потрясены звукомъ, слышаннымъ имъ на болотѣ. Я ничего не скажу, что могло бы увеличить его опасенія, и одинъ приму мѣры для достиженія своей цѣли. Сегодня утромъ, послѣ завтрака, произошелъ небольшой инцидентъ. Барриморъ попросилъ у сэра Генри позволенія переговорить съ нимъ, и

они заперлись вдвоемъ въ кабинетѣ. Сидя въ бильліардной, я нѣсколько разъ слышалъ, что голоса ихъ возвышались, и я могъ себѣ представить, о чемъ идетъ рѣчь. Вскорѣ баронетъ открылъ дверь и позвалъ меня.

— Барриморъ находитъ, что онъ обиженъ, — сказалъ сэръ Генри. Онъ думаетъ, что съ нашей стороны было непорядочно преслѣдовать его шурина послѣ того, какъ онъ самъ, по доброй волѣ, выдалъ намъ свою тайну.

Дворецкій стоялъ передъ нами блѣдный, но спокойный.

— Я, можетъ быть, погорячился, сэръ, — сказалъ онъ, — въ такомъ случаѣ прошу у васъ прощенія. Но я былъ очень удивленъ, когда услыхалъ, какъ вы сегодня утромъ возвращались вдвоемъ, и узналъ, что вы охотились за Сельденомъ. У бѣднаго малаго достаточно съ кѣмъ бороться безъ того, чтобы и я еще выпускалъ враговъ по его слѣдамъ.

— Если бы вы намъ все разсказали по своей доброй волѣ, то это было бы другое дѣло, — сказалъ баронетъ. Вы же, или, вѣрнѣе, ваша жена разсказала все только тогда, когда были силою принуждены это сдѣлать и не могли поступить иначе.

— Я не думалъ, сэръ Генри, что вы этимъ воспользуетесь, — право, не думалъ.

— Человѣкъ этотъ опасенъ для общества. На болотѣ разбросаны одинокія жилища, а онъ такой молодецъ*г* который нападетъ ни за что, ни про что. Стоитъ только взглянуть на его лицо, чтобы убѣдиться въ этомъ. Вотъ хотя бы домъ мистера Стаплътона, въ которомъ нѣтъ другого защитника, кромѣ его самого. Никто не можетъ чувствовать себя въ безопасности, пока Сельденъ не будетъ подъ замкомъ.

— Нѣтъ, сэръ; онъ не ворвется ни въ чей домъ. Даю вамъ въ томъ свое честное слово. Онъ никого не потревожитъ больше въ этой странѣ! Увѣряю васъ, сэръ Генри, что черезъ нѣсколько дней будутъ окончены всѣ приготовленія къ его отъѣзду въ Южную Америку. Ради Бога, прошу васъ, сэръ, не сообщатъ полиціи о томъ, что онъ все еще находится на болотѣ. Она уже отказалась разыскивать его здѣсь, и онъ можетъ спокойно прятаться, пока не будетъ все готово къ его отъѣзду. Вы не можете выдать его, не причинивъ моей женѣ и мнѣ большого горя. Умоляю васъ, сэръ, ничего не говорить полиціи.

— Что вы скажете, Ватсонъ?

Я пожалъ плечами и сказалъ:

— Если онъ уберется изъ Англіи, это избавитъ плательщика податей отъ лишней тяжести.

— Ну, а что, если онъ передъ отъѣздомъ укокошитъ кого-нибудь здѣсь?

— Нѣтъ, сэръ, онъ не поступитъ такъ безразсудно. Мы снабдили его всѣмъ, въ чемъ онъ могъ нуждаться. Совершивъ же преступленіе, онъ выдастъ мѣсто, гдѣ прячется.

— Это правда, — произнесъ сэръ Генри. Ладно, Барриморъ...

— Да благословитъ васъ Богъ, сэръ; благодарю васъ отъ всего сердца! Если бы его снова забрали, это убило бы мою бѣдную жену.

— Я полагаю, Ватсонъ, что мы поощряемъ и содѣйствуемъ уголовному дѣлу. Но послѣ того, что мы слышали, я чувствую, что не могу выдать этого человѣка, ну, такъ и конецъ всему этому. Ладно, Барриморъ, теперь можете идти.

Послѣ нѣсколкихъ несвязныхъ словъ благодарности, дворецкій повернулся, чтобы уйти, но, постоявъ въ нерѣшительности, вернулся и снова заговорилъ:

— Вы были такъ добры къ намъ, сэръ, что и мнѣ, въ свою очередь, хотѣлось бы сдѣлать для васъ все, что въ моей власти. Я знаю нѣчто такое, сэръ Генри, о чемъ, можетъ быть, сказалъ бы и

раньше, но я узналъ это спустя долгое время послѣ слѣдствія. Я никому ни слова не говорилъ объ этомъ. Это касается смерти бѣднаго сэра Чарльза.

Баронетъ и я разомъ вскочили на ноги.

— Вы знаете, какъ онъ укмеръ?

— Нѣтъ, сэръ, этого я не знаю. Такъ что же?

— Я знаю, для чего онъ пошелъ къ калиткѣ въ такой часъ. Для того, чтобы встрѣтиться съ женщиною.

— Чтобы встрѣтиться съ женщиною! Онъ?

— Да, сэръ.

— Имя этой женщины?

— Я не могу вамъ сказать ея имени, сэръ, но могу вамъ сообщить его начальныя буквы. Эти буквы Л. Л.

— Какъ вы это узнали, Барриморъ?

— Вашъ дядя, сэръ Генри, получилъ въ то утро письмо. Обыкновенно онъ получалъ ихъ очень много, такъ какъ былъ популяренъ и хорошо извѣстенъ, какъ добрый человѣкъ, и всякій, кто нуждался, обращался къ нему. Но въ то утро случилось такъ, что онъ получилъ одно только это письмо, а потому я и обратилъ за него внимзніе. Оно было изъ Кумбъ-Трасей, и адресъ былъ написанъ женской рукою.

— Ну?

— Я больше не думалъ объ этомъ письмѣ и никогда бы не вспомнилъ о немъ, если бы не моя жена. Нѣсколько недѣль тому назадъ она чистила кабинетъ сэра Чарльза (его не трогали со дня его смерти) и нашла за каминной рѣшеткой остатки сожженнаго письма. Большая часть его превратилась въ пепелъ, но маленькая полоска, — конецъ страницы, — еще держался, и можно было прочесть то, что было написано на ней, хотя буквы были сѣрыя на черномъ фонѣ. Намъ казалось, что это былъ постскриптумъ, и онъ гласилъ: "Пожалуйста, пожалуйста, прошу васъ, какъ джентльмена, сожгите это письмо и будьте у калитки въ десять часовъ". Подъ нимъ стояли буквы Л. Л.

— Сохранили вы этотъ клочокъ?

— Нѣтъ, сэръ, — когда мы дотронулись до него, онъ разсыпался.

— Получалъ ли сэръ Чарльсъ раньше письма, написанныя этимъ почеркомъ?

— Ахъ, сэръ, я не обращалъ особеннаго вниманія на его письма. Я и этого бы не замѣтилъ, если бы оно не пришло одно.

— И вы не догадываетесь, кто это можетъ быть Л. Л.?

— Нѣтъ, сэръ. Но я думаю, что если бы мы могли

добраться до этой дамы, то больше бы узнали о смерти сэра Чарльза.

— Я не понимаю, Барриморъ, какъ вы могли скрыть такой важный фактъ.

— Ахъ, сэръ, это произошло тотчасъ же послѣ того, какъ насъ постигло наше личное горе. Кромѣ того, мы оба очень любили сэра Чарльза и были ему благодарны за все, что онъ для насъ сдѣлалъ. Раскапываніе всего этого не могло воскресить нашего бѣднаго господина, и слѣдуетъ быть осторожнымъ, когда въ дѣло замѣшана дама. Даже лучшіе изъ насъ…

— Вы думаете, что это могло бы нанести ущербъ его репутаціи?

— Ахъ, сэръ, я думалъ, что ничего хорошаго не выйдетъ изъ этого. Но теперь вы были добры къ намъ, и я чувствую, что не хорошо было бы не разсказать вамъ все, что я знаю о дѣлѣ.

— Прекрасно, Барриморъ, можете идти.

Когда дворецкій вышелъ, сэръ Генри быстро обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Ну, Ватсонъ, что вы думаете объ этомъ новомъ свѣтѣ?

— Отъ него стало какъ-будто еще темнѣе.

— И я тоже нахожу. Но если бы намъ только удалось напасть на слѣдъ Л. Л., то все дѣло разъ-

яснилось бы. Хоть это у насъ въ барышахъ. Мы знаемъ, что есть женщина знакомая съ событіями, только бы намъ найти ее. Какъ вы думаете, что намъ дѣлать?

— Тотчасъ же сообщить обо всемъ Холмсу. Это дастъ ему ключъ, котораго онъ искалъ, и который, я увѣренъ, приведетъ его сюда.

Я тотчасъ же отиравился въ свою комнату и составилъ свое донесеніе Холмсу объ утреннемъ разговорѣ. Для меня было очевиднымъ, что онъ былъ очень занятъ, потому что записки, полученныя мною изъ Бекеръ-стрита, были рѣдки, коротки, безъ всякихъ комментаріевъ на сообщаемыя мною свѣдѣнія и почти безъ упоминанія о порученной мнѣ миссіи. Онъ, безъ сомнѣнія, всецѣло поглощенъ занимающимъ его шантажнымъ дѣломъ. Но этотъ новый факторъ навѣрное остановитъ его вниманіе и возбудитъ вновь его интересъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы онъ былъ здѣсь.

Октября 17-го. Сегодня цѣлый день лилъ дождь; онъ шумѣлъ въ плющѣ и капалъ съ крышъ. Я думалъ о преступникѣ на мрачномъ, холодномъ, пустынномъ болотѣ. Бѣдный человѣкъ! Каковы бы ни были его преступленія, онъ достаточно настрадался, чтобы нѣсколько искупить ихъ.

Я также подумалъ о томъ другомъ, — о лицѣ, которое мы видѣли въ кэбѣ, о фитурѣ, которую я видѣлъ на горѣ при лунѣ. Не находится ли среди этого потока и онъ, — невидимый наблюдатель, человѣкъ тьмы? Вечеромъ я надѣлъ свой непромокаемый плащъ и пошелъ далеко по бушевавшему болоту, полный мрачныхъ картинъ, которыя мнѣ рисовало воображеніе, между тѣмъ какъ дождь хлесталъ мнѣ въ лицо и вѣтеръ затекалъ въ уши. Да поможетъ Господь тѣмъ, кто бродитъ теперь по большой трясинѣ, такъ какъ и твердая земля становится топью. Я попалъ на черную вершину, на которой замѣтилъ въ ту ночь одинокаго человѣка, и оттуда сталъ всматриваться въ мрачное пространство, разстилавшееся подо мною. Потоки дождя омывали бурые холмы, и тяжелыя, свинцовыя тучи низко нависли надъ болотомъ и тянулись въ видѣ сѣрыхъ гирляндъ по ихъ склонамъ. Далеко налѣво, между двухъ холмовъ, наполовину скрытыя туманомъ, подымались надъ деревьями двѣ тоненькія башенки Баскервиль-голля. Онѣ были единственными видимыми для меня признаками человѣческой жизни, помимо доисторическихъ хижинъ, густо разбросанныхъ по склонамъ холмовъ. Нигдѣ не было видно и признаковъ того человѣка, котора-

го я видѣлъ на этомъ самомъ мѣстѣ за двѣ ночи передъ тѣмъ.

Когда я возвращался домой, меня обогналъ докторъ Мортимеръ, ѣхавшій въ кабріолетѣ по неровной болотной дорожкѣ, ведущей къ отдаленной Фаулмайрской фермѣ. Докторъ Мортимеръ былъ очень внимателенъ къ намъ, и не проходило дня, чтобы онъ не заѣзжалъ въ голль узнать, какъ мы поживаемъ. Онъ настоялъ на томъ, чтобы я сѣлъ въ его кабріолетъ, и довезъ меня до дому. Онъ былъ очень огорченъ исчезновеніемъ своего спаньеля; собачка побѣжала на болото и не возвращалась оттуда. Я утѣшалъ его, какъ умѣлъ, но подумалъ о пони въ Гримпенской трясинѣ и полагаю, что онъ никогда больше не увидитъ своей собачки.

— Кстати, Мортимеръ, — сказалъ *я*, пока мы тряслись по болотной дорожкѣ, — полагаю, что немного въ этой мѣстности людей, которыхъ бы вы не знали.

— Врядъ ли найдется хоть одинъ такой человѣкъ.

— Такъ не можете ли вы мнѣ назвать женщину, имя и фамилія которой начинаются на Л.?

Онъ подумалъ и сказалъ:

— Нѣтъ. Тутъ есть нѣсколько цыганъ и рабо-

чихъ, именъ которыхъ я вамъ не могу назвать, но между фермерами и интеллигентными людьми нѣтъ ни одного, имя и фамилія котораго начинались бы на Л. Впрочемъ, додождите, — прибавилъ онъ, помолчавъ, — есть Лаура Ляйонсъ, но она живетъ въ Кумбъ-Трасей.

— Кто она такая? — спросилъ я.

— Дочь Франкланда.

— Что? Стараго маніака Франкланда?

— Именно. Она вышла замужъ за художника Ляйонса, который пріѣзжалъ рисовать эскизы на болотѣ. Онъ оказался негодяемъ и бросилъ ее. Впрочемъ, говорятъ, что слѣдуетъ винпть обѣ стороны. Отецъ отказался отъ нея, потому что она вышла замужъ безъ его согласія, а можетъ быть и по другимъ причинамъ. Такимъ образомъ бѣдной женщинѣ плохо пришлось между старымъ и молодымъ грѣшниками.

— Чѣмъ она живетъ?

— Я думаю, что старикъ даетъ ей на пропитаніе, но не болѣе, такъ какъ его дѣла очень плохи. Но, чего бы она ни заслужила, все-таки нельзя было допустить, чтобы она плохо кончила, благодаря отсутствію помощи. Ея исторія стала тутъ извѣстною, и нѣсколько человѣкъ приняли въ ней участіе, желая дать ей возможность честно

зарабатывать свой хлѣбъ. То были Стапльтонъ и сэръ Чарльзъ, да и я внесъ свою лепту, чтобы пріобрѣсти ей пишущую машину и пристроить къ дѣлу.

Мортимеръ желалъ узнать цѣль моихъ разспросовъ, но мнѣ удалось удовлетворить его любопытство, не высказавъ слишкомъ много, потому что излишне намъ вмѣшивать кого бы то ни было въ наши дѣла. Завтра утромъ я доберусь до Кумбъ-Трасей и, если мнѣ удастся увидѣть эту сомнительной репутаціи Лауру Ляйонсъ, я сдѣлаю крупный шагъ къ выясненію одного инцидента въ этой цѣпи тайнъ. Я, безъ сомнѣнія, пріобрѣтаю змѣиную мудрость, потому что, когда Мортимеръ ужъ очень сталъ притѣснять меня вопросами, я спросилъ его, къ какому типу принадлежитъ черепъ Франкланда, послѣ чего, въ продолженіе всего остального пути, слышалъ только о краніологіи. Недаромъ же я прожилъ столько лѣтъ съ Шерлокомъ Холмсомъ.

Мнѣ остается передать еще одинъ только инцидентъ, имѣвшій мѣсто въ этотъ ненастный печальный день, а именно разговоръ съ Барриморомъ, давшій мнѣ, для своевременнаго хода, крупную карту въ руки.

Мортимеръ остался обѣдать, а послѣ обѣда они

съ баронетомъ сѣли играть въ экарте. Дворецкій принесъ мнѣ кофе въ библіотеку, и я этимъ воспользовался, чтобы задать ему нѣсколько вопросовъ.

— Скажите, — началъ я, — вашъ драгоцѣнный родственникъ уѣхалъ или все еще прячется тамъ?

— Не знаю, сэръ. Я надѣюсь всею душою, что онъ уѣхалъ, потому что онъ принесъ сюда съ собою одно только горе! Я ничего не слыхалъ о немъ съ тѣхъ поръ, какъ отнесъ ему въ послѣдній разъ пищу, а это было три дня тому назадъ.

— Видѣли вы его тогда?

— Нѣтъ, сэръ, но когда въ слѣдующій разъ я поіпелъ туда, то пища исчеэла.

— Такъ онъ навѣрное тамъ былъ?

— Такъ можно думать, развѣ что ее взялъ другой человѣкъ.

Я не донесъ чашки до рта и уставился на Барримора.

— Такъ вы энаете, что тамъ есть другой человѣкъ?

— Да, сэръ, на болотѣ есть другой человѣкъ.

— Видѣли вы его?

— Нѣтъ, сэръ.

— Такъ почемъ вы знаете о его существованіи?

— Сельденъ сообщилъ мнѣ о немъ съ недѣлю или больше тому назадъ. Онъ тоже прячется, но, насколько я понялъ, онъ не бѣглый преступникъ. Мнѣ это не нравится, докторъ Ватсонъ, — говорю вамъ откровенно, не нравятся мнѣ это.

Онъ выговорилъ это со страстною серіозностью.

— Слушайте, Барриморъ. Въ этомъ дѣлѣ у меня нѣтъ другого интереса, кромѣ интереса вашего господина. Я пріѣхалъ сюда съ единственною цѣлью ему помочь. Такъ скажите мнѣ чистосердечно, что вамъ не нравится?

Барриморъ колебался нѣсколько мгновеній, какъ будто онъ раскаявался въ своей вспышкѣ или затруднялся словами выразить свои чувства.

— Все, что тутъ творится, сэръ, — воскликнулъ онъ, наконецъ, указывая рукою по направленію къ залитому дождемъ окну, выходящему на болото. Гдѣ-то ведется нечистая игра, и заваривается какая-то гадость, за это я готовъ поручиться! Какъ я былъ бы радъ, если бы сэръ Генри собрался обратно въ Лондонъ.

— Но что же такъ пугаетъ васъ?

— Вспомните смерть сэра Чарльза! Это было достаточно скверно, чтобы тамъ ни говорилъ

слѣдователь. Вспомните о ночныхъ шумахъ, происходящихъ на болотѣ! Не найдется человѣка, который согласился бы пройти черезъ него послѣ захода солнца, хотя бы ему и заплатили за это. Подумайте о незнакомцѣ, который прячется тамъ, караулитъ и ждетъ! Чего онъ ждетъ? Что это значитъ? Это не предвѣщаетъ ничего хорошаго для всякаго, носящаго фамилію Баскервиль, и я буду очень радъ освободиться отъ всего этого, когда новые слуги сэра Генри будутъ готовы принять отъ меня заботы о голлѣ.

— Но не можете ли вы мнѣ сказать что-нибудь объ этомъ незнакомцѣ? — спросилъ я. Что говорилъ Сельденъ? Узналъ ли онъ, гдѣ онъ прячется и что дѣлаетъ?

— Онъ видѣлъ его раза два, но это хитрая штука и ничего не выдастъ. Сперва Сельденъ думалъ, что онъ принадлежитъ къ полиціи, но затѣмъ увидѣлъ, что онъ ведетъ свою собственную игру. Онъ нѣчто въ родѣ джентльмена, но что онъ дѣлаетъ, Сельденъ не могъ узнать.

— А гдѣ онъ живетъ?

— Въ развалинахъ на склонѣ холма, въ каменныхъ хижинахъ, которыя служили жилищемъ древнему народу.

— Ну, а какъ же насчетъ пищи?

— Сельденъ узналъ, что онъ добылъ себѣ мальчика, который работаетъ на него и приноситъ ему все, что нужно изъ Кумбъ-Трасей.

— Прекрасно, Барриморъ. Мы можемъ поговорить объ этомъ подробнѣе въ другой разъ.

Когда дворецкій ушелъ, я подошелъ къ темному окну и посмотрѣлъ черезъ забрызганное стекло на несущіяся тучи и раскачиваемыя бурею деревья. Ночь ужасная и что должно твориться въ каменной хижинѣ на болоте? Какая страстная ненависть можетъ заставить человѣка прятаться въ такомъ мѣсте, въ такое время? Или какая глубоко серіозная цѣль вызываетъ его на такой подвигъ? Тамъ, въ хижинѣ на болотѣ, находится, повидимому, самая суть задачи, столь тяжко озабочивающей меня. Клянусь, что не пройдетъ дня, какъ я сдѣлаю все, что только можетъ сдѣлать человѣкъ для того, чтобы добраться до самаго сердца тайны.

XI
Человѣкъ на горѣ

Въ извлеченіи изъ моего дневника, составившемъ послѣднюю главу, разсказъ доведенъ до 18-го октября, когда эти странныя событія стали быстро двигаться къ ихъ ужасному заключенію. Инциденты послѣдующихъ немногихъ дней неизгладимо запечатлѣны въ моей памяти, и я могу ихъ передать, не прибѣгая къ замѣткамъ, сдѣланнымъ въ то время. Итакъ я начинаю съ того дня, въ который мнѣ удалось установить два важныхъ факта: первый, что Лаура Ляйонсъ изъ Кумбъ-Трасей писала сэру Чарльзу Баскервилю и назначила ему свиданіе на томъ самомъ мѣстѣ и въ тотъ самый часъ, когда его поразила смерть, и второй, что скрывающагося на болотѣ человѣка можно найти между каменными хижинами на склонѣ холма. Я сознавалъ, что если, обладая этими двумя фактами, мнѣ не удастся пролить свѣтъ въ этихъ темныхъ мѣстахъ, то, значитъ, у меня не хватаетъ или ума или смѣлости.

Мнѣ не удалось наканунѣ вечеромъ передать баронету то, что я узналъ о миссисъ Ляйонсъ,

потому что онъ засидѣлся съ докторомъ Мортимеромъ за картами до поздней ночи. За завтракомъ же я сообщилъ ему о своемъ открытіи и спросилъ его, не желаетъ ли онъ сопровождать меня въ Кумбъ-Трасей. Сначала ему очень хотѣлось ѣхать со мною, но, по здравомъ обсужденіи, мы оба рѣшили, что если я поѣду одинъ, то достигну лучшихъ результатовъ. Чѣмъ больше мы придадимъ формальности нашему визиту, тѣмъ меньше мы добудемъ свѣдѣній, А потому я покинулъ сэра Генри не безъ нѣкотораго утрызенія совѣсти и отиравился на свои новыя изысканія.

Когда я доѣхалъ до Кумбъ-Трасей, то приказалъ Перкинсу поставить лошадей въ конюшню и пошелъ наводить справки о дамѣ, которую пріѣхалъ допрашивать. Я безъ труда нашелъ ея квартиру, которая находилась въ центрѣ и была хорошо обставлена. Дѣвушка ввела меня безъ всякихъ церемоній, и когда я вошелъ въ комнату, то дама, сидѣвшая за машиною "Ремингтонъ", вскочила съ привѣтливою улыбкой на устахъ. Но лицо ея тотчасъ же стало серіознымъ, когда она увидѣла передъ собою незнакомца и, усѣвшись снова передъ машиною, она спросила меня о цѣли моего визита. Первое впечатлѣніе, производимое миссисъ Ляйонсъ, было то, что

она въ высшей степени красива. Глаза и волосы у нея были одного и того же красиваго каштановаго цвѣта, а на щекахъ, хотя и значительно усѣянныхъ веснушками, игралъ прелестный румянецъ, свойственный брюнеткамъ. Повторяю, что первое впечатлѣніе, произведенное ею, было восхищеніе. Но по второму взгляду уже хотѣлось ее критиковать. Въ ея лицѣ было что-то неопредѣленно непріятное, можетъ быть, нѣкоторая грубость выраженія или жесткость взгляда, которыя искажали совершенную красоту. Но обо всемъ этомъ я подумалъ впослѣдствіи. Въ ту же минуту я просто сознавалъ, что нахожусь передъ очень красивою женщиною и что она спрашиваетъ меня о цѣли моего визита. Я до тѣхъ поръ не отдавалъ себѣ полнаго отчета въ томъ, насколько моя миссія была деликатною.

— Я имѣю удовольствіе быть знакомымъ съ вашимъ отцомъ, — сказалъ я.

Это вступленіе было крайне неумѣстно, и дама дала мнѣ это почувствовать.

— Ничего нѣтъ общаго между моимъ отцомъ и мною, — сказала она. Я ничѣмъ ему ме обязана, и его друзья не мои друзья. Если бы не покойный сэръ Чарльзъ Баскервиль и другія добрыя сердца, я умерла бы съ голода при заботахъ моего отца.

— Я пришелъ къ вамъ по поводу покойнаго сэра Чарльза Баскервиля.

Веснушки выступили на ея лицѣ.

— Что могу я вамъ сказать о немъ? — спросила она, и пальцы ея нервно задвигались по клавишамъ машины.

— Вы были съ нимъ знакомы, не правда ли?

— Я уже сказала вамъ, что много обязана его добротѣ. Если я въ состояніи сама содержатъ себя, то этимъ въ большей степени обязана участію, которое онъ принялъ въ моемъ печальномъ положеніи.

— Находились ли вы съ нимъ въ перепискѣ?

Женщина бросила вверхъ быстрый сердитый взглядъ.

— Какая цѣль этихъ разспросовъ? — рѣзко спросила она.

— Цѣль ихъ — избѣжать публичнаго скандала. Лучше вамъ отвѣтить на нихъ здѣсь, чѣмъ допустить, чтобы дѣло получило огласку.

Она молчала и сильно поблѣднѣла. Наконецъ, подняла голову и сказала смѣло и вызывающе:

— Хорошо, я буду отвѣчать. Въ чемъ заключаются ваши вопросы?

— Переписывались ли вы съ сэромъ Чарльзомъ?

— Я, конечно, раза два писала ему, чтобы выразить свою признательность за его деликатность и щедрость.

— Помните вы числа, въ которыя писали эти письма?

— Нѣтъ.

— Встрѣчались ли вы когда-нибудь съ нимъ?

— Раза два, когда онъ пріѣзжалъ въ Кумбъ-Трасей. Онъ былъ очень скроменъ и предпочиталъ дѣлать добро втайнѣ.

— Но если вы видѣлись съ нимъ такъ рѣдко и писали ему такъ рѣдко, то какъ же могъ онъ настолько быть ознакомленнымъ съ вашими дѣлами, чтобы приходить вамъ на помощь, какъ вы это разсказываете?

Она съ готовностью отвѣтила:

— Нѣсколько человѣкъ знали мою грустную исторію, и они соединились для того, чтобы помочь мнѣ. Одинъ изъ нихъ мистеръ Стапльтонъ, — сосѣдъ и другъ сэра Чарльза. Онъ чрезвычайно добръ, и черезъ него сэръ Чарльзъ узналъ о моихъ дѣлахъ.

Я раньше вналъ, что сэръ Чарльзъ Баскервиль избиралъ въ нѣсколькихъ случаяхъ Стапльтона для роли раздавателя его милостыни, а потому слова Лауры Ляйонсъ показались мнѣ правди-

выми.

— Не писали ли вы когда-нибудь сэру Чарльзу, назначая ему свиданіе? — продолжалъ я.

Миссисъ Ляйонсъ покраснѣла отъ гнѣва.

— Поистинѣ, сэръ, это крайне странный вопросъ!

— Мнѣ очень жаль, сударыня, но я долженъ его повторить.

— Ну, такъ я отвѣчаю: конечно, нѣтъ.

— И даже не писали въ самый день смерти сэра Чарльза?

Румянецъ сбѣжалъ съ ея лица, и его покрыла смертельная блѣдность. Ея засохшія губы не могли произнести того "нѣтъ", которое я скорѣе видѣлъ, чѣмъ слышалъ.

— Несомнѣнно память измѣняетъ вамъ, — сказалъ я. Я могу даже цитировать одно мѣсто вашего письма: "Пожалуйста, пожалуйста, прошу васъ, какъ джентльмена, сожгите это письмо и будьте у калитки въ десять часовъ".

Я думалъ, что она упадетъ въ обморокъ, но она сдѣлала надъ собой страшное усиліе и прошептала:

— Неужели на свѣтѣ не существуетъ ни одного джентльмена?

— Вы несправедливы къ сэруЧарльзу. Онъ

сжегъ письмо. Но иногда можно прочесть письмо, когда оно и сожжено. Теперь вы признаете, что написали его?

— Да, я написала его, — воскликнула она, облегчая свою душу потокомъ словъ. Я написала его. Зачѣмъ я стала бы отрицать это? Мнѣ нѣтъ причины стыдиться этого. Мнѣ хотѣлось, чтобы онъ мнѣ помогъ. Я вѣрила, что если бы мнѣ удалось повидаться съ нимъ, то я получила бы отъ него помощь, а потому и просила его прійти.

— Но почему въ такой часъ?

— Потому что я только-что узнала о его намѣреніи уѣхать на другой день въ Лондонъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Были причины, по которымъ я не могла пойти туда ранъше.

— Но зачѣмъ же было назначать свиданіе въ саду вмѣсто того, чтобы идти къ нему въ домъ?

— Неужели вы думаете, что женщина можетъ въ такой часъ идти одна къ холостому мужчинѣ?

— Ну, такъ что же случилось, когда вы пришли туда?

— Я не пошла туда.

— Миссисъ Ляйонсъ!

— Нѣтъ, клянусь вамъ всѣмъ, что есть для меня святого, я туда не ходила. Случилось нѣчто такое,

что помѣшало мнѣ пойти.

— Что это было?

— Это частное дѣло. Я не могу сказать.

— Такъ вы признаете, что назначили свиданіе сэру Чарльзу въ тотъ самый часъ и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ поразила его смерть, но отрицаете, что пошли на это свиданіе?

— Это истина.

Я снова закидалъ ее вопросами, но больше этого ничего не могъ добиться.

— Миссисъ Ляйонсъ, — сказалъ я, вставая послѣ этой длинной и ни къ чему не приведшей бесѣды, — вы берете на себя очень большую отвѣтственность и ставите себя въ очень фальшивое положеніе, не желая высказать на чистоту все, что вамъ извѣстно. Если мнѣ придется прибѣгнуть къ помощи полиціи, то вы увидите, насколько вы серіозно скомпрометтированы. Если вы невиновны, то почему же первоначально отрицали, что писали въ этотъ день сэру Чарльзу?

— Потому что боялась, что изъ этого будетъ выведено какое-нибудь превратное заключеніе и что я окажусь впутанною въ скандалъ.

— А почему вы такъ настаивали, чтобы сэръ Чарльзъ уничтожилъ ваше письмо?

— Если вы читали письмо, то знаете почему.

— Я не сказалъ, что читалъ все письмо.

— Вы цитировали часть его.

— Я цитировалъ постскриптумъ. Письмо, какъ я вамъ сказалъ, было сожжено, и его нельзя было прочесть. Я вторично спрашиваю васъ, почему вы такъ настаивали, чтобы сэръ Чарльзъ уничтожилъ это письмо, полученное имъ въ день его смерти?

— Это очень интимное дѣло.

— Тѣмъ болѣе причинъ для того, чтобы избѣжать публичной огласки.

— Ну, такъ я вамъ скажу. Если вы слыхали хоть что-нибудь изъ моей несчастной исторіи, то знаете, что я опрометчиво вышла замужъ и имѣла причины въ томъ раскаяваться.

— Да, это я слышалъ.

— Жизнь моя была однимъ сплошнымъ преслѣдованіемъ со стороны мужа, котораго я ненавижу. Законъ на его сторонѣ, и каждый день я могу опасаться, что онъ силою заставитъ меня жить вмѣстѣ съ собою. Въ то время, когда я писала сэру Чарльзу, я узнала, что есть для меня возможность пріобрѣсти свободу, если будутъ сдѣланы нѣкоторые расходы. Это значило для меня все: миръ душевный, счастіе, самоуваженіе, рѣшительно

все. Мнѣ знакома была щедрость сэра Чарльза, и я подумала, что если сама разскажу ему, въ чемъ дѣло, онъ поможетъ мнѣ.

— Такъ почему же вы не пошли на свиданіе?

— Потому что я вдругъ получила помощь изъ другого источника.

— Почему же вы не написали сэру Чарльзу, чтобы объяснить ему все это?

— Я бы это сдѣлала, если бы въ слѣдующее утро не узнала изъ газеты о его смерти.

Исторія была связно разсказана, и всѣ мои вопросы не могли сбить Лауру Ляйонсъ. Провѣрить же ее я могъ только если бы узналъ, что она дѣйствительно затѣяла разводъ съ мужемъ въ то время, когда совершилась трагедія.

Невѣроятно, чтобы она осмѣлилась сказать, что не была въ Баскервиль-голлѣ, если бы она дѣйствительно тамъ была, потому что ее долженъ былъ доставить туда экипажъ, и она не могда вернуться въ Кумбъ-Трасей ранѣе слѣдующихъ первыхъ утреннихъ часовъ. Такая экскурсія не могла быть сохранена въ тайнѣ. Слѣдовательно, вѣроятность была за то, что она говорила правду или часть правды. Я вышелъ сбитый съ толку и смущенный. Снова очутился я у стѣны, которая точно выростала на всякомъ пути, по которому я

пытался добраться до цѣли моей миссіи. А между темъ, чѣмъ болѣе я думалъ о лицѣ Лауры Ляйонсъ и о ея поведеніи, тѣмъ болѣе чувствовалъ, что отъ меня что-то было скрыто. Почему она такъ поблѣднѣла? Почему она отрицала свой поступокъ, пока признаніе не было силою вырвано у нея? Почему она молчала въ то время, когда произошла трагедія? Конечно, объясненія всему этому не могли быть столь же невинными, какъ она хотѣла заставить меня думать. Пока я ничего не могъ больше сдѣлать въ этомъ направленіи и долженъ былъ приняться за другой ключъ, который приходилось искать между каменными хижинами на болотѣ.

А это было очень неопредѣленное указаніе. Я убѣдился въ этомъ, когда ѣхалъ назадъ и замѣтилъ, что множество холмовъ сохранили слѣды древняго народа. Единственнымъ указаніемъ Барримора было, что незнакомецъ живетъ въ одной изъ этихъ покинутыхъ хижинъ, а такія хижины разбросаны сотнями вдоль и поперекъ болота. Но мною руководили мои собственныя свѣдѣнія, такъ какъ я видѣлъ самого человѣка, стоявшаго на вершинѣ Блякъ-тора. Эта гора и будетъ, слѣдовательно, центральнымъ пунктомъ моихъ розысковъ. Съ этого пункта я обыщу

каждую хижину, пока не нападу на обитаемую. Если человѣкъ будетъ находиться внутри ея, то я узнаю изъ его србственныхъ устъ, при помощи своего револьвера, если понадобится, кто онъ такой и зачѣмъ онъ такъ долго выслѣживаетъ насъ. Онъ могъ ускользнуть отъ насъ въ толпѣ Реджентъ-стрита, но на пустынномъ болотѣ этю окажется позамысловатье. Съ другой стороны, если я найду хижину, а жильца ея не будетъ дома, то долженъ остаться въ ней, сколько бы ни пришлось, пока онъ не вернется. Холмсъ упустилъ его въ Лондонѣ. Поистинѣ для меня будетъ тріумфомъ, если я съ успѣхомъ выйду изъ того, что не удалось моему учителю.

Въ нашихъ изысканіяхъ счастіе отвернулось отъ насъ, но теперь, наконецъ, оно пришло мнѣ навстрѣчу въ лицѣ мистера Франкланда, который стоялъ за воротами своего сада, выходящими на большую дорогу, по которой я ѣхалъ.

— Здравствуйте, докторъ Ватсонъ! — воскликнулъ онъ необыкновенно весело, — право, вамъ слѣдуетъ дать отдыхъ лошадямъ и войти ко мнѣ выпить стаканчикъ вина и поздравить меня.

Послѣ всего, что я слышалъ о его поступкѣ съ дочерью, мои чувства къ нему были далеко не дружественными, но мнѣ очень хотѣлось отира-

вить Перкинса съ экипажемъ домой, и для этого представлялся случай. Я вышелъ изъ экипажа, велѣлъ кучеру передать сэру Генри, что приду домой вовремя, къ обѣду, и послѣдовалъ за Франкландомъ въ его столовую.

— Сегодня великій для меня день, сэръ, одинъ изъ счастливѣйшихъ въ моей жизни! — воскликнулъ онъ со взрывомъ хохота. Я вышелъ побѣдителемъ изъ двухъ дѣлъ. Я намѣренъ показать имъ, что законъ — есть законъ и что существуетъ человѣкъ, не боящійся взывать къ нему. Я установилъ право проѣзда черезъ самую середину парка стараго Мидльтона, въ ста ярдахъ отъ его собственной парадной двери. Что вы думаете объ этомъ? Мы докажемъ этимъ магнатамъ, чортъ ихъ побери, что они не могутъ попирать правъ общины! И я закрылъ доступъ въ лѣсъ, въ которомъ народъ изъ Фернворта имѣлъ обыкновеніе устраивать пикники. Этотъ дьявольскій народъ воображаетъ, что не существуетъ никакихъ правъ собственности и что онъ можетъ повсюду кишѣть со своими бумажками и бутылками. Оба дѣла рѣшены, докторъ Ватсонъ, и оба въ мою пользу. У меня не было такого дня съ тѣхъ поръ, какъ я предалъ суду сэра Джона Морланда за то, что онъ стрѣлялъ въ своемъ соб-

ственномъ заповѣдномъ лѣсу.

— Какимъ образомъ вы могли это сдѣлать?

— А вотъ взгляните въ книгу, сэръ. Это стоитъ прочитать: Франкландъ противъ Морланда, судъ королевской скамьи. Это стоило мнѣ 200 фунтовъ, но я добился вердикта въ свою пользу.

— А принесло это вамъ что-нибудь?

— Ничего, сэръ, ровно ничего. Я горжусь тѣмъ, что у меня не было никакого личнаго интереса въ дѣлѣ. Я дѣйствовалъ исключительно изъ сознанія общественнаго долга. Я не сомнѣваюсь, напримѣръ, что народъ Фернворта предастъ меня заочному сожженію сегодня ночью. Въ прошлый разъ, когда это сдѣлали, я сказалъ полиціи, чтобы она остановила такія гнусныя зрѣлища. Полиція графства обрѣтается въ позорномъ состояніи, и она не оказала мнѣ защиты, на которую я имѣю право. Дѣло Франкланда противъ правительства обратитъ на это вниманіе общества. Я сказалъ имъ, что имъ придется раскаяться въ своемъ обращеніи со мною, и слова мои уже оправдываются.

— Какимъ образомъ? — спросилъ я. Лицо старика приняло многозначительное выраженіе.

— Я могъ бы имъ сообщить то, что имъ смертельно хочется узнать, но ничто не заставитъ

меня прійти на помощь этимъ мерзавцамъ.

До сихъ поръ я придумывалъ какой-нибудь предлогъ для того, чтобы уйти отъ его болтовни, но тутъ мнѣ захотѣлось услышать побольше. Я достаточно былъ знакомъ съ противорѣчивымъ характеромъ стараго грѣшника для того, чтобы сознавать, что всякое сильное изъявленіе интереса способно остановить его дальнѣйшія сообщенія.

— Вѣроятно, какое-нибудь браконьерское дѣло, — произнесъ я равнодушнымъ тономъ.

— Ха-ха, молодой человѣкъ, нѣчто гораздо болѣе важное! Что, если это касается бѣглаго преступника на болотѣ?

Я вздрогнулъ.

— Развѣ вы знаете, гдѣ онъ находится? — спросилъ я.

— Я, можетъ быть, не знаю въ точности, гдѣ онъ находится, но я увѣренъ, что могъ бы помочь полиціи наложить на него руку. Развѣ вамъ никогда не приходило въ голову, что самый лучшій способъ поймать этого человѣка — это узнать, какъ онъ добываетъ себѣ пищу, и такимъ образомъ выслѣдить его?

Безъ сомнѣнія, онъ непріятно близко подходилъ къ истинѣ.

— Конечно, — сказалъ я, — но почемъ вы знаете, что человѣкъ этотъ находится на болотѣ?

— Я знаю этой потому что собственными глазами видѣлъ того, кто носитъ ему пищу.

Сердце у меня дрогнуло за Барримора. Была не шутка попасть въ руки этого злокозненнаго стараго-хлопотуна. Но слѣдующія его слова облегчили мнѣ душу.

— Вы удивитесь, когда узнаете, что пищу ему носитъ ребенокъ. Я ежедневно вижу его въ телескопъ съ крыши своего дома. Онъ проходитъ по одной и той же тропинкѣ въ одинъ и тотъ же часъ, а къ кому же онъ можетъ ходить, какъ не къ преступнику?

Тутъ, дѣйствительно, мнѣ посчастливилось! А между тѣмъ я подавилъ въ себѣ всякое проявленіе интереса. Ребенокъ! Барриморъ сказалъ, что нашему незнакомцу служитъ мальчикъ. Итакъ Франкландъ напалъ на его слѣдъ, а не на слѣдъ преступника. Если бы онъ сообщилъ мнѣ все то, что самъ знаетъ, то это избавило бы меня отъ продолжительной и утомительной охоты. Но недовѣріе и равнодушіе были самыми сильными козырями въ моихъ рукахъ.

— Я бы сказалъ, что это вѣрнѣе сынъ какого-нибудь пастуха на болотѣ носитъ обѣдъ своему

отцу.

Малѣйшее противорѣчіе воспламеняло стараго самодура. Онъ лукаво посмотрѣлъ на меня, и его сѣдые усы ощетинились, какъ у разозлившейся кошки.

— Вы думаете, сэръ! — воскликнулъ онъ, указывая на обширное пространство болота. Видите вы тамъ этогъ Блякъ-торъ? Видите вы низкій холмъ съ терновыми кустами? Это самая каменистая часть на всемъ болотѣ. Неужели пастухъ избралъ бы для себя такое мѣсто? Ваши догадки, сэръ, нелѣпы.

Я кротко возразилъ, что говорилъ, не зная всѣхъ фактовъ. Моя покорность понравилась ему и заставила его больше довѣриться мнѣ.

— Повѣрьте, сэръ, что у меня всегда очень хорошія основанія для вывода заключенія. Я много разъ видѣлъ мальчика съ узелкомъ. Каждый день, а иногда и два раза въ день, я могъ... но постойте, докторъ Ватсонъ, обманываютъ ли меня мои глаза или что-нибудь шевелится на склонѣ холма?

Это было въ нѣсколькихъ миляхъ отъ насъ, но я ясно видѣлъ маленькую черную точку, выдѣлявшуюся на монотонномъ сѣромъ фонѣ.

— Идемъ, идемъ! — воскликнулъ Франкландъ,

бросаясь на лѣстницу. Вы увидите собственными глазами и сами разсудите.

Телескопъ, громадный инструментъ, поставленный на треножникѣ, стоялъ на плоской крышѣ. Франкландъ приложилъ къ нему глазъ и издалъ возгласъ удовольствія.

— Скорѣе, докторъ Ватсонъ, скорѣе, пока онъ не спустился за холмъ.

Безъ сомнѣнія, я увидѣлъ его, мальчугана съ узелкомъ на плечѣ, тихо карабкавшагося по холму. Когда мальчуганъ достигъ вершины, то я увидѣлъ его растрепанную, странную фигуру, обрисовавшуюся на одно мгновеніе на холодномъ голубомъ небѣ. Онъ украдкою оглянулся, какъ человѣкъ, страшащійся преслѣдованія, и затѣмъ исчезъ за холмомъ.

— Ну! Не правъ ли я?

— Безъ сомнѣнія, это мальчикъ, которому поручено какое-то тайное дѣло.

— А въ чемъ заключается порученіе, можетъ угадать даже здѣшній полицейскій. Но я не скажу имъ ни одного слова и обязываю и васъ, докторъ Ватсонъ, сохранить тайну. Ни слова! Понимаете?

— Какъ вы желаете.

— Они постыдно поступили со мной, говорю вамъ — постыдно. Когда обнаружатся факты въ

дѣлѣ "Франкландъ противъ правительства", то смѣю думать, что вся страна содрогнется отъ негодованія. Ничто не можетъ заставить меня помочь полиціи чѣмъ бы то ни было. Ей больше всего хотѣлось бы, чтобы эти негодяи сожгли меня самого вмѣсто моего изображенія. Неужели вы уходите? Помогите мнѣ опорожнить графинъ въ честь такого великаго событія.

Но я устоялъ противъ всѣхъ его просьбъ, и мнѣ удалось отговорить его отъ высказаннаго имъ намѣренія проводить меня домой. Я шелъ по дорогѣ, пока онъ видѣлъ меня, а затѣмъ бросился по болоту къ каменистому холму, за которымъ исчезъ мальчикъ. Все было въ мою пользу, и я поклялся, *(* что если упущу этотъ счастливый случай, то это произойдетъ не отъ недостатка энергіи и настойчивости.

Солнце уже садилось, когда я достигъ вершины холма, и склоны его были съ одной стороны золотистыми, а съ другой темно-сѣрыми. Туманъ низко спускался на дальнюю ливію горизонта, и изъ него выступали фантастическія очертанія Белливеръ-тора и Виксенъ-тора. Надъ всѣмъ обширнымъ пространствомъ не слышно было ни звука, не видно было никакого движенія. Только большая сѣрая птица, чайка или каравайка,

парила высоко подъ голубымъ небомъ. Она и я казались единственными живыми существами между громаднымъ небеснымъ сводомъ и пустынею подъ нимъ. Голая мѣстность, ощущеніе одиночества, таинственность и настоятельность моей задачи, — все это наполняло холодомъ мое сердце. Мальчика нигдѣ не было видно. Но внизу, подо мною, въ ущелъѣ между холмами, находился кругъ древнихъ каменныхъ хижинъ, а на одной изъ нихъ сохранился достаточный кусокъ крыши для того, чтобы служить защитою отъ непогоды. Сердце мое забилось отъ радости при видѣ этого. Эта нора и должна быть та, въ которой прячется незнакомецъ. Наконецъ-то нога моя ступила на порогъ его убѣжища; его тайна была въ моихъ рукахъ.

Подходя къ хижинѣ такъ же осторожно, какъ Стаплътонъ подходитъ со своею сѣткой къ сидящей бабочкѣ, я съ удовольствіемъ увидѣлъ, что мѣстомъ этимъ кто-то пользовался, какъ жилищемъ. Едва замѣтная тропинка, проложенная между валунами, вела къ разрушенному отверстію, служившему дверью. Внутри царило безмолвіе. Незнакомецъ, можетъ быть, прячется здѣсь, а можетъ быть онъ шатается по болоту. Мои нервы были напряжены отъ ожиданія при-

ближающихся приключеній. Бросивъ папиросу, я опустилъ руку въ карманъ, въ которомъ находился револьверъ и, быстро подойдя къ двери, заглянулъ въ нее. Хижина была пуста.

Но въ ней находилось достаточно доказательствъ тому, что я попалъ не на ложный слѣдъ. Безъ сомнѣнія, тутъ жилъ человѣкъ. Нѣсколько свернутыхъ одѣялъ лежало на той самой каменной плитѣ, на которой когда-то спалъ неолитическій человѣкъ. Въ простой рѣшеткѣ лежала куча золы. Рядомъ находилось нѣсколько кухонныхъ принадлежностей и ведро, наполовину наполненное водою. Куча пустыхъ жестянокъ доказывала, что мѣсто это было занято уже нѣкоторое время и, когда глаза мои освоились съ полусвѣтомъ я увидѣлъ въ углу чашечку и бутылочку, на половину наполненную водкой. Посреди хижины плоскій камень служилъ столомъ, а на немъ лежалъ небольшой узелокъ, тотъ самый, безъ сомнѣнія, который я видѣлъ въ телескопъ на плечѣ мальчика. Онъ содержалъ цѣлый хлѣбъ, жестянку съ языкомъ и двѣ жестянки съ консервами персиковъ. Когда я, осмотрѣвъ узелъ, положилъ его на мѣсто, то сердце мое вздрогнуло отъ радости; я увидѣлъ подъ узломъ клочекъ бумаги, на которомъ что-то было написано. Я взялъ его и

вотъ чтл прочелъ:

"Докторъ Ватсонъ отправился въ Кумбъ-Трасей".

Я стоялъ съ бумажкою въ рукѣ не понимая значенія написаннаго на ней. Такъ, значитъ, этотъ таинственный человѣкъ выслѣживаетъ меня, а не сэра Генри. Онъ не самъ слѣдилъ. за мною, а отрядилъ агента (можеть быть, мальчика) ходить по моимъ слѣдамъ. Можетъ быть, я не сдѣлалъ до сихъ поръ ни одного шага на болотѣ безъ тою, чтобы за нимъ не прослѣдили. Все еще чувствовалось присутствіе какой-то невидимой силы, тонкой сѣти, протянутой вокругъ насъ съ изумительнымъ искусствомъ и держащей насъ такъ легко, что только въ самые послѣдніе моменты мы чувствовали, что попались въ нее.

Если нашлось одно донесеніе, то могли быть тутъ и другія, и я сталъ обыскивать хижину. Однако, я не нашелъ больше никакой бумажки, а также никакихъ знаковъ, по которымъ могъ бы уэнать характеръ и намѣренія человѣка, живущаго въ этюнъ оригинальномъ мѣстѣ, кромѣ развѣ того, что у него были спартанскія привычки и что онъ мало заботился о комфортѣ. Когда я подумалъ о проливныхъ дождяхъ и посмотрѣлъ на дырявую крышу, то понялъ, насколько дол-

женъ быть силенъ мотивъ, удерживающій его въ этомъ негостепріимномъ жилищѣ. Кто онъ такой: нашъ злокозненный врагъ или, пожалуй, ангелъ-хранитель? Я поклялся, что не покину хижины, пока не узнаю этого.

Солнце было очень низко, и западъ горѣлъ пурпуромъ и золотомъ. Отдаленныя лужи Большой Гримпенской трясины отражали солнце большими красными пятнами. Виднѣлись двѣ башни Баскервиль-голля, и отдаленная дымка указывала на селеніе Гримпенъ. Между этими двумя мѣстностями, за холмомъ, былъ домъ Стапльтона. Все было мягко, нѣжно и мирно при золотистомъ вечернемъ освѣщеніи, но душа моя не гармонировала съ мирною природою: она трепетала отъ неизвѣстности и страха передъ свиданіемъ, которое приближалось съ каждою секундою. Съ натянутыми нервами, но съ опредѣленнымъ намѣреніемъ, я сидѣлъ въ темномъ уголку хижины и съ мрачнымъ терпѣніемъ ожидалъ прихода ея хозяина.

Наконецъ, я услыхалъ шаги. Издалека раздался рѣзкій звукъ сапога по камню. Затѣмъ послышался другой, третій, и шаги стали приближаться. Я отклонился въ самый темный уголъ и взялся за курокъ револьвера въ карманѣ, рѣшивъ не

выдавать своего присутствія, пока мнѣ не удастся увидѣть незнакомца. Шаги умолкли. Значитъ, онъ остановился. Затѣмъ они снова стали приближаться, и тѣнь упала въ отверстіе хижины.

— Прелестный вечеръ, дорогой Ватсонъ, — произнесъ хорошо знакомый голосъ. Право, я думаю, что вамъ будетъ пріятнѣе выйти на воздухъ, чѣмъ сидѣть въ хижинѣ.

XII
Смерть на болотѣ

Дыханіе сперлось у меня въ груди, я не довѣрялъ своимъ ушамъ. Наконецъ, ко мнѣ вернулись сознаніе и голосъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ я почувствовалъ, какъ будто въ одно мгновеніе съ моей души снята подавляющая тяжесть. Этотъ холодный, внушительный, ироническій голосъ могъ принадлежать одному только человѣку на свѣтѣ.

— Холмсъ! — воскликнулъ я. — Холмсъ!

— Выходите, — сказалъ онъ, — и пожалуйста поосторожнѣе съ револьверомъ.

Я переступилъ порогъ и увидѣлъ его сидящимъ на камнѣ, между тѣмъ какъ его сѣрые глаза забавно прыгали, видя мое удивленіе. Его умное лицо, загорѣвшее и обвѣтренное, было худо и осунулось, но выглядѣло яснымъ и бодрымъ. Въ парусинномъ костюмѣ и мягкой шляпѣ, онъ имѣлъ видъ любого туриста на болотѣ и даже умудрился, благодаря своей характерной кошачьей любви къ чистоплотности, имѣть въ совершенствѣ выстиранное бѣлье и гладко выбритый подбородокъ, точно онъ не выѣзжалъ

изъ Бекеръ-стрита.

— Въ жизни своей не бывалъ я никому болѣе радъ, — сказалъ я, крѣпко сжимая ему руку.

— Или болѣе удивленъ, а?

— Признаюсь и въ этомъ.

— Не вы одни были удивлены, увѣряю васъ. Пока я не очутился шагахъ въ двадцати отъ этой хижины, мнѣ и въ голову не приходило, чтобы вы отыскали мое случайное убѣжище, а еще менѣе, что вы сами сидите въ немъ.

— Вы узнали о моемъ присутствіи по слѣдамъ?

— Нѣтъ, Ватсонъ. Сомнѣваюсь, чтобы я могъ отличить слѣдъ вашей ноги отъ слѣдовъ всѣхъ остальныхъ людей на свѣтѣ. Если вы серіозно пожелаете меня обмануть, то перемѣните своего поставщика папиросъ, потому что, когда я вижу окурокъ съ этикеткой Брадлей, Оксфордъ-стритъ, то знаю, что мой другъ Ватсонъ находится по близости. Онъ тамъ лежитъ у тропинки. Вы его бросили въ тотъ торжественный моментъ, когда пошли приступомъ на пустую хижину.

— Совершенно вѣрно.

— Я такъ и думалъ, и, зная вашу удивительную настойчивость, былъ убѣжденъ, что вы устроились въ засадѣ съ оружіемъ наготовѣ, въ ожиданіи постояльца. Итакъ, вы въ самомъ дѣлѣ

думали, что я-то и есть злодѣй.

— Я не зналъ, кто вы такой, но твердо рѣшилъ все узнать.

— Чудный Ватсонъ! А какъ вы выслѣдили меня? Можетъ быть, вы видѣли меня въ ночь погони за бѣглымъ каторжяикомъ, когда я имѣлъ неосторожность допустить, чтобы луна взошла позади меня?

— Да, я видѣлъ васъ тогда.

— И, безъ сомнѣнія, обыскали всѣ хижины, прежде чѣмъ добраться до этой?

— Нѣтъ, вашъ мальчикъ былъ замѣченъ, и это дало мнѣ руководящую нить.

— Замѣченъ, конечно, тѣмъ старикомъ съ телескопомъ. Я узналъ объ этомъ только тогда, когда въ первый разъ увидѣлъ свѣтъ, отраженный отъ объектива.

Холмсъ всталъ и взглянулъ въ хижину.

— А, я вижу, что Картрайтъ принесъ мнѣ кое-какіе запасы. Что это за бумага? Такъ, значитъ, вы были въ Кумбъ-Трасей?

— Да.

— Чтобы повидаться съ миссисъ Лаурой Ляйонсъ?

— Именно.

— Прекрасно сдѣлали. Наши разслѣдованія

шли, очевидно, параллельно, и когда мы подведемъ итоги достигнутыхъ нами результатовъ, то, надѣюсь, будемъ хорошо оэнакомлены съ обстоятельствами дѣла.

— Что касается меня, то я отъ души радъ, что вы здѣсь, потому что, право, моимъ нервамъ больше не подъ силу выносить эту таинственность. Но скажите, Бога ради, какъ вы-то сюда попали и что вы дѣлали? Я думалъ, что вы находитесь въ Бекеръ-стритѣ, занятые тѣмъ шантажнымъ дѣломъ.

— Я именно и хотѣлъ, чтобы вы это думали.

— Такъ вы даете мнѣ отвѣтственное порученіе и вмѣстѣ съ тѣмъ не довѣряете мнѣ! — воскликнулъ я съ оттѣнкомъ горечи. Я думалъ, Холмсъ, что заслужилъ лучшаго.

— Милый другъ, вы были неоцѣнимы для меня какъ въ этомъ, такъ и во многихъ другихъ случаяхъ, и прошу васъ простить меня, если я какъ будто сыгралъ съ вами штуку. Въ дѣйствительности же я поступилъ такъ отчасти ради васъ самихъ и пріѣхалъ сюда, чтобы лично разобраться въ дѣлѣ, потому что взвѣсилъ, въ какой вы находитесь здѣсь опасности. Если бы я жилъ вмѣстѣ съ вами и сэромъ Генри, то, очевидно, что у меня была бы та же точка зрѣнія, что у васъ, и

мое присутствіе заставило бы нашихъ крайне опасныхъ враговъ быть насторожѣ. Теперь я могу свободно прохаживаться, чего не въ состояніи былъ бы сдѣлать, если бы жилъ въ голлѣ, и остаюсь неизвѣстнымъ факторомъ въ дѣлѣ, готовый кинуться въ него всею своею тяжестью въ критическій моментъ.

— Но зачѣмъ было оставлять меня въ потемкахъ?

— Если бы вы знали о моемъ пріѣздѣ, это не принесло бы намъ пользы, а между тѣмъ мое присутствіе здѣсь могло бы быть открыто. Вы бы захотѣли сообщить мнѣ что-нибудь или же, по своей добротѣ, доставить мнѣ какое-нибудь облегченіе, а это было бы совершенно безполезнымъ рискомъ. Я привезъ съ собою Картрайта, помните, — того мальчугана изъ конторы комиссіонеровъ, и онъ заботился объ удовлетвореніи моихъ несложныхъ потребностей: ломтѣ хлѣба и чистомъ воротничкѣ. Что еще нужно человѣку? Онъ доставилъ мнѣ лишнюю пару глазъ и пару очень проворныхъ ногъ, и обѣ эти пары были неоцѣнимы.

— Такъ, значитъ, всѣ мои донесенія пропали даромъ!

Мой голосъ задрожалъ, когда я припомнилъ

трудъ и гордость, съ какими я ихъ составлялъ.

Холмсъ вынулъ изъ кармана свертокъ бумагъ.

— Вотъ ваши донесенія, дорогой другъ, и они старательно перечитаны, увѣряю васъ. Я прекрасно устроился относительно ихъ полученія, и они запаздывали всего на одинъ день. Я долженъ отдать вамъ честь въ крайнемъ рвеніи и разумности, какую вы выказали въ этомъ необыкновенно трудномъ дѣлѣ.

Я никакъ еще не могъ переварить тотъ фактъ, что Холмсъ обманывалъ меня, но теплота его похвалъ угасила мой гнѣвъ. Въ глубинѣ сердца я чувствовалъ, что онъ былъ правъ и что для нашей цѣли было лучше мнѣ не знать объ его присутствіи на болотѣ.

— Такъ-то лучше, — сказалъ онъ, видя, что тѣнь сбѣжала съ моего лица. А теперь разскажите мнѣ о результатѣ вашего визита къ миссисъ Лаурѣ Ляйонсъ. Мнѣ не трудно было догадаться, что вы направились именно къ ней, такъ какъ мнѣ уже извѣстно, что она единственная въ Кумбъ-Трасей личность, которая можетъ быть намъ полезна. Дѣло въ томъ, что если бы вы не поѣхали туда сегодня, то весьма вѣроятно, что завтра я самъ отправился бы къ ней.

Солнце сѣло, и сумерки спустились на боло-

то. Въ воздухѣ почувствовалась свѣжесть, и мы вошли погрѣться въ хижину. Тутъ я разсказалъ Холмсу о своемъ раэговорѣ съ Лаурой Ляйонсъ. Онъ имъ такъ заинтересовался, что нѣкоторыя его части я долженъ былъ повторить.

— Очень важное сообщеніе, — сказалъ онъ, когда я кончилъ. Оно заполняетъ въ этомъ крайне сложномъ дѣлѣ пробѣлъ, который я никакъ не могъ перешагнуть. Не убѣдились ли вы, что между этою дамою и Стаплътономъ существуютъ тѣсныя отношенія?

— Я ничего о нихъ не знаю.

— Въ нихъ нельзя сомнѣваться. Они встрѣчаются, переписываются, между ними полное согласіе. Ну, а это дастъ намъ въ руки очень сильное оружіе. Если бы я могъ только употребить его на то, чтобы отвлечь его жену…

— Его жену?

— Теперь я сообщаю вамъ новости въ отвѣтъ на полученныя отъ васъ свѣдѣнія. Дама, слъгеущая здѣсь за миссъ Стаплътонъ, въ дѣйствительности его жена.

— Господи, Боже мой, Холмсъ! Увѣрены ли вы въ этомъ? Какъ могъ онъ допустить, чтобы сэръ Генри влюбился въ нее?

— То, что сэръ Генри влюбился, не могло повре-

дить никому, кромѣ какъ сэру Генри. Вы же сами замѣтили, что Стаплътонъ всячески старался, чтобы сэръ Генри не ухаживалъ за нею. Говорю вамъ, что она его жена, а не сестра.

— Но для чего такой обманъ?

— Потому что онъ предвидѣлъ, что она будетъ гораздо полеэнѣе для него въ роли свободной женщины.

Всѣ мои неясныя предчувствія, мои смутныя подозрѣнія внезапно облеклись въ форму и сосредоточились на натуралистѣ. Въ этомъ безстрастномъ, безцвѣтномъ человѣкѣ, въ соломенной шляпѣ и съ сѣткою для ловли бабочекъ, мнѣ почудилось ужасное существо, одаренное безконечнымъ терпѣніемъ и хитростью, существо съ улыбающимся лицомъ и сердцемъ убійцы.

— Такъ, значитъ, это онъ нашъ врагъ, это онъ слѣдилъ за нами въ Лондонѣ?

— Въ этомъ смыслѣ я читаю загадку.

— А предостереженіе исходило, вѣроятно, отъ нея.

— Именно.

Сквозь мракъ, такъ долго окружавшій меня, проглядывалъ полувидимый, полуотгадываемый образъ какой-то чудовищной низости.

— Но увѣрены ли вы въ этомъ, Холмсъ? Почему

вы узнали, что эта женщина его жена?

— Потому, что онъ такъ увлекся, что передалъ вамъ правду объ одной части своей автобіографіи, когда въ первый разъ встрѣтился съ вами, и полагаю, что затѣмъ онъ не разъ жалѣлъ объ этомъ. Онъ дѣйствительно былъ однажды школьнымъ учителемъ въ Сѣверной Англіи. Ну, а нѣтъ ничего легче, какъ добыть свѣдѣнія объ учителѣ. Есть школьныя агентуры, чрезъ которыя можно удостовѣриться въ личности любого человѣка, когда-либо занимавшагося этою профессіею. Благодаря небольшой справкѣ, я уэналъ, что одна школа претерпѣла несчастіе при ужасныхъ обстоятельствахъ и что виновникъ ихъ (имя было другое) исчезъ вмѣстѣ со своею женою. Описанія учителя и его жены вполнѣ подходятъ къ примѣтамъ Стапльтоновъ. Когда же я узналъ, что исчезнувшій человѣкъ — энтомологъ, то уже не могъ больше сомнѣваться.

Мракъ разсѣялся, но многое еще оставалось въ тѣни.

— Если эта женщина его жена, то при чемъ тутъ Лаура Ляйонсъ? — спросилъ я.

— Это одинъ изъ пунктовъ, на который ваши разслѣдованія пролили свѣтъ. Ваше свиданіе съ дамою очень выяснило положеніе. Я ничего не

знялъ о проектируемомъ разводѣ между Лаурой и ея мужемъ. Считая Стаплътона холостымъ, она, безъ сомнѣнія, разсчитываетъ выйти за него замужъ.

— А когда она узнаетъ правду?..

— Тогда дама можетъ оказаться полезною для насъ. Первымъ дѣломъ нужно намъ обоимъ завтра повидаться съ нею. Не находите ли вы. Ватсонъ, что вы уже слишкомъ давно покинули свои обязанности? Ваше мѣсто въ Баскервиль-голлѣ.

На западѣ исчезъ послѣдній румянецъ заката, и ночь воцарилась на болотѣ. Нѣсколько звѣздочекъ заблестѣло на фіолетовомъ небѣ.

— Еще одинъ вопросъ, Холмсъ, — сказалъ я, вставая. Между нами не можетъ быть, конечно, секретовъ. Что все это значитъ? Что ему нужно?

Холмсъ отвѣтилъ пониженнымъ голосомъ:

— Убійство, Ватсонъ. Утонченное, хладнокровно обдуманное убійство. Не спрашивайте у меня подробностей. Я затягиваю его въ свои сѣти точно такъ же, какъ онъ затягиваетъ сэра Генри, и, при вашей помощи, онъ уже почти въ моей власти. Тутъ угрожаетъ намъ одна только опасность: опасность, что онъ нанесетъ ударъ прежде, чѣмъ мы будемъ готовы нанести ему

ударъ. Еще день или два, не больше, и у меня въ рукахъ будетъ законченное дѣло, а до тѣхъ поръ берегите ввѣреннаго вамъ человѣка такъ же неотступно, какъ мать бережетъ своего больного ребенка. Сегодняшняя ваша миссія сама себя оправдала, а между тѣмъ я почти жалѣю о томъ, что вы покинули его... Слышите!

Ужасающій крикъ. Среди тишины болота пронесся стонъ, долго не умолкавшій стонъ предсмертнаго ужаса. Отъ этого страшнаго крика кровь застыла въ моихъ жилахъ.

— О Боже мой! Что это такое? Что это значитъ? — воскликнулъ я, задыхаясь.

Холмсъ вскочилъ на ноги, и я увидѣлъ въ отверстіе двери его темную, атлетическую фигуру съ сгорбленными плечами и наклоненною впередъ головою, какъ бы стремившейся проникнуть взоромъ въ темноту ночи.

— Шш! — шепнулъ онъ, — Шш! Слышанный нами крикъ былъ громкій, благодаря его силѣ, но исходилъ онъ откуда-то издалека. Теперь же онъ доходилъ до нашихъ ушей все ближе, громче, настоятельнѣе.

— Откуда это? — шепталъ Холмсъ. И я слышалъ по дрожанію его голоса, что онъ, — желѣзный человѣкъ, былъ потрясенъ до глубины души.

Откуда это, Ватсонъ?

— Кажется, оттуда, — отвѣтилъ я, указывая въ темноту.

— Нѣтъ, съ этой стороны.

Снова предсмертный крикъ огласилъ безмолвную ночь громче и гораздо ближе, чѣмъ прежде. Къ этому крику присоединился другой звукъ, — низкое, глухое ворчаніе, музыкальное и вмѣстѣ съ тѣмъ грозное, какъ низкій, неумолчный рокотъ моря.

— Собака! — воскликнулъ Холмсъ. Идемъ, Ватсонъ, идемъ! Царь Небесный, неужели мы опоздали!

Онъ пустился бѣжать по болоту, и я слѣдовалъ по его пятамъ. Но вдругъ откуда-то изъ-за камней, какъ разъ впереди насъ, донесся послѣдній отчаянный стонъ, а затѣмъ, глухой, тяжелый стукъ. Мы остановились, прислушиваясь. Ни одинъ звукъ не нарушалъ больше тяжелой тишины безвѣтренной ночи.

Холмсъ схватился съ жестомъ отчаянія за голову и ударялъ ногами о землю.

— Онъ побилъ насъ, Ватсонъ. Мы опоздали!

— Нѣтъ, нѣтъ, навѣрное нѣтъ!

— Дуракъ я былъ, что сдерживалъ свой размахъ. А вы, Ватсонъ, смотрите, къ чему привело

то, что вы покинули свой постъ! Но, клянусь небесами, если случилось худшее, мы отмстимъ.

Ничего не видя, бѣжали мы по темному болоту, спотыкаясь о камни, продираясь сквозь терновникъ, подымаясь и спускаясь по холмамъ, держась того направленія, откуда донеслись до насъ ужасные звуки. При кпждомъ подъемѣ на воввышенность Холмсъ жадно осматривался, но густой мракъ покрывалъ болото, и ничто не шевелилось на его угрюмой поверхности.

— Видите ли вы что-нибудь?

— Ничего.

— Но слушайте, это что такое?

До нашего слуха донессятихій стонъ.

Вотъ опять слѣва отъ насъ. Въ этой сторонѣ рядъ скалъ заканчивался крутымъ утесомъ, подымавшимся надъ усыпаннымъ камнями склономъ. На его неровной поверхности лежалъ какой-то темный, неправильной формы цредметъ. Когда мы подбѣжали къ этому предмоту, онъ принялъ опредѣленную форму распростертаго ничкомъ человѣка; голова его была подогнута подъ ужаснымъ угломъ, плечи закруглены, и тѣло собрано, точно оно хотѣло перекувыркнуться. Это положеніе было дотого нелѣпымъ, что я сразу не могъ себѣ представить, что слышанный нами

стонъ былъ прощаніемъ души съ этимъ тѣломъ. Ни стона, ни жалобы не издавала больше темная фигура, надъ которою мы наклонились. Холмсъ опустилъ на нее руку и съ возгласомъ ужаса отдернулъ ее. Свѣтъ чиркнутой имъ спички освѣтилъ окровавленные пальцы и отвратительную лужу крови, медленно стекавшей изъ раздробленнаго черепа жбртвы. Свѣтъ спички освѣтилъ еще нѣчто, отъ чего у насъ сердца похолодѣли и замерли, — онъ освѣтилъ... тѣло сэра Генри Баскервиля.

Ни Холмсъ, ни я не могди забыть совершенно особенный красноватый костюмъ, который былъ надѣтъ на немъ въ то первое утро, когда онъ былъ у насъ въ Бекеръ-стритѣ. Мы сразу узнали этотъ костюмъ, а затѣмъ спичка затлѣла и погасла, какъ погасла надежда, тлѣвшая въ нашихъ сердцахъ. Холмсъ застоналъ и такъ поблѣднѣлъ, что его лицо выдѣлилось бѣлымъ пятномъ въ темнотѣ.

— Звѣрь! Звѣрь! — воскликнулъ я, ломая руки. Ахъ, Холмсъ, я никогда не прощу себѣ, что покинулъ его.

— Я болѣе виноватъ, чѣмъ вы, Ватсонъ. Ради того, чтобы дѣло было полное и закругленное, я погубилъ своего кліента. Это самый страшный

ударъ, какой я когда-либо получалъ въ продолженіе всей своей карьеры. Но какъ могь я знать... какъ могъ я знать, что, вопреки всѣмъ моимъ предостереженіямъ, онъ рискнетъ пойти одинъ на болото!

— Господи! подумать, что мы слышали его крикъ... О Боже, эти крики! И мы не могли его спасти! Гдѣ это животное, эта собака, загнавшая его до смерти? Можетъ быть, она и сейчасъ гдѣ-нибудь въ засадѣ между скалъ. А Стаплътонъ, гдѣ онъ? Онъ отвѣтитъ за это!

— О, да! Я позабочусь объ этомъ! И дядя и племянникъ убиты; одинъ былъ напуганъ до смерти однимъ только видомъ животнаго, которое считалъ сверхъестественнымъ, другой нашелъ смерть въ своемъ дикомъ бѣгѣ, спасаясь отъ него. Но теперь намъ нужно доказатъ связь между человѣкомъ и животнымъ. Если исключить то, что мы слышали, мы даже не можемъ ручаться за существованіе послѣдняго, такъ какъ сэръ Генри умеръ, очевидно, отъ паденія. Но, клянусь небомъ, какъ ни хитеръ молодецъ, а не пройдетъ сутокъ, и онъ будетъ въ моей власти!

Съ болью въ сердцѣ стояли мы по обѣимъ сторонамъ изувѣченнаго тѣла, подавленные этинъ внезапнымъ и непоправимымъ несчастіемъ,

которое положило столь печальный конецъ нашимъ долгимъ и тяжелымъ трудамъ. Когда взошла луна, мы вскарабкадись на вершину скады, съ которой упалъ нашъ бѣдный другъ, и оттуда омотрѣли на болото, на половину освѣщенное луною. Далеко, на много миль отъ насъ, по направленію къ Гримпену, виднѣлся одинокій желтый свѣтъ. Онъ могъ исходить только изъ уединеннаго жилища Стапльтоновъ. Съ жуткимъ проклятіемъ погрозилъ я кулакомъ въ этомъ направленіи.

— Почему бы намъ тотчасъ же не схватить его?

— Наше дѣло не закончено. Молодецъ этотъ остороженъ и хитеръ до крайности. Важно не то, что мы знаемъ, а то, что мы можемъ доказать. Если мы сдѣлаемъ одинъ невѣрный шагъ, мерзавецъ можетъ ускользнуть изъ нашихъ рукъ.

— Что мы можемъ сдѣлать?

— Завтра у насъ много будетъ дѣла. Сегодня же ночью мы можемъ только оказать послѣднюю услугу нашему другу.

Мы сошли съ крутого склона и подошли къ тѣлу, ясно выдѣлявшемуся на посеребренныхъ луною камняхъ. При видѣ скорченныхъ членовъ, я почувствовалъ, что мнѣ сдавило горло, и слезы

навернулись на глазахъ.

— Надо послать за помощью, Холмсъ. Мы не въ состоянiи донести его до голля. Боже мой, да вы съ ума сошли!

Холмсъ вскрикнулъ и наклонился къ тѣлу. Затѣмъ принялся плясать, хохотать и трясти мою руку. Неужели это мой серiозный, сдержанный другъ!

— Борода! борода! У человѣка борода!

— Борода?

— Это не баронетъ... Это... да это мой сосѣдъ, бѣглый каторжникъ.

Мы лихорадочно перевернули тѣло вверхъ лицомъ: окровавленная борода торчала вверхъ, освѣщенная холоднымъ, яснымъ мѣсяцемъ. Не могло быть никакого сомнѣнiя; тотъ же выдающiйся лобъ и впалые глаза. Это было то самое лицо, которое я видѣлъ при свѣчкѣ высматривавшимъ изъ-за скалы, — лицо преступника Сельдена.

Тутъ сразу все стало для меня яснымъ. Я вспомнилъ, какъ баронетъ говорилъ мнѣ, что онъ подарилъ свое старое платье Барримору. Барриморъ передалъ его Сельдену, чтобы помочь ему бѣжать. Сапоги, рубашка, шапка, — все было отъ сэра Генри. Трагедiя оставалась на лицо, но по

крайней мѣрѣ этогъ человѣкъ заслужилъ смерть по законамъ своего отечества. Я разсказалъ обо всемъ этомъ Холмсу, и сердце мое трепетало отъ благодарности и радости.

— Значитъ, платье было причиною смерти бѣднаго малаго, — сказалъ онъ. Ясно, что собака была пущена по слѣду послѣ того, какъ ее ознакомили съ какою-нибудь принадлежностью туалета сэра Генри, — по всей вѣроятности съ сапогомъ, который былъ утащенъ въ отелѣ, и такимъ обравомъ человѣкъ этотъ былъ загнанъ. Однако же, тутъ есть одна очень странная вещь; какимъ образомъ Сельденъ узналъ въ темнотѣ, что собака пущена по его слѣдамъ?

— Онъ услыхалъ ее.

— Столь закаленный человѣкъ, какъ этогъ бѣглый, неспособенъ оттого только, что услыхалъ собаку на болотѣ, пасть въ такой пароксизмъ страха, чтобы дико кричать о помощи и тѣмъ рисковать быть снова пойманнымъ. Судя по его крикамъ, онъ, должно быть, очень долго бѣжалъ послѣ того, какъ узналъ, что собака напала на его слѣдъ. Какимъ образомъ онъ это узналъ?

— Для меня составляетъ большую тайну, — почему эта собака, предполагая, что всѣ наши догадки правильны…

— Я ничего не предполагаю.

— Ну; такъ почему эта собака была спущена сегодня ночью. Полагаю, что она не всегда свободно бѣгаетъ по болоту. Стаплътонъ не выпустилъ бы ее, если бы не имѣлъ причины думать, что сэръ Генри придетъ сюда.

— Моя загадка страшнѣе вашей, потому, что я думаю, что мы очень скоро получимъ отвѣтъ на вашъ вопросъ, между тѣмъ какъ мой можетъ на вѣки остаться тайною. А теперь вопросъ въ томъ, что намъ дѣлать съ тѣломъ этого несчастнаго? Нельзя же его оставить здѣсь на съѣденіе лисицамъ и воронамъ.

— Я бы посовѣтовалъ положить его въ одну изъ хижннъ, пока мы не дадимъ знать полиціи.

— Вѣрно, Не сомнѣваюсь, что у насъ хватитъ силъ дотащитъ его. Эге, Ватсонъ, это что такое? Да это онъ самъ. Какова дерзость! Ни слова, могущаго обнаружить ваши подозрѣнія, — ни слова, иначе всѣ мои планы рухнутъ.

По болоту приближался къ намъ человѣкъ, и я видѣлъ тусклый красный огонь сигары. Мѣсяцъ освѣщадъ его, и я могъ разсмотрѣть ловкую фигуру и легкую быструю походку натуралиста. Онъ пріостановился, когда увидѣлъ насъ, а затѣмъ продолжалъ приближаться къ намъ.

— Докторъ Ватсонъ, неужели это вы? Вы послѣдній человѣкъ, котораго бы я ожидалъ увидѣть на болотѣ въ этотъ часъ ночи. Но, Боже мой, это что такое? Съ кѣмъ-нибудь случилось несчастіе? Нѣтъ... Не говорите мнѣ, что это нашъ другъ, сэръ Генри!

Онъ пробѣжадъ мимо меня и нагнулся надъ мертвымъ тѣломъ. Я услыхалъ хрипъ въ его груди, и сигара выпала изъ его пальцевъ.

— Кто... кто это? — пробормоталъ онъ.

— Это Сельденъ, — человѣкъ, убѣжавшій изъ Принцтаунской тюрьмы.

Стапльтонъ посмотрѣлъ на насъ; лицо его было ужасное, но съ невѣроятнымъ усиліемъ онъ овладѣлъ своимъ удивленіемъ и разочарованіемъ. Онъ эорко взглянулъ на Холмса, затѣмъ на меня.

— Боже мой! Какъ это ужасно! Какъ онъ умеръ?

— Повидимому — онъ сломалъ себѣ шею, упавъ съ этихъ скалъ. Мой другъ и я бродили по болоту, когда услыхали крикъ.

— Я тоже слышалъ крикъ. Вотъ почему и вышелъ. Я безпокоился о сэрѣ Генри.

— Почему именно о сэрѣ Генри? — не могъ я не спросить.

— Потому что я приглашалъ его прійти къ

намъ. Когда онъ не пришелъ, меня это удивило, а затѣмъ я естественно встревожился за него, услыхавъ крики на болотѣ. Кстати, — онъ снова пристально посмотрѣлъ на Холмса, — вы ничего больше не слыхали?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Холмсъ, — а вы?

— И я ничего.

— Такъ почему же вы спросили?

— Ахъ, вамъ извѣстны исторіи, которыя разсказываютъ мужики о привидѣніи въ видѣ собаки и т. д. Говорятъ, что слышенъ по ночамъ ея вой на болотѣ. Вотъ мнѣ и хотѣлось знать, не слышали ли вы чего-нибудь въ этомъ родѣ сегодня ночью?

— Мы ничего подобнаго не слыхали, — сказалъ я.

— А что вы думаете о смерти этого несчастнаго?

— Я не сомнѣваюсь, что жизнь въ вѣчномъ страхѣ и въ такой обстановкѣ помутила его равсудокъ. Онъ въ припадкѣ сумасшествія бѣжалъ по болоту, случайно тутъ упалъ и переломилъ себѣ шею.

— Такое объясненіе, кажется, вполнѣ разумнымъ, — сказалъ Стапльтонъ и при этомъ вздохнулъ, какъ мнѣ показалось, съ облегченіемъ. Что вы объ этомъ думаете, мистеръ Шерлокъ

Холмсъ?

Мой другъ поклонился и сказалъ:

— Вы быстро узнаете людей.

— Мы ожидали васъ въ наши края съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ сюда докторъ Ватсонъ. Вы попали какъ разъ на трагедію.

— Да, дѣйствительно. Я не сомнѣваюсь, что объясненіе, данное моимъ другомъ, окажется вѣрнымъ. Я увезу завтра съ собою въ Лондонъ непріятное воспоминаніе.

— Какъ, вы завтра уѣзжаете?

— Да, таково мое намѣреніе.

— Надѣюсь, что вашъ пріѣздъ пролилъ нѣкоторый свѣтъ на происшествія, поставившія насъ втупикъ?

Холмсъ пожалъ плечами.

— Не всегда достигаешь успѣха, на который надѣешься Разслѣдователю нужны факты, а не легенды и слухи. Это неудачное для меня дѣло.

Мой другъ говорилъ самымъ искреннимъ и спокойнымъ тономъ. Стапльтонъ продолжалъ пристально смотрѣть на него. Затѣмъ онъ обратился ко мнѣ.

— Я бы предложилъ перенести ко мнѣ этого бѣднаго малаго, но это можетъ такъ напугать мою сестру, что я считаю себя не въ правѣ это

сдѣлать. Я думаю, что если мы накроемъ его лицо, то онъ благополучно пролежитъ здѣсь до утра.

Мы такъ и сдѣлали. Отклонивъ гостепріимныя предложенія Стальптона, Холмсъ и я двинулись въ Баскервиль-голль, предоставивъ натуралисту возвращаться домой въ одиночествѣ. Оглянувшись, мы видѣли его фигуру, медленно удалявшуюся по обширному болоту, а за нею — единственное темное пятно на освѣщенномъ луною склонѣ, указывавшее мѣсто, на которомъ лежалъ такъ ужасно погибшій человѣкъ.

— Наконецъ-то мы близки къ рукопашной схваткѣ, — сказалъ Холмсъ, пока мы шли по болоту. Что за нервы у этого человѣка! Какъ онъ овладѣлъ собою, когда увидѣлъ, что жертвою его палъ не тотъ, кого онъ намѣтилъ, а это должно было быть для него ошеломляющимъ ударомъ. Я говорилъ вамъ въ Лондонѣ, Ватсонъ, и повторяю теперь, что никогда не было у насъ врага, столь достойнаго нашего оружія.

— Мнѣ досадно, что онъ видѣлъ васъ.

— И мнѣ также сначала было досадно. Но этого нельзя было избѣгнуть.

— Какъ вы думаете, какое будетъ имѣть вліяніе на его планы то, что онъ знаетъ о вашемъ присутствіи здѣсь?

— Это можетъ заставить его быть болѣе осторожнымъ или же побудить его сразу къ принятію отчаянныхъ мѣръ. Подобно большинству смышленыхъ преступниковъ, онъ можетъ слишкомъ надѣяться на собственный умъ и воображать, что вполнѣ провелъ насъ.

— Почему бы намъ не арестовать его тотчасъ же?

— Милый Ватсонъ, вы родились человѣкомъ дѣйствія. Васъ вѣчно тянетъ совершить энергическій поступокъ. Но предположимъ, что мы арестуемъ его сегодня ночью, къ чему это подвинетъ насъ? Мы не можемъ представить никакихъ доказательствъ противъ него. Въ этомъ-то и заключается чертовская хитрость. Имѣй онъ соучастникомъ человѣка, мы могли бы добыть улики, теперь же, если бы намъ и удалось вытащить собаку на дневной свѣтъ, это все-таки не помогло бы затянуть петлю на шеѣ ея хозяина.

— Но вѣдь у насъ въ рукахъ уголовное дѣло.

— Ни малѣйшей тѣни его, — одни только подозрѣнія и предположенія. На судѣ насъ бы осмѣяли, если бы мы явились съ такою сказкою и такими доказательствами.

— А смерть сэра Чарльза?

— Онъ найденъ мертвымъ безъ малѣйшихъ

знаковъ насилія. Вы и я знаемъ, что онъ умеръ отъ ужаснаго страха, а также знаемъ, что напугало его; но какъ намъ заставить двѣнадцать глупыхъ присяжныхъ повѣрить этому? Гдѣ доказательства въ томъ, что тутъ дѣйствовала собака? Гдѣ знаки ея клыковъ? Конечно, мы знаемъ, что собака не кусаетъ мертвое тѣло и что сэръ Чарльзъ умеръ прежде, чѣмъ животное нагнало его. Но мы должны все это доказать, а между тѣмъ пока не въ состояніи это сдѣлать.

— Ну, а сегодняшняя ночь?

— Сегодня ночью мы не сдѣлали ни одного шага впередъ. Ошпъ-таки не было никакой прямой связи между собакою и смертью человѣка. Мы не видѣли собаки. Мы слышали ее, но не можемъ доказать, что она бѣжала по слѣдамъ этого человѣка. Тутъ полное отсутствіе мотивировки. Нѣтъ, милый другъ, намъ приходится примириться съ фактомъ, что въ настоящую минуту у насъ нѣтъ въ рукахъ никакого уголовнаго дѣла, но намъ стоитъ идти на какой угодно рискъ, лишь бы установить таковое.

— А какъ вы предполагаете этого достигнуть?

— Я возлагаю большія надежды на то, что можетъ сдѣлать для насъ миссисъ Лаура Ляйонсъ, когда она будетъ ознакомлена съ положеніемъ

дѣлъ. У меня также есть и свой планъ. Однако, каждому дню своя забота, но не пройдетъ сутокъ, какъ я, надѣюсь, возьму верхъ.

Ничего больше не могъ я добиться отъ Холмса, и онъ, углубившись въ думы, дошелъ вмѣстѣ со мною до воротъ Баскервиль-голля.

— Войдете вы со мною?

— Да. Я не вижу причинъ скрываться дольше. Но еще одно слово, Ватсонъ. Не говорите ничего сэру Генри о собакѣ. Пусть онъ вѣритъ, что смерть Сельдена произошла такъ, какъ Стапльтонъ хочетъ, чтобы мы думали. Нервы его будутъ крѣпче для испытанія, которое ему придется перенести завтра, если я вѣрно помню ваше донесеніе, и онъ отправится обѣдать къ этимъ господамъ.

— Я тоже приглашенъ.

— Вы должны извиниться, и онъ долженъ идти одинъ. Это легко устроить. Ну, а теперь, если мы опоздали къ обѣду, то думаю, что заслужили ужинъ.

XIII
Сѣти стягиваются

При видѣ Шерлока Холмса, сэръ Генри былъ больше обрадованъ, чѣмъ удивленъ, такъ какъ уже нѣсколько дней онъ ожидалъ, что послѣднія событія вызовутъ Холмса изъ Лондона. Однако же, онъ съ недоумѣшемъ поднялъ брови, когда убѣдился, что у моего друга нѣтъ съ собою никакого багажа и что такому обстоятельству онъ не даетъ никакого объясненія. Я снабдилъ Холмса всѣмъ необходимымъ, и за позднимъ ужиномъ мы разсказали баронету о нашихъ приключеніяхъ, насколько было желательно, чтобы онъ ихъ зналъ. Но прежде всего мнѣ выпала непріятная обязанность передать Барримору и его женѣ извѣстіе о смерти Сельдена. Ему оно должно было принести несомнѣнное облегченіе, но она горько плакала, закрывъ лицо передникомъ. Для всего міра Сельденъ былъ жестокимъ человѣкомъ, — полу-звѣремъ, полу-демономъ, но для нея онъ всегда оставался маленькимъ своевольнымъ мальчикомъ; какимъ она его помнила въ своей собственной юности, цѣпляющимся за ея руку.

Поистинѣ злой долженъ быть тотъ человѣкъ, чью смерть ни одна женщина не будетъ оплакивать.

— Я сегодня съ утра, съ тѣхъ поръ какъ ушелъ Ватсонъ, пропадалъ съ тоски въ этомъ домѣ, — сказалъ баронетъ. Надѣюсь, что это будетъ поставлено мнѣ въ заслугу, потому что я сдержалъ свое *обѣщаніе.* Если бы я поклялся не выходить одинъ, то могъ бы провести вечеръ болѣе оживленно, такъ какъ Стапльтонъ прислалъ мнѣ записку съ приглашеніемъ придти къ нему.

— Не сомнѣваюсь, что вы провели бы вечеръ болѣе оживленно, — выразительно нроизнесъ Холмсъ. Кстати полагаю, что вы не оцѣните, какъ мы васъ оплакивали, думая, что вы сломали себѣ шею.

Сэръ Генри широко открылъ глаза.

— Какимъ образомъ?

— Тогъ несчастный былъ одѣтъ въ ваше платье. Я опасаюсь, какъ бы вашъ слуга, подарившій ему это платье, не навлекъ на себя непріятности со стороны полиціи.

— Врядъ ли. Насколько мнѣ помнится, ни на одной части этой одежды не было никакой мѣтки.

— Это счастіе для него и въ сущности счастіе для васъ всѣхъ, такъ какъ вы всѣ въ этомъ дѣлѣ ноступили противозаконно. Я даже сомнѣва-

юсь, — не обязанъ ли я, какъ добросовѣстный сыщикъ, прежде всего арестовать всѣхъ живущихъ въ этомъ домѣ. Донесенія Ватсона — крайне уличающіе документы.

— Но разскажите о нашемъ дѣлѣ, — попросилъ баронетъ. Разобрались ли вы сколько-нибудь въ этой путаницѣ? Что касается до Ватсона и меня, то мнѣ кажется, что мы ничего не разузнали съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхали.

— Я думаю, что скоро буду въ состояніи выяснить вамъ положеніе. Дѣло это было чрезвычайно трудное и крайне сложное. Остается еще нѣсколько пунктовъ, на которые требуется пролить свѣтъ, но мы этого уже достигаемъ.

— Вѣроятно, Ватсонъ сообщилъ вамъ, что мы слыхали собаку на болотѣ, и я могу побожиться, что тутъ дѣло не въ одномъ пустомъ суевѣріи. Я имѣлъ дѣло съ собаками, въ свою бытность въ Америкѣ, и когда слышу лай, то уэнаю, что это лай собаки. Если вамъ удастся надѣть намордникъ на этого пса и посадить его на цѣпь, то я скажу, что вы величайшій сыщикъ съ сотворенія міра.

— Полагаю, что я надѣну на него намордникъ и посажу его на цѣпь, если вы не откажете мнѣ въ своей помощи.

— Я сдѣлаю все, что бы вы ни приказали мнѣ.

— Прекрасно. Я васъ таюке попрошу дѣлать это слѣпо, не всегда допрашивая о причинахъ.

— Какъ вамъ будетъ угодно.

— Если вы будете такъ поступать, то я полагаю, что всѣ шансы за то, чтобы наша маленькая задача скоро раэрѣшилась. Я не сомнѣваюсь...

Онъ вдругъ замолчалъ и сталъ пристально смотрѣть поверхъ моей головы. Свѣтъ лампы прямо падалъ на его лицо, и оно было такъ напряжено и неподвижно, что его можно было принять за классическое изваяніе — олицетвореніе энергіи и ожиданія.

— Въ чемъ дѣло? — воскликнули мы оба.

Я видѣлъ, когда Холмсъ опустилъ глава, что онъ хотѣлъ подавить въ себѣ ввволновавшее его чувство. Лицо его было серіозно, но глаза сверкали радостнымъ тосжествомъ.

— Простите увлеченіе знатока, — сказалъ онъ, указывая рукою на линію портретовъ, покрывавшихъ противоположную стѣну. Ватсонъ не хочетъ допустить, чтобы я понималъ толкъ въ искусствѣ, но это просто зависть съ его стороны, вслѣдствіе несходства нашихъ взглядовъ на этотъ предметъ. Ну, а эта коллекція портретовъ по истинѣ великолѣпная.

— Я очень радъ, что вы это находите, — сказалъ

сэръ Генри, смотря съ нѣкоторымъ удивленіемъ на моего друга. Я не имѣю претензіи на должное пониманіе искусства и былъ бы лучшимъ судьею относительно лошади или бычка, чѣмъ относительно картины. Я не зналъ, что вы находите и на это время.

— Если я вижу что-нибудь хорошее, то и оцѣниваю его, а теперь вижу нѣчто хорошее. Держу пари, что та дама въ голубомъ шелковомъ платьѣ — работы Кнеллера, а толстый господинъ въ парикѣ — Рейнольдса. Это все, вѣроятно, фамильные портреты?

— Да, всѣ безъ исключенія.

— И вы знаете ихъ имена?

— Барриморъ наставлялъ меня въ нихъ, и я думаю, что хорошо выучилъ свой урокъ.

— Кто этотъ господинъ съ подзорною трубою?

— Это контръ-адмиралъ Баскервиль, служившій при Роднэѣ въ Вестъ-Индіи. Человѣкъ въ синемъ камзолѣ и со сверткомъ бумагъ — сэръ Вильямъ Баскервиль, бывшій предсѣдателемъ комитетовъ въ палатѣ общинъ при Питтѣ.

— А этотъ всадникъ противъ меня, — въ черномъ бархатномъ камзолѣ съ кружевами?

— О, съ этимъ вы имѣете право познакомиться. Это виновникъ всего несчастія, злой Гюго, по-

родившій собаку Баскервилей. Врядъ ли мы всѣ забудемъ его.

Я смотрѣлъ на портретъ съ интересомъ и нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Боже мой! — воскликнулъ Холмсъ, — онъ кажется спокойнымъ и довольно мягкимъ человѣкомъ, но я увѣренъ, что изъ глазъ его проглядывалъ дьяволъ. Я представлялъ его себѣ человѣкомъ болѣе дюжимъ и съ болѣе разбойническою наружностью.

— Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ подлинности портрета, потому что имя и годъ 1647 начертаны на обратной сторонѣ полотна.

Послѣ этого Холмсъ очень мало говорилъ, но портретъ стараго злодѣя точно приковалъ его къ себѣ, и въ продолженіе всего ужина онъ не отрывалъ отъ него глазъ. Только позднѣе, когда сэръ Генри удалился въ свою спальню, я могъ прослѣдить за направленіемъ мыслей своего друга. Онъ вернулся со мною въ столовую со свѣчею въ рукѣ и сталъ держать ее у самаго портрета, поблекшаго отъ времени.

— Видите вы тутъ что-нибудь?

Я посмотрѣлъ на широкую шляпу съ перомъ, на вьющіеся локоны, на обрамленное ими узкое строгое лицо. Наружность была вовсе не грубая,

но натянутая, жесткая и суровая, съ рѣзко очерченнымъ тонкими губами, ртомъ и холодными, непреклонными глазами.

— Похожъ онъ на кого-нибудь изъ вашихъ знакомыхъ?

— Что-то около подбородка напоминаетъ сэра Генри.

— Да, пожалуй, тутъ есть маленькій намекъ. Но постойте!

Онъ всталъ на стулъ и, держа свѣчу въ лѣвой рукѣ, закруглилъ правую такъ, чтобы закрыть ею широкую шляпу и длинные локоны.

— Царь небесный! — воскликнулъ я пораженный.

Изъ рамки выглянуло на меня лицо Стапльтона.

— Ага! Видите теперь. Глаза мои пріучены разсматривать лица, а не ихъ украшенія. Первое качество разслѣдователя преступленій это умѣніе узнать человѣка сквозь его маскарадный костюмъ.

— Но это поразительно. Этотъ портретъ точно списанъ съ него.

— Да, это интересный образчикъ атавизма, и тутъ онъ является какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Человѣкъ, изучающій

фамильные портреты, можетъ стать приверженцемъ доктрины переселенія душъ. Нашъ молодецъ Баскервиль, это очевидно.

— Съ видами на наслѣдство.

— Именно. Этотъ портретъ далъ намъ одно изъ самыхъ важныхъ недостающихъ звеньевъ. Мы держимъ его въ рукахъ, Ватсонъ, мы держимъ его, и клянусь, что еще до завтрашняго вечера онъ будетъ такъ же безпомощно биться въ нашихъ сѣтяхъ, какъ его бабочки. Булавка, пробка и карточка и вотъ новый экземпляръ для нашей Бекеръ-стритской коллекціи.

Сказавъ это и отходя отъ портрета, Холмсъ разразился хохотомъ. Не часто случалось мнѣ слышать его смѣхъ, и всегда онъ предвѣщалъ недоброе кому-нибудь.

На другое утро я рано всталъ, но Холмсъ поднялся еще раньше и, одѣваясь, я видѣлъ, какъ онъ шелъ по аллеѣ къ дому.

— Да, сегодня намъ нуженъ весь день, — сказалъ онъ, потирая руки съ радостнымъ предвкушеніемъ дѣятельности. Сѣти разставлены, и скоро начнется ихъ стягиваніе. Не пройдетъ этотъ день, какъ мы узнаемъ — попалась ли въ нихъ наша большая остромордая щука или же проскользнула между петлями.

— Вы уже были на болотѣ?

— Я изъ Гримпена послалъ въ Принцтаунъ донесеніе о смерти Сельдена. Кажется, могу обѣщать, что никого изъ васъ не потревожатъ изъ-за этого дѣла. Я также свидѣлся съ моимъ вѣрнымъ Картрайтомъ, который, безъ сомнѣнія, истосковался бы у двери моей хижины, какъ собака на могилѣ своего хозяина, если бы я не успокоилъ его относительно своей безопасности.

— А теперь съ чего мы начнемъ?

— Прежде всего надо повидать сэра Генри. А вотъ и онъ.

— Здравствуйте, Холмсъ, — сказалъ баронетъ. Вы имѣете видъ генерала, составляющаго со своимъ начальникомъ штаба планъ сраженія.

— Совершенно правильное сравненіе. Ватсонъ спрашивалъ моихъ приказаній.

— И я явился за тѣмъ же.

— Прекрасно. Вы, насколько мнѣ извѣстно, приглашены сегодня вечеромъ на обѣдъ къ вашимъ друзьямъ Стапльтонамъ?

— Надѣюсь, что и вы поѣдете съ нами. Они очень гостепріимны, и я увѣренъ, что будутъ очень рады васъ видѣть.

— Намъ съ Ватсономъ придется, пожалуй, ѣхать въ Лондонъ.

— Въ Лондонъ?

— Да, при настоящихъ обстоятельствахъ, я думаю, мы будемъ тамъ полезнѣе.

Лицо баронета выразило замѣтное неудовольствіе.

— Я надѣялся, что вы не покинете меня въ этомъ дѣлѣ. Голль и болото — не веселыя мѣста для человѣка одинокаго.

— Милый другъ, вы должны слѣпо довѣриться мнѣ и исполнять въ точности то, что я говорю. Вы можете передать вашимъ друзьямъ, что мы были бы счастливы пріѣхать къ нимъ вмѣстѣ съ вами, но что неотложное дѣло вызвало насъ въ городъ. Мы надѣемся скоро вернуться въ Девонширъ. Вы не забудете передать имъ все это?

— Если вы настаиваете.

— Увѣряю васъ, что выбора нѣтъ.

Я видѣлъ по лицу баронета, что онъ былъ глубоко обиженъ и, повидимому, считалъ нашъ поступокъ дезертирствомъ.

— Когда желаете вы ѣхать? — спросилъ онъ холодно.

— Тотчасъ послѣ завтрака. Мы доѣдемъ на лошадяхъ до Кумбъ-Трасея, но Ватсонъ оставитъ у васъ свои вещи въ залогъ того, что онъ вернется. А вы, Ватсонъ, пошлите Стаплътону записку и

выразите сожалѣніе, что не можете пріѣхать къ нимъ лично.

— Мнѣ сильно хочется поѣхать въ Лондонъ вмѣстѣ съ вами, — сказалъ баронетъ. Для чего я тутъ останусь одинъ?

— Потому что это вашъ долгъ. Потому что вы дали мнѣ слово, что будете поступать такъ, какъ я скажу, а я вамъ говорю, чтобы вы оставались.

— Еще одно. Я хочу, чтобы вы поѣхали на лошадяхъ въ Меррипитъ-гаузъ. Но отошлите обратно экипажъ и скажите Стапльтонамъ, что вы намѣрены вернуться домой пѣшкомъ.

— Я долженъ идти пѣшкомъ черезъ болото?

— Да.

— Но вѣдь это какъ разъ то, противъ чего вы меня такъ часто предостерегали.

— На этотъ разъ вы безопасно можете идти, и это необходимо. Если бы я не питалъ полнѣйшаго довѣрія къ вашей силѣ воли и храбрости, то не далъ бы вамъ такого совѣта.

— Въ такомъ случаѣ я пойду пѣшкомъ.

— И если вы дорожите своею жизнью, то идите непремѣнно не по какому иному направленію, какъ по прямой тропинкѣ, ведущей изъ Меррипитъ-гауза на Гримпенскую дорогу, по тропинкѣ, которая и есть вашъ естественный путь къ дому.

— Я въ точности исполню все, какъ вы приказываете.

— Прекрасно. Мнѣ хотѣлось бы уѣхать какъ можно скорѣе послѣ завтрака, чтобы добраться до Лондона раньше вечера.

Эта программа дѣйствій очень удивила меня, хотя я помнилъ, что Холмсъ наканунѣ вечеромъ говорилъ Стаплътону, что онъ на слѣдующій день уѣдетъ. Однако же, мнѣ не приходило въ голову, чтобы онъ пожелалъ взять меня съ собою, а также я не могъ понять, какъ это мы оба можемъ быть въ отсутствіи въ такой моментъ, который онъ самъ же назвалъ критическимъ. Но ничего больше не оставалось дѣлать, какъ слѣпо повиноваться. Итакъ мы простились съ нашимъ опечаленнымъ другомъ и часа черезъ два были на станціи Кумбъ-Трасей, откуда отослали экипажъ обратно домой. На платформѣ ожидалъ насъ мальчикъ.

— Какія будутъ ваши приказанія, сэръ?

— Съ ближайшимъ поѣздомъ, Карірайтъ, ты отиравишься въ городъ. Какъ только пріѣдешь, тотчасъ же пошлешь сэру Генри Баскервилю телеграму отъ моего имени, въ которой ты напишешь, что если онъ найдетъ выроненную мною записную квижку, то я прошу послать ее заказ-

ною посылкою въ Бекеръ-стритъ.

— Слушаю-съ, сэръ.

— А теперь спроси въ станціонномъ телеграфѣ, нѣтъ ли для меня телеграммы.

Мальчикъ вернулся съ телеграммой, которую Холмсъ передалъ мнѣ. Она гласила: "Получилъ телеграмму. Везу полномочіе. Прибуду пять сорокъ. Лестрэдъ".

— Это отвѣтъ на мою утреннюю телеграмму. Я считаю Лестрэда самымъ искуснымъ въ нашей профессіи, и его помощь можетъ понадобиться намъ. Теперь, Ватсонъ, я думаю, что мы полезнѣе всего проведемъ наше время, если отправимся къ вашей знакомой Лаурѣ Ляйонсъ.

Планъ кампаніи, составленный Холмсомъ, началъ выясняться для меня. Онъ воспользовался баронетомъ, чтобы убѣдить Стаплътоновъ въ томъ, что мы дѣйствительно уѣхали, а между тѣмъ мы вернемся къ тому моменту, когда наше присутствіе окажется необходимымъ. Телеграмма Картрайта, если сэръ Генри упомянетъ о ней Стаплътонамъ, разсѣетъ послѣднія, могущія у нихъ быть подозрѣнія. Мнѣ казалось, что я уже вижу, какъ наши сѣти затягиваютъ эту остромордую щуку.

Миссисъ Лаура Ляйонсъ была въ своей конторѣ,

и Шерлокъ Холмсъ началъ съ нею бесѣду такъ откровенно и такъ прямо, что она была поражена.

— Мнѣ поручено разслѣдованіе обстоятельствъ, сопровождавшихъ смерть сэра Чарльза Баскервиля, — сказалъ онъ. Мой другъ, докторъ Ватсонъ, ознакомилъ меня съ тѣмъ, что вы ему сообщили, а также и съ тѣмъ, что вы скрыли относительно этого дѣла.

— Что я скрыла? — спросила она съ недовѣріемъ.

— Вы признались, что просили сэра Чарльза быть у калитки въ десять часовъ. Мы знаемъ, что онъ умеръ какъ разъ на этомъ мѣстѣ и въ этотъ часъ. Вы скрыли, какая существуетъ связь между этими двумя фактами.

— Тутъ нѣтъ никакой связи.

— Въ такомъ случаѣ совпаденіе поистинѣ необычайное. Но мнѣ думается, что намъ-таки удастся возстановить связь. Я желаю быть вполнѣ искреннимъ съ вами, миссисъ Ляйонсъ. Мы считаемъ этотъ случай убійствомъ, и очевидность его можетъ запутать не только вашего друга — мистера Стапльтона, но и его жену.

Лаура вскочила съ овоего стула.

— Его жену! — воскликнула она.

— Фактъ этотъ нн состаніяетъ уже больше

тайны. Особа, слывшая за его сестру, въ дѣйствительности его жена.

Миссисъ Ляйонсъ сѣла опять. Пальцы ея сжимали ручки кресла съ такимъ напряженіемъ, что я видѣлъ, какъ розовые ногти стали бѣлыми.

— Его жена! — повторила она. Его жена! Онъ былъ неженатъ.

Шерлокъ Холмсъ пожалъ плечами.

— Докажите это мнѣ! Докажите это мнѣ! И если вы только въ состояніи это сдѣлать...

Свирѣпый блескъ ея глазъ говорилъ больше, чѣмъ могли выразить слова.

— Я пришелъ къ вамъ съ готовыми доказательствами, — сказалъ Холмсъ, вынимая изъ кармана нѣсколько бумагъ. Вотъ фотографія съ супружеской четы, снятая четыре года тому назадъ въ Іоркѣ. На ней написано, что это мистеръ и миссисъ Ванделеръ, но вамъ не трудно будетъ его узнать, а также и ее, если только вамъ приходилось ее видѣть. Вотъ три описанія, сдѣланныя достойными довѣрія свидѣтелями, мистера и миссисъ Ванделеръ, которые въ то время содержали частную школу. Прочтите ихъ, и вы убѣдитесь, что не можетъ быть сомнѣнія въ подлинности этихъ личностей.

Она посмотрѣла на документы, затѣмъ на насъ

съ неподвижнымъ, остывшимъ лицомъ женщины въ отчаяніи.

— Мистеръ Холмсъ, — сказалаона, — этотъ человѣкъ обѣщалъ жениться на мнѣ, если я получу разводъ съ мужемъ. Негодяй всячески лгалъ мнѣ. Онъ не сказалъ мнѣ ни одного слова правды. И почему — почему? Я воображала, что все дѣлается ради меня. А теперь вижу, что я никогда не была для него ничѣмъ инымъ, какъ орудіемъ въ его рукахъ. Ради чего мнѣ сохранять ему вѣрность, когда онъ всегда былъ вѣроломенъ со мною? Чего ради мнѣ стараться ограждать его отъ послѣдствій его собственныхъ злыхъ дѣяній? Спрашивайте у меня все, что вамъ угодно, и я ничего не скрою. Въ одномъ клянусь вамъ, что когда я писала письмо, то и во снѣ не желала причинить вредъ человѣку, который былъ моимъ лучшимъ другомъ.

— Я вполнѣ вѣрю вамъ, сударыня, — сказалъ Шерлокъ Холмгъ. Разсказывать эти событія должно быть очень тяжело для васъ, и, можетъ быть, вамъ будетъ легче, если я буду разсказывать то, что случилось, а вы остановите меня, если я сдѣлаю какую нибудь существенную ошибку. Отсылка ващего письма была сдѣлана по совѣту Стаплътона?

— Онъ продиктовалъ мнѣ это письмо.

— Полагаю, что выставленныя имъ причины заключались въ томъ, что сэръ Чарльзъ можетъ придти вамъ на помощь при издержкахъ, неизбѣжно связанныхъ съ дѣломъ о разводѣ?

— Совершенно вѣрно.

— А затѣмъ, когда вы отправили письмо, онъ отговорилъ васъ идти на свиданіе?

— Онъ сказалъ мнѣ, что его самоуваженію будетъ нанесенъ ударъ, если другой человѣкъ дастъ деньги на это дѣло и что, хотя онъ самъ бѣдный человѣкъ, но отдастъ свой послѣдній грошъ ради уничтоженія препятствій, разлучающихъ насъ.

— Онъ, повидимому, очень послѣдователенъ. А затѣмъ вы ничего не знали, пока не прочитали въ газетѣ сообщеніе о смерти?

— Ничего.

— А онъ взялъ съ васъ клятву, что вы ничего не скажете о назначенномъ вами сэру Чарльзу свиданіи?

— Да. Онъ сказалъ, что кончина его произошла при очень таинственныхъ обстоятельствахъ и что меня, конечно, заподозрятъ, если факты станутъ извѣстными. Онъ напугалъ меня такъ, что я молчала.

— Совершенно вѣрно. Но у васъ были подо-

зрѣнія?

Она колебалась и опустила глаза.

— Я знала его, — сказала она. Но если бы онъ оставался мнѣ вѣренъ, то и я не выдала бы его.

— Полагаю, что въ сущности вы счастливо отдѣлались, — сказалъ Шерлокъ Холмсъ. Онъ былъ въ вашей власти и зналъ это, а между тѣмъ вы еще живы. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ вы находились на краю пропасти. А теперь, миссисъ Ляйонсъ, мы должны съ вами проститься, но вы очень скоро снова услышите о насъ.

— Наше дѣло округляется, и затрудненія одно за другимъ раздвигаются передъ нами, — сказалъ Холмсъ въ то время, какъ мы стояли въ ожиданіи экспресса изъ города. Люди, изучающіе уголовныя преступленія, вспомнятъ аналогичные случаи, но это дѣло имѣетъ нѣкоторыя ему одному присущія черты. Даже и теперь еще нѣтъ у насъ ясной улики противъ этого крайне коварнаго человѣка. Но я буду очень удивленъ, если до сегодняшней ночи мы не получимъ таковую.

Лондонскій экспрессъ вошелъ, пыхтя, на станцію, и изъ вагона перваго класса выскочилъ маленькій, сухой, похожій на бульдога, человѣчекъ. Мы пожали ему руку, и я сразу увидѣлъ, по почтительности, съ какою Лестрэдъ. смотрѣлъ

на моего товарища, что онъ многому научился съ тѣхъ поръ, какъ они впервые начали работать вмѣстѣ. Я хорошо помнилъ пренебреженіе, съ какимъ практическій человѣкъ относился къ теоріямъ логически мыслившаго человѣка.

— Хорошее дѣло? спросилъ онъ.

— Самое крупное, — отвѣтилъ Холмсъ. Мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи два часа, прежде чѣмъ намъ придется двинуться въ путь. Я думаю, что мы можемъ ими воспользоваться и пообѣдать, а затѣмъ, Лестрэдъ, мы прочистимъ ваше горло отъ лондонскаго тумана, давъ вамъ возможность подышать чистымъ ночнымъ воздухомъ Дартмура. Вы никогда не были тамъ? О, въ такомъ случаѣ полагаю, что вы никогда не забудете своей первой прогулки въ этой мѣстности.

XIV
Собака Баскервилей

Одинъ изъ недостатковъ Шерлока Холмса, если только можно назвать это недостаткомъ, заключался въ томъ, что онъ чрезвычайно неохотно сообщалъ свои планы другому лицу до момента ихъ выполненія. Отчасти это происходило несомнѣнно отъ его собственнаго властнаго характера, склоннаго господствовать и удивлять тѣхъ, кто его окружалъ. Отчасти же причиною тому была профессіональная осторожность, заставлявшая его никогда ничѣмъ не рисковать. Но какъ бы то ни было, въ результатѣ эта черта оказывалась очень тяжелою для тѣхъ, кто дѣйствовалъ въ качествѣ его агентовъ и помощниковъ. Я часто страдалъ отъ нея, но никогда она такъ не угнетала меня, какъ во время нашей продолжительной ѣзды въ темнотѣ. Впереди намъ предстояло великое испытаніе, мы были близки, наконецъ, къ своему заключительному усилію, а между тѣмъ Холмсъ ничего не сказалъ, и я могъ только предполагать, какой будетъ ходъ его дѣйствій. У меня каждый нервъ дрожалъ отъ

ожиданія, когда, наконецъ, холодный вѣтеръ, задувшій намъ навстрѣчу, и темное пустынное пространство доказали мнѣ, что мы очутились на болотѣ. Каждый шагъ лошадей, каждый оборотъ колеса приближалъ насъ къ нашему конечному приключенію.

Нашему разговору препятствовало присутствіе. кучера наемнаго экипажа, и мы были принуждены говорить о пустякахъ, когда наши нервы были натянуты отъ волненія и ожиданія. Я почувствовалъ облегченіе отъ такой неестественной сдержанности, когда мы миновали домъ Франкланда, и я зналъ, что мы уже близко отъ голля и отъ арены дѣйствія. Мы не доѣхали до подъѣзда, а остановились у воротъ аллеи. Мы расплатились съ кучеромъ и велѣли ему тотчасъ же ѣхать обратно въ Тэмиль-Кумбъ, а сами пошли по направленію къ Меррипитъ-гаузу.

— Вооружены ли вы, Лестрэдъ?

Маленькій сыщикъ улыбнулся.

— Пока на мнѣ брюки, въ нихъ есть верхній карманъ, а пока въ нихъ есть верхній карманъ, то кое-что въ немъ находится.

— Хорошо. Мой другъ и я приготовлены ко всякимъ случайностямъ.

— Вы, видимо, близко знакомы съ этимъ дѣ-

ломъ, мистеръ Холмсъ? Въ чемъ теперь будетъ заключаться игра?

— Въ ожиданіи.

— Честное слово, я нахожу это мѣсто не очень веселымъ, — сказалъ сыщикъ, съ дрожью осматриваясь кругомъ на мрачные склоны холмовъ и громадное озеро тумана, спустившагося надъ Гримпенскою трясиною. Я вижу огоньки какого-то дома впереди насъ.

— Это Меррипитъ-гаузъ, — конечный пунктъ нашего пути. Попрошу васъ идти на цыпочкахъ и говорить шопотомъ.

Мы осторожно двигались по дорожкѣ по направленію къ дому, но въ двухъ стахъ, приблизительно, ярдахъ отъ него Холмсъ остановилъ насъ.

— Эти камни направо могутъ служить прекраснѣйшими ширмами, — сказалъ онъ.

— Мы должны ожидать здѣсь?

— Да, здѣсь мы устроимся въ засадѣ. Войдите въ эту дыру, Лестрэдъ. Вы бывали въ домѣ, Ватоонъ, не правда ли? Можете ли вы сообщить о расположеніи комнатъ? Что это за рѣшетчатыя окна съ этого угла.

— Это, кажется, окна кухни.

— А то, тамъ, что такъ ярко освѣщено?

— Это, конечно, столовая.

— Штора поднята. Вы лучше знакомы съ мѣстностью — подползите тихонько къ окнамъ и посмотрите, что они тамъ дѣлаютъ, но, ради самого неба, не выдайте имъ своего присутствія.

Я пошелъ на цыпочкахъ по тропинкѣ и остановился за низкою стѣною, окружавшею жидкій фруктовый садъ. Пробираясь подъ тѣнью этой стѣны, я дошелъ до мѣста, съ котораго могъ смотрѣть прямо въ незавѣшенное окно.

Въ комнатѣ находились только двое мужчинъ — сэръ Генри и Стапльтонъ. Они сидѣли другъ противъ друга за круглымъ столомъ и были обращены ко мнѣ въ профиль. Они оба курили сигары, и передъ ними стояли кофе и вино. Стапльтонъ говорилъ съ оживленіемъ, баронетъ же былъ блѣденъ и разсѣянъ. Можетъ быть, его угнетала мысль о предстоящемъ ему одинокомъ пути по зловѣщему болоту.

Пока я наблюдалъ за ними, Стапльтонъ всталъ и вышелъ изъ комнаты, а сэръ Генри наполнилъ стаканъ виномъ и, прислонившись къ спинкѣ стула, покуривалъ сигару. Я услыхалъ скрипъ двери и хрустящій звукъ шаговъ по гранію. Шаги направлялись вдоль тропинки по ту сторону стѣны, подъ которой я стоялъ, скорчившись;

заглянувъ поверхъ нея, я увидѣлъ, какъ натуралистъ остановился у двери какого-то сарая, стоявшаго въ углу плодоваго сада. Раздался звукъ повернутаго въ замкѣ ключа, и когда Стаплътонъ вошелъ въ сарай, то оттуда послышался какой-то странный шумъ борьбы. Онъ пробылъ въ сараѣ не болѣе минуты, послѣ чего снова раздался звукъ повернутаго ключа, Стаплътонъ прошелъ мимо меня и вошелъ въ домъ. Я увидѣлъ, какъ онъ вернулся къ своему гостю, и тогда потихоньку проползъ обратно къ своимъ товарищамъ и разсказалъ имъ, что видѣлъ.

— Вы говорите, Ватсонъ, что дамы не было съ ними? — спросилъ Холмсъ, когда я закончилъ свое донесеніе.

— Нѣтъ.

— Гдѣ она можетъ быть, разъ ни одна комната, кромѣ кухни, не освѣщена.

— Не могу себѣ представить.

Я сказалъ, что надъ Гримпенскою трясиною висѣлъ густой бѣлый туманъ. Онъ медленно подвигался къ намъ и производилъ впечатлѣніе стѣны — низкой, но плотной и ясно опредѣленной. Луна освѣщала его, и онъ имѣлъ ввдъ большого мерцающаго ледяного поля, надъ которымъ возвышались вершины дальнихъ пиковъ,

какъ бы лежавшія на его поверхности.

— Онъ двигается къ намъ, Ватсонъ.

— А это важно?

— Очень важно, — единственное, что можетъ разстроить мои планы. Но сэръ Генри не долженъ теперь замедлить. Уже десять часовъ. Нашъ успѣхъ и даже его жизнь могутъ зависѣть отъ того, выйдетъ ли онъ изъ дому раньше, чѣмъ туманъ дойдетъ до тропинки.

Надъ нами ночь была свѣтлая и прекрасная. Звѣзды ярко и холодно блестѣли, а полная луна освѣщала всю мѣстность мягкимъ, неопредѣленнымъ свѣтомъ. Передъ нами стоялъ темный остовъ дома, его зазубренная крыша и трубы, рѣзко очерченныя на небѣ, усѣянномъ звѣздами. Широкія полосы золотистаго свѣта изъ низкихъ оконъ простирались черезъ садъ на болото. Одно изъ нихъ вдругъ потухло. Слуги вышли изъ кухни. Оставалось только окно столовой, въ которой двое мужчинъ, — хозяинъ-убійца и ничего не подозрѣвавшій гость, — все продолжали болтать, покуривая свои сигары.

Съ каждою минутою бѣлая плоскость, покрывавшая половину болота, придвигалась все ближе и ближе къ дому. Уже первые тонкіе клочки ея завивались въ золотистомъ квадратѣ

освѣщеннаго окна. Дальняя часть стѣны сада уже стала невидимою, и деревья подымались изъ полосы бѣлаго пара. Пока мы наблюдали за этимъ, туманъ уже окружилъ, точно гирляндами, оба угла дома и медленно свертывался въ плотный валъ, надъ которымъ верхній этажъ дома и крыша плавали, какъ фантастическій корабль. Холмсъ со страстною горячностью ударилъ кулакомъ объ скалу и отъ нетерпѣнія топнулъ ногою.

— Если онъ не выйдетъ черезъ четверть часа, тропинка будетъ скрыта туманомъ. Черезъ полчаса мы не въ состояніи будемъ видѣть свои руки.

— Не лучше ли намъ передвинуться назадъ, на болѣе высокую почву?

— Да, я думаю это будетъ хорошо.

Итакъ по мѣрѣ того, какъ туманный валъ двигался впередъ, мы отступали отъ него назадъ, пока не очутились въ полумилѣ отъ дома; между тѣмъ густое бѣлое море, съ посеребренною луною поверхностью, медленно и безпощадно наступало на насъ.

— Мы идемъ слишкомъ далеко, — сказалъ Холмсъ. Намъ нельзя рисковать, чтобы сэра Генри догнали прежде, чѣмъ онъ успѣетъ дойти до насъ. Мы во что бы то ни стало должны удержатъ

свою позицію на этомъ мѣстѣ.

Холмсъ опустился на колѣни и приложилъ ухо къ землѣ.

— Слава Богу, онъ, кажется, идетъ.

Тишину болота нарушили быстрые шаги. Схоронившись между камнями, мы пристально всматривались въ туманную полосу впереди насъ. Звукъ шаговъ становился слышнѣе, и изъ тумана, какъ сквозь занавѣсъ вышелъ человѣкъ, котораго мы ожидали. Онъ съ удивленіемъ оглянулся, когда вышелъ въ свѣтлое пространство и увидѣлъ звѣздную ночь. Затѣмъ онъ быстро пошелъ по тропинкѣ, прошелъ близко мимо нашей засады и сталъ подниматься по длинному склону позади насъ. Онъ безпрестанно поворачивалъ голову и оглядывался, какъ человѣкъ, которому не по себѣ.

— Тс! — воскликнулъ Холмсъ, и я услыхалъ, какъ щелкнулъ взведенный курокъ. Смотрите! Она бѣжитъ сюда.

Изъ средины этого медленно подползавшаго туманнаго вала раздавались рѣдкіе, безпрерывные хрустяшіе удары. Туманъ разстилался въ пятидесяти ярдахъ отъ насъ, и мы всѣ трое всматривались въ него, не зная, какой ужасъ вынырнетъ оттуда. Я находился у самаго локтя

Холмса и взглянулъ на его лицо. Оно было блѣдное и торжествующее, а глаза ярко блестѣли при лунномъ освѣщеніи. Но вдругъ они уставились впередъ неподвижнымъ, суровымъ взглядомъ, и ротъ его раскрылся отъ удивленія. Въ тотъ же моментъ Лестрэдъ испустилъ вопль ужаса и броглся ничкомъ на землю. Я вскочилъ на ноги, сжимая отяжелѣвшею рукою револьверъ и парализованный ужаснѣйшею фигурою, выпрыгнувшей на насъ изъ тумана. То была собака, громадная, черная, какъ уголь, собака, но такая, какую ни одинъ смертный глазъ никогда не видывалъ. Пасть ея извергала пламя, глаза горѣли, какъ раскаленные угли, морда, загривокъ и грудь были обведены мерцающимъ пламенемъ. Никогда свнхнувшійся умъ въ самомъ безпорядочномъ бредѣ не могъ бы представить себѣ ничего болѣе дикаго, болѣе ужаснаго, болѣе адскаго, чѣмъ эта темная фигура со звѣриною мордой, выскочившая на насъ изъ стѣны тумана.

Длинными прыжками неслась громадная черная тварь по тропинкѣ, слѣдуя по пятамъ за нашимъ другомъ. Мы такъ были парализованы этимъ внезапнымъ появленіемъ, что не успѣли опомниться, какъ она проскакала мимо насъ. Тогда Холмсъ и я разомъ выстрѣлили, и ужас-

ный ревъ доказалъ намъ, что одинъ изъ насъ по крайней мѣрѣ попалъ въ цѣль. Однако же, она продолжала нестись впередъ. Мы видѣли, какъ далеко отъ насъ на тропинкѣ сэръ Генри оглянулся: лицо его, освѣщенное луною, было блѣдно, руки въ ужасѣ подняты, и онъ безпомощно смотрѣлъ на страшное существо, преслѣдовавшее его.

Но крикъ боли, изданный собакою, разсѣялъ всѣ наши опасенія. Если она была уязвима, то, значитъ, она была смертна, и если мы могли ее ранить, то могли и убить. Никогда я не видывалъ, чтобы человѣкъ могъ такъ бѣжать, какъ Холмсъ бѣжалъ въ эту ночь. Я считаюсь легкимъ на бѣгу, но онъ опередилъ меня настолько же, насколько я опередилъ маленькаго сыщика. Пока мы бѣжали по тропинкѣ, мы слышали повторенные крики сэра Генри и низкій вой собаки. Я видѣлъ, какъ животное вскочило на свою жертву, повалило его на землю и бросилось къ его горлу; но въ этотъ самый моментъ Холмсъ выпустилъ пять зарядовъ своего револьвера въ бокъ свирѣпой твари. Издавъ послѣдній предсмертный ревъ и злобно щелкая зубами на воздухъ, она повалилась на спину, неистово дергая всѣми четырьмя лапами, а затѣмъ безсильно упала на бокъ. Задыхаясь, подбѣжалъ и я и приставилъ свой револьверъ

къ страшной свѣтящейся головѣ, но безполезно уже было спускать курокъ. Исполинская собака была мертва.

Сэръ Генри лежалъ безъ чувствъ. Мы разорвали его воротникъ, и Холмсъ прошепталъ благодарственную молитву, когда оказалось, что на шеѣ нѣтъ никакой раны и что мы поспѣли вовремя. Вѣки нашего друга уже начали подергиваться, и онъ сдѣлалъ слабую попытку шевельнуться. Лестрэдъ влилъ баронету въ ротъ немного водки изъ своей фляжки, и тогда на насъ уставилась пара испуганныхъ глазъ.

— Боже мой! — прошепталъ онъ. Что это такое было? Царь небесный! Что это такое было?

— Что бы оно ни было, оно теперь мертво, отвѣтилъ Холмсъ. Мы на вѣки уложили ваше родовое привидѣніе.

Тварь, распростертая передъ нами, одними своими размѣрами и силою была страшна. Это была не чистокровная ищейка и не чистокровный мастифъ, но казалась помѣсью этихъ двухъ породъ, худая, дикая и величиною съ маленькую львицу. Даже теперь, въ покоѣ смерти, изъ громадныхъ челюстей точно капало голубоватое пламя, и маленькіе, глубоко посаженные свирѣпые глаза были окружены огненнымъ сіяніемъ. Я опустилъ

руку на сверкавшую морду, и когда отнялъ ее, то мои пальцы тоже засвѣтились въ темнотѣ.

— Фосфоръ! — сказалъ я.

— Да, хитрый препаратъ фосфора, — подтвердилъ Холмсъ, нюхая мертвое животное. Онъ не имѣетъ никакого запаха, который могъ бы препятствовать чутью собаки. Мы очень виноваты передъ вами, сэръ Генри, тѣмъ, что подвергли васъ такому испугу. Я ожидалъ встрѣтить собаку, но не такую тварь, какъ эта. Къ тому же туманъ не далъ намъ времени принять ее.

— Вы спасли мнѣ жизнь.

— Подвергнувъ ее сначала опасности. Чувствуете ли вы себя достаточно сильнымъ, чтобы встать?

— Дайте мнѣ еще глотокъ водки, и я буду готовъ на все. Такъ! Теперь не поможете ли вы мнѣ встать? Что вы намѣрены дѣлать?

— Оставить васъ здѣсь. Вы не пригодны для дальнѣйшихъ приключеній въ эту ночь. Если вы подождете, то кто-нибудь изъ насъ вернется съ вами въ голль.

Сэръ Генри пробовалъ двинуться, но онъ все еще былъ страшно блѣденъ, и всѣ члены его дрожали. Мы подвели его къ скалѣ, около которой онъ сѣлъ, весь дрожа и закрывъ лицо руками.

— Теперь мы должны васъ покинуть, — рказалъ Холмсъ. Намъ слѣдуетъ довершить свое дѣло, и тутъ важна каждая минута. Мы установили фактъ преступленія, остается схватить преступника.

— Тысяча шансовъ противъ одного застать его теперь дома, — продолжалъ Холмсъ, когда мы быстро шли обратно по тропинкѣ. Выстрѣлы навѣрное дали понять ему, что игра его проиграна.

— Мы находились довольно далеко, и туманъ могъ заглушить звукъ выстрѣловъ.

— Можно быть увѣреннымъ, что онъ слѣдовалъ за собакою, чтобы отозвать ее. Нѣтъ, нѣтъ, онъ навѣрное исчезъ! Но мы все-таки обыщемъ домъ, чтобы вполнѣ удостовѣриться.

Парадная дверь была отперта; мы бросились въ домъ и перебѣгали изъ комнаты въ комнату, къ удивленію встрѣтившаго насъ въ коридорѣ шатавшагося отъ старости слуги. Нигдѣ не было освѣщенія, кромѣ столовой, но Холмсъ снялъ лампу и не оставилъ ни одного угла въ домѣ неизслѣдованнымъ. Нигдѣ не было признаковъ человѣка, котораго мы искали. Но въ верхнемъ этажѣ дверь одной изъ спаленъ была заперта на ключъ.

— Тутъ есть кто-то! — Воскликнулъ Лестрэдъ. Я

слышу движеніе. Откройте эту дверь.

Изнутри доходили до насъ слабые стоны и шуршанье. Холмсъ ударилъ ступней въ дверь какъ разъ надъ замкомъ, и она открылась настежь. Съ револьверами наготовѣ мы всѣ бросились въ комнату.

Но въ ней не было никакихъ признаковъ отчаяннаго и огьявленнаго негодяя, котораго мы ожидали увидѣть. Вмѣсто этого нашимъ взорамъ представилось нѣчто столь странное и столь неожиданное, что мы нѣсколькотсекундъ смотрѣли съ удивленіемъ.

Комната имѣла видъ маленькаго музея, и по стѣнамъ были разставлены цѣлые ряды ящиковъ съ стеклянными крышками, наполненныхъ коллекціею бабочекъ и молей, собираніе которой составляло развлеченіе этого сложнаго и опаснаго человѣка. На серединѣ комнаты стояло вертикально бревно, подведенное тутъ когда-то для поддержки поѣденныхъ червями балокъ, на которыхъ держалась крыша. Къ этому столбу была привязана фигура, настолько тѣсно обернутая и закутанная съ головою простынями, что на первый взглядъ нельзя было разобрать, мужчина это или женщина. Одно полотенце обхватывало голову и было прикрѣплено къ столбу. Другое

покрывало нижнюю часть лица, и надъ нимъ два черныхъ глаза, полныхъ выраженія горя, стыда и ужаснаго вопроса, пристально смотрѣли на насъ. Въ одно мгновеніе разорвали мы всѣ узы, и миссисъ Стаплътонъ свалилась на полъ. Когда ея красивая голова упала ей на грудь, я увидѣлъ вокругъ ея шеи отчетливый красный знакъ отъ удара плетью.

— Животное! — воскликнулъ Холмсъ. Лестрэдъ, давайте сюда свою фляжку! Посадите ее на стулъ! Она упала въ обморокъ отъ жестокаго обращенія и слабости.

Она снова открыла глаза.

— Спасенъ ли онъ? — спросила она. Убѣжалъ ли онъ?

— Онъ не можетъ убѣжать отъ насъ, сударыня.

— Нѣтъ, нѣтъ, я говорю не о мужѣ. Сэръ Генри? Спасенъ ли онъ?

— Спасенъ. А собака?

— Убита.

Она издала глубокій вздохъ облегченія.

— Слава Богу! Слава Богу! О негодяй! Посмотрите, что онъ сдѣлалъ со мною, — воскликнула она, засучивая рукава, и мы съ ужасомъ увидѣли, что руки ея были всѣ въ синякахъ. Но это ничего! ничего! Онъ истерзалъ и осквернилъ мою душу!

Я все могла выносить: дурное обращеніе, одиночество, жизнь, полную разочарованій, все, пока могла питать надежду, что онъ меня любитъ, но теперь я знаю, что была только его орудіемъ и что онъ обманывалъ меня.

— Видимо, вы не относитесь къ нему доброжелательно, — сказалъ Холмсъ. Такъ откройте намъ, гдѣ его найти. Если вы когда-нибудь помогали ему дѣлать зло, такъ теперь, ради искупленія, помогите намъ.

— Есть одно только мѣсто, куда онъ могъ убѣжать, — отвѣтила она. Въ самомъ центрѣ тряенны существуетъ на островкѣ старый заброшенный оловянный рудникъ. Тамъ держалъ онъ свою собаку и тамъ же онъ приготовилъ себѣ убѣжище. Туда только и могъ онъ скрыться.

Стѣна тумана упиралась въ самое окно. Холмсъ поднесъ къ нему лампу.

— Посмотрите, — сказалъ онъ. Никто не могъ бы сегодня найти дорогу въ Гримпенскую трясину.

Она разсмѣялась и захлопала въ ладоши. Глаза и зубы ея разгорѣлись свирѣпою радостью.

— Онъ могъ найти дорогу туда, но оттуда никогда. Какъ можетъ онъ сегодня ночью увидѣть вѣхи? Мы вмѣстѣ съ нимъ разставляли ихъ, что-

бы намѣтить тропинку черезъ трясину. Ахъ, если бы я только могла сегодня вынуть ихъ. Тогда онъ былъ бы въ вашихъ рукахъ.

Для насъ было очевидно, что всякое преслѣдованіе будетъ тщетно, пока не разсѣется туманъ. Мы оставили Лестрэда охранять домъ, а сами отправились съ баронетомъ въ Баскервиль-голлъ. Нельзя было уже больше скрывать отъ него исторію Стапльтоновъ, но онъ мужественно вынесъ ударъ, когда узналъ истину о женщинѣ, которую любилъ. Однако же, приключенія этой ночи потрясли его нервы, и къ утру онъ лежалъ въ бреду, во власти жестокой горячки, и докторъ Мортимеръ сидѣлъ около него. Имъ суждено было сдѣлать вмѣстѣ путешествіе вокругъ свѣта прежде, чѣмъ сэръ Генри сталъ снова тѣмъ здоровымъ, бодрымъ человѣкомъ, какдмъ онъ былъ, пока не сдѣлался хозяиномъ злосчастнаго помѣстья.

А теперь я быстро заканчиваю этотъ оригинальный разсказъ, въ которомъ я старался, чтобы читатель дѣлилъ съ нами страхи и смутныя догадки, которыя такъ долго омрачали наши жизни и окончились такъ трагически. Къ утру туманъ разсѣялся, и миссисъ Стапльтонъ проводила насъ до того мѣста, съ котораго начиналась тропинка

черезъ трясину. Когда мы увидѣли, съ какою горячностью и радостью эта женщина направляла насъ по слѣдамъ своего мужа, мы поняли, какъ ужасна была ея жизнь. Мы оставили ее на узкомъ полуостровѣ твердаго торфа, который вдавался въ трясину. Отъ его оконечности маленькіе прутья, кое-гдѣ воткнутые, указывали, гдѣ тропинка, извиваясь, проходила отъ одной группы тростниковъ къ другой, между покрытыми зеленою плѣсенью пропастями трясины, непроходимой для незнающаго человѣка. Отъ гніющаго тростника и тины шелъ запахъ разложенія, и тяжелый, полный міазмовъ паръ ударялъ намъ въ лицо, между тѣмъ какъ отъ невѣрнаго шага мы не разъ погружались по колѣно въ черную дрожавшую трясину, которая мягкими волнами расходилась на ярды вокругъ нашихъ ногъ. Когда мы шли, она, какъ клещами, схватывала насъ за пятки; когда же мы погружались въ нее, то казалось, что вражеская рука силою тащитъ насъ въ эту зловѣщую глубину. Одинъ только разъ увидѣли мы, что кто-то прошелъ по этому опасному пути до насъ. Среди клочка болотной травы виднѣлся какой-то темный предметъ. Холмсъ, сойдя съ тропинки, чтобы схватить его, погрузился по талію и, если бы тутъ не было насъ, чтобы вытащить

его, онъ никогда уже больше не ступилъ бы на твердую землю. Онъ держалъ въ рукѣ старый черный сапогъ. Внутри его было напечатано на кожѣ "Мейерсъ, Торонто".

— Эта находка стоитъ грязевой ванны, — сказалъ Холмсъ. Это пропавшій сапогъ нашего друга сэра Генри.

— Который Стаплътонъ бросилъ здѣсь, спасаясь отъ насъ.

— Именно. Сапогъ остался у него въ рукахъ послѣ того, какъ онъ воспользовался имъ для того, чтобы пустить собаку по слѣдамъ сэра Генри. Онъ бѣжалъ, когда увидѣлъ, что игра его проиграна, и въ этомъ мѣстѣ швырнулъ сапогъ. Мы знаемъ, по крайней мѣрѣ, что до этого мѣста онъ благополучно добѣжалъ.

Но больше этого намъ никогда не суждено было узнать, хотя о многомъ мы могли догадываться. Не было никакой возможности увидѣть слѣды ногъ на трясинѣ, потому что подымающаяся тина моментально заливала ихъ; когда же мы достигли твердой земли и стали жадно розыскивать эти слѣды, то не нашли ни малѣйшаго признака ихъ. Если земля не обманывала, то Стаплътону такъ и не удалось достигнуть своего убѣжщиа на островкѣ, къ которому онъ стремился сквозь

туманъ въ эту послѣднюю ночь.

Этотъ холодный и жестокій человѣкъ похороненъ въ центрѣ Гримпенской трясины, въ глубинѣ зловоннаго ила громаднаго болота.

Много его слѣдовъ нашли мы на островкѣ, на которомъ онъ пряталъ своего дикаго союзника. Громадное двигательное колесо и шахта, на половину наполненная щебнемъ, указывали, что тутъ когда-то была копь. Около нея были разбросаны развалины хижинъ рудокоповъ, которыхъ, вѣроятно, выгнали отсюда зловонныя испаренія окружающаго болота. Въ одной изъ нихъ скоба и цѣпь, съ множествомъ обглоданныхъ костей, указывали мѣсто, гдѣ помѣщалась собака. На полу лежалъ скелетъ съ приставшимъ къ нему пучкомъ коричневой шерсти.

— Собака! — сказалъ Холмсъ. Боги мои, да это кудрявый спаньель! Бѣдный Мортимеръ никогда больше не увидитъ своего любимца. Ну, а теперь я думаю, это мѣсто не заключаетъ въ себѣ больше такихъ тайнъ, въ которыя мы бы уже не проникли. Стапльтонъ могъ спрятать свою собаку, но не могъ заглушить ея голоса, и вотъ откуда шли эти крики, которые даже и днемъ непріятно было слышать. Въ случаѣ крайности онъ могъ бы держать собаку въ сараѣ, въ Меррипитѣ, но это было

рискованно, и только въ послѣдній день, когда онъ думалъ, что конецъ всѣмъ его трудамъ, онъ рискнулъ это сдѣлать. Тѣсто въ этой жестянкѣ, безъ сомнѣнія, та свѣтящаяся смѣсь, которою онъ мазалъ животное. Его, конечно, навела на эту мысль фамильная легенда объ адской собакѣ и желаніе напугать до смерти старика сэра Чарльза. Неудивительно, что несчастный каторжникъ бѣжалъ и кричалъ (такъ же, какъ и нашъ другъ, и какъ поступили бы и мы сами), когда онъ увидѣлъ, что такая тварь скачетъ во мракѣ болота по его слѣдамъ. Это была хитрая выдумка, потому что какой крестьянинъ осмѣлился бы поближе познакомиться съ такою тварью, увидѣвъ ее мелькомъ на болотѣ, а мы знаемъ, что многіе ее видѣли. Я говорилъ въ Лондонѣ, Ватсонъ, и повторяю теперь, что никогда не вриходилось намъ преслѣдовать человѣка болѣе опаснаго, чѣмъ тотъ, который лежитъ теперь тамъ.

Сказавъ это, Холмсъ простеръ руку по направленію къ громадному пространству трясины, испещренной зелеными пятнами и сливающейся на горизонтѣ съ болотомъ.

XV
Взглядъ назадъ

Былъ конецъ ноября, и мы съ Холмсомъ сидѣли въ сырой туманный вечеръ у пылающаго камина нашей гостиной въ Бекеръ-стритѣ. Мой другъ былъ въ отличномъ расположеніи духа, вслѣдствіе удачнаго разрѣшенія цѣлаго ряда трудныхъ и важныхъ дѣлъ, а потому я могъ навести его на разговоръ о подробностяхъ баскервильскаго дѣла. Я терпѣливо ожидалъ этой удобной минуты, потому что зналъ, что Холмсъ никогда не допуститъ смѣшивать дѣла, и что его ясный и логическій умъ не отвлечется отъ настоящей работы ради воспоминаній о прошломъ. Но сэръ Генри находился съ докторомъ Мортимеромъ въ Лондонѣ, готовясь къ длинному путешествію, которое было предписано для возстановленія его пошатнувшейся нервной системы. Въ этотъ самый день они навѣстили насъ, а потому естественно было навести разговоръ на этотъ предметъ.

— Весь ходъ событій, — сказалъ Холмсъ, — съ точки зрѣнія человѣка, называвшаго себя

Стаплътономъ, былъ простъ и прямолинеенъ, хотя намъ, не знавшимъ вначалѣ мотивовъ его дѣйствій и познакомившимися только съ нѣкоторыми фактами, все казалось чрезвычайно сложнымъ. Мнѣ удалось два раза говорить съ миссисъ Стаплътонъ, и въ настоящее время дѣло вполнѣ выяснилось, и я не думаю, чтобы для насъ оставалась туть еще какая-нибудь тайна. Вы найдете нѣсколько замѣтокъ объ этомъ дѣлѣ подъ литерою Б въ моемъ спискѣ дѣлъ.

— Не будете ли вы добры сдѣлать мнѣ на словахъ очеркъ теченія событій въ этомъ дѣлѣ?

— Конечно, я могу это сдѣлать, хотя не ручаюсь, чтобы всѣ факты сохранились у меня въ памяти. Усиленная умственная сосредоточенность имѣетъ куріозное взіяніе на мозгъ, вычеркивая изъ него то, что прошло. Однако же, въ томъ, что касается случая съ "собакою", я передамъ вамъ ходъ событій по возможности точно, а вы мнѣ напомните, если я что позабуду.

— Мои разслѣдованія доказали безъ всякаго сомнѣнія, что фамильный портретъ не солгалъ и что этотъ молодецъ въ дѣйствительности Баскервиль. Онъ былъ сыномъ того Роджера Баскервиля, младшаго брата сэра Чарльза, который бѣжалъ съ запятнанною репутаціею въ Южную

Америку, гдѣ и умеръ, какъ полагали, холостымъ. Въ дѣйствительности же онъ женился и имѣлъ одного сына, того самаго молодца, настоящее имя котораго такое же, какъ и имя его отца. Этотъ молодецъ женился на Берилѣ Гарціа, одной изъ красавицъ Коста-Рики и, расхитивъ значительную сумму общественныхъ денегъ, перемѣнилъ свое имя на Ванделеръ и бѣжалъ въ Англію, гдѣ основалъ школу въ восточной части Іоркшира. Причина, вслѣдствіе которой онъ взялся именно за такого рода дѣло, заключалась въ томъ, что, во время путешествія, онъ познакомился съ однимъ чахоточнымъ учителемъ и воспользовался опытностью этого человѣка для успѣшнаго веденія предпріятія. Фрезэръ, учитель, однако же, умеръ, и школа, хорошая въ началѣ, стала падать и пріобрѣла дурную репутацію, а затѣмъ даже и позорную. Ванделеръ нашелъ удобнымъ перемѣнить свое имя на имя Стапльтонъ и перенесъ остатки своего состоянія, свои планы на будущее и любовь къ энтомологіи на югъ Англіи. Я узналъ въ Британскомъ музеѣ, что онъ былъ признаннымъ авторитетомъ въ этой наукѣ и что одной ночной бабочкѣ, которую онъ первый описалъ во время своего пребыванія въ Іоркширѣ, было дано названіе Ванделеръ.

— Теперь мы дошли до той части его жизни, которая оказалась столь интересною для насъ. Молодецъ этотъ, очевидно, навелъ справки и узналъ, что только двѣ жизни стоятъ между нимъ и цѣннымъ помѣстьемъ. Я думаю, что когда онъ отправился въ Девонширъ, планы его были крайне туманны, но что у него были съ самаго начала злыя намѣренія, очевидно изъ того, что онъ взялъ съ собою жену въ качествѣ сестры. Мысль пользоваться ею, какъ приманкою, была уже ясно выработана у него въ умѣ, хотя онъ, можетъ быть, и не зналъ еще навѣрное деталей, въ какія выльется его замыселъ. Цѣль его была — получить помѣстье, и онъ готовъ былъ употребить всякое оружіе и идти на всякій рискъ ради достиженія этой цѣли. Первымъ его дѣйствіемъ было поселиться какъ можно ближе къ жжилищу своихъ предковъ, а вторымъ — завязать дружескія отношенія съ сэромъ Чарльзомъ Баскервилемъ и съ сосѣдями.

— Самъ баронетъ разсказалъ ему легенду о фамильной собакѣ и тѣмъ самымъ приговорилъ себя къ смерти. Стапльтонъ, какъ я буду продолжать называть его, зналъ, что у старика было плохое сердце и что сильное потрясеніе можетъ убить его. Это онъ слышалъ отъ доктора Мор-

тимера. Онъ слышалъ также, что сэръ Чарльзъ былъ суевѣренъ и придавалъ серіозное значеніе мрачной легендѣ. Его изобрѣтательный умъ тотчасъ же сообразилъ, какимъ путемъ можно убить баронета и такъ, чтобы невозможно было приписать его смерть дѣйствительному убійцѣ.

— Возымѣвъ эту идею, онъ принялся крайне тонко осуществлять ее. Обыкновенный человѣкъ удовольствовался бы просто свирѣпой собакой. Желаніе же придать ей видъ дьявольскаго существа было проблескомъ генія съ его стороны. Онъ купилъ собаку въ Лондонѣ у Росса и Мангльса на Фульгамъ-родѣ. Это была самая сильная и самая свирѣпая изъ имѣвшихся у нихъ собакъ. Онъ привезъ ее по сѣверной линіи и сдѣлалъ съ нею большой путь пѣшкомъ по болоту, чтобы привести ее домой незамѣтно. Въ своей охотѣ на насѣкомыхъ, онъ уже научился проникать въ Гримпенскую трясину и, такимъ образомъ, нашелъ надежное мѣсто, гдѣ спрятать свою собаку. Тутъ онъ посадилъ ее на цѣпь и ждалъ удобнаго случая.

— Но время проходило, а случай не представлялся. Старика нельзя было заманить ночью за предѣлы его владѣній. Нѣсколько разъ Стапльтонъ подстерегалъ его въ засадѣ вмѣстѣ со своею

собакою, но безъ всякаго результата. Во время этихъ-то безплодныхъ поисковъ, — его или, вѣрнѣе, его союзника видѣли крестьяне, чѣмъ легенда о дьявольской собакѣ получила новое подтвержденіе. Онъ надѣялся, что жена его завлечетъ сэра Чарльза въ западню, но тутъ она неожиданно оказалась независимою. Она не могла согласиться вовлечь старика въ сантиментальную привязанность съ тѣмъ, чтобы предать его врагу. Ни угрозы, ни даже, увы! удары не могли ее убѣдить. Она не хотѣла ни во что вмѣшиваться, и Стапльтонъ сталъ на время втупикъ.

Онъ нашелъ выходъ изъ своихъ затрудненій въ томъ, что сэръ Чарльзъ, привязавшись къ нему, сдѣлалъ его посредникомъ въ помощи, которую оказывалъ несчастной Лаурѣ Ляйонсъ. Выдавая себя за холостого, Стальптонъ пріобрѣлъ большое вліяніе на нее и далъ ей понять, что если она получитъ разводъ отъ мужа, то онъ женится на ней. Вдругъ оказалось, что его планы должны быть немедленно приведены въ исполненіе, потому что онъ узналъ, что сэръ Чарльзъ, по совѣту доктора Мортимера, съ которымъ онъ самъ, какъ будто, соглашался, долженъ былъ покинуть голль. Ему приходилось не терять ни одной минуты, иначе жертва могла очутиться

внѣ его власти. Поэтому онъ произвелъ давленіе на миссисъ Ляйонсъ, чтобы она написала письмо, въ которомъ умоляла бы старика дать ей возможность поговорить съ нимъ вечеромъ наканунѣ своего отъѣзда въ Лондонъ. Затѣмъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, онъ отговорилъ ее идти на свиданіе и, такимъ образомъ, добился случая, котораго ожидалъ.

Возвратившись вечеромъ изъ Кумбъ-Трасея, онъ имѣлъ еще время достать свою собаку, намазать ее своимъ адскимъ составомъ и привести ее къ калиткѣ, у которой онъ зналъ, что старикъ будетъ ждать. Собака, побуждаемая своимъ хозяиномъ, перепрыгнула черезъ калитку и преслѣдовала несчастнаго баронета, который съ криками бѣжалъ внизъ по аллеѣ. И, право, страшное должно было быть то зрѣлище, когда въ мрачномъ туннелѣ громадная черная тварь съ огненною пастью и пламенными глазами скакала за своею жертвою. Старикъ палъ мертвымъ въ концѣ алеи отъ паралича сердца и ужаса. Собака бѣжала по заросшей травою полосѣ, а баронетъ по дорожкѣ, потому и видны были только слѣды человѣческихъ ногъ. Видя, что онъ лежигь, собака подошла, вѣроятно, къ нему, обнюхала его и, убѣдившись, что онъ мертвый, вернулась

назадъ. Тогда-то она и оставила слѣды своихъ лапъ, замѣченные докторомъ Мортимеромъ. Собака была отозвана и поспѣшно водворена въ свое логовище въ центрѣ Гримпенской трясины, и осталась тайна, надъ которой власти ломали голову, которая напугала окрестныхъ жителей и, наконецъ, привела дѣло въ сферу нашихъ наблюденій.

— Вотъ и все, что касается смерти сэра Чарльза Баскервиля. Вы замѣчаете, какая тутъ была употреблена дьявольская хитрость, такъ какъ въ дѣйствительности почти немыслимо было возбудить дѣло противъ истиннаго убійцы. Единственнымъ его соучастникомъ было существо, которое не могло выдать, и безсмысленность, непостижимость характера этой выдумки дѣлала ее еще болѣе надежною. Обѣ женщины, замѣшанныя въ этомъ дѣлѣ, миссисъ Стаяльтонъ и миссисъ Лаура Ляйонсъ, имѣли сильныя подозрѣнія противъ Стаплтона. Миссисъ Стаплтонъ знала, что онъ имѣлъ замыслы противъ старика, и ей также было извѣстно существованіе собаки. Миссисъ Ляйонсъ не знала ни того, ни другого, но на нее произвела впечатлѣніе смеріъ, случившаяся какъ разъ въ минуту назначеннаго и неотмѣненнаго ею свиданія, о которомъ было

извѣстно одному только Стаплътону. Но обѣ находились подъ его вліяніемъ, и ему нечего было ихъ бояться. Первая половина его задачи была удачно выполнена, но оставалось осуществить еще самую трудную ея часть.

— Возможно, что Стаплътонъ и не зналъ о существованіи наслѣдника въ Канадѣ. Во всякомъ случаѣ, онъ очень скоро узналъ о немъ отъ своего друга доктора Мортимера, который передалъ ему и всѣ подробности, относившіяся къ пріѣзду сэра Генри Баскервиля. Прежде всего Стаплътону пришло въ голову, что съ этимъ молодымъ канадцемъ можно, пожалуй, покончить въ Лондонѣ, не давъ ему вовсе возможности пріѣхать въ Девонширъ. Онъ не довѣрялъ своей женѣ съ тѣхъ поръ, какъ она отказалась поставить ловушку старику, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ боялся надолго оставить ее безъ себя, изъ опасенія утратить свое вліяніе надъ нею. Вотъ почему онъ взялъ ее съ собою въ Лондонъ. Я узналъ, что они остановились въ отелѣ Мексборо, въ Кравенъ-стритѣ, вошедшемъ въ число тѣхъ отелей, которые посѣтилъ мой агентъ въ поискихъ за доказательствами. Тутъ Стаплътонъ держалъ свою жену взаперти, пока самъ, съ приставною бородою, слѣдилъ за докторомъ Мортимеромъ до Бекеръ-стрита, затѣмъ до

станціи и до Нортумберландскаго отеля. Его жена почуяла что-то изъ его плановъ; на она питала такой страхъ къ своему мужу, страхъ, основанный на жестокомъ обращеніи, что не смѣла написать сэру Генри, чтобы предупредить его о грозившей ему опасности. Если бы письмо попало въ руки Стапльтона, то и ея жизнь оказалась бы въ опасности. Наконецъ, она, какъ мы знаемъ, прибѣгла къ способу вырѣзать изъ газеты слова и составить изъ нихъ посланіе; для адреса же она поддѣлала свой почеркъ. Письмо дошло до баронета, и онъ, такимъ образомъ, получилъ первое предостереженіе о грозившей ему опасности.

— Для Стальптона было крайне важно добыть какую-нибудь часть одежды сэра Генри, чтобы въ случаѣ, если ему придется пользоваться собакою, онъ могъ бы всегда пустить ее по его слѣду. Съ свойственною ему быстротою и дерзостью онъ сразу же устроилъ это дѣло, и мы не можемъ сомнѣваться, что горничная отеля была щедро подкуплена, если она помогла ему исполнить его намѣреніе. Однако жъ, случилось такъ, что первый добытый для него сапогъ былъ новый, а слѣдовательно непригодный для его цѣли. Онъ вернулъ его и получилъ другой. Это былъ очень поучительный инцидентъ, такъ какъ оконча-

тельно доказалъ мнѣ, что мы имѣемъ дѣло съ настоящею собакою, потому что никакое другое предположеніе не могло объяснить непремѣннаго желанія получить именно старый, а не новый сапогъ. Чѣмъ безсмысленнѣе и смѣшнѣе инцидентъ, тѣмъ тщательнѣе слѣдуетъ его анализировать, и то обстоятельство, которое какъ будто усложняетъ дѣло, оказывается самымъ пригоднымъ для его разъясненія, только нужно его должнымъ образомъ и научно разслѣдовать.

— Затѣмъ на слѣдующее утро насъ посѣтили наши друзья, и за ними продолжалъ слѣдить Стальптонъ, сидя въ кэбѣ. Изъ его знакомства съ нашимъ помѣщеніемъ и съ моею наружностью, а также изъ всего его поведенія, я склоненъ вывести заключеніе, что преступная карьера Стаплтона далеко не ограничивается баскервильскимъ дѣломъ. Многозначителенъ тотъ фактъ, что за послѣдніе три года на западѣ были совершены четыре значительныя наглыя кражи со взломомъ, и ни въ одномъ изъ этяхъ четырехъ случаевъ виновный не былъ арестованъ. Послѣдняя изъ нихъ, совершенная въ маѣ въ Фолгкстонъ-Кортѣ, замѣчательна хладнокровнымъ убійствомъ изъ револьвера полицейскаго, заставшаго замаскированнаго одинокаго вора.

Я не могу сомнѣваться въ томъ, что Стапльтонъ добывалъ такимъ образомъ недостающія ему средства къ жизни, и что въ теченіе многихъ лѣтъ онъ былъ отчаяннымъ и опаснымъ человѣкомъ.

— Мы имѣли образчикъ его находчивости въ то утро, когда онъ такъ удачно скрылся отъ насъ, а также его дерзости, когда онъ сдѣлалъ мнѣ вызовъ, давъ кучеру мое собственное имя. Съ этой минуты онъ понялъ, что я взялся за это дѣло въ Лондонѣ, и что потому здѣсь ему нечего ожидать успѣха. Онъ вернулся въ Дартмутъ и сталъ ожидать пріѣзда баронета.

— Постойте, — сказалъ я, — вы безспорно правильно передали послѣдовательный ходъ событій, но есть одинъ пунктъ, который вы оставили неразъясненнымъ.

— Что сталось съ собакою, когда ея хозяинъ былъ въ Лондонѣ?

— Я обратилъ вниманіе на этотъ вопросъ, и онъ, конечно, имѣетъ нѣкоторое значеніе. Не можетъ быть сомнѣнія, что Стальптонъ имѣлъ повѣреннаго, хотя врядъ ли онъ отдавалъ себя въ его власть, знакомя его со всѣми своими планами. Въ Меррипитъ-гаузѣ находился старый слуга по имени Антони. Его связь съ Стапльтонами можетъ быть прослѣжена за нѣсколько лѣтъ, —

до самаго того времени, когда они содержали школу, такъ что онъ долженъ былъ знать, что его господинъ и госпожа — мужъ и жена. Человѣкъ этотъ исчезъ. Многозначителенъ тотъ фактъ, что Антони необычное имя въ Англіи, между тѣмъ какъ Антоніо — имя очень распространенное во всѣхъ испанскихъ и испано-американскихъ странахъ. Этотъ человѣкъ, такъ же, какъ и миссисъ Стаплътонъ, говорилъ хорошо по-англійски, но съ какимъ-то страннымъ акцентомъ. Я самъ видѣлъ, какъ этотъ человѣкъ шелъ черезъ Гримпеяскую трясину по тропинкѣ, отмѣченной Стаплътономъ. Поэтому весьма вѣроятно, что въ отсутствіе хозяина онъ заботился о собакѣ, хотя могъ и не знать, для какой цѣли содержится это животное.

— Затѣмъ Стаплътоны вернулись въ Девонширъ, куда вскорѣ поѣхали и вы съ сэромъ Генри. Теперь скажу нѣсколько словъ о томъ, что я дѣлалъ въ то время. Вы, можетъ быть, помните, что когда я разсматрнвалъ бумагу, на которой были наклеены печатныя слова, то тщательно изслѣдовалъ водяной знакъ. Дѣлая это, я держалъ бумагу близко къ глазамъ и почувствовалъ легкій запахъ духовъ бѣлаго жасмина. Существуетъ семьдесятъ пять сортовъ духовъ, которые экг-

нертъ по разслѣдованію преступленій долженъ непремѣнно умѣтъ различать, и многія дѣла, по моимъ свѣдѣніямъ, не разъ зависѣли отъ быстраго узнаванія сорта духовъ. Запахъ духовъ заставилъ меня подумать объ участіи въ этомъ дѣлѣ дамы, и мои мысли уже направились къ Стапльтонамъ. Такимъ образомъ я убѣдился въ существованіи собаки и догадался — кто преступникъ прежде, чѣмъ мы отправились на западъ.

— Моимъ дѣломъ было слѣдить за Стапльтономъ. Но, очевидно, я не могъ бы этого исполнить, если бы находился съ вами, такъ какъ тогда онъ былъ бы насторожѣ. Поэтому я обманулъ всѣхъ, въ томъ числѣ и васъ, и пріѣхалъ въ Девонширъ, между тѣмъ какъ всѣ думали, что я въ Лондонѣ. Я не такъ бѣдствовалъ, какъ вы воображали, хотя такія пустяшныя подробности никогда не должны входить въ счетъ при разслѣдованіи дѣла. Большую часть времени я жилъ въ Кумбъ-Трасеѣ и только тогда пользовался хижиною на болотѣ, когда необходимо было быть по близости мѣста дѣйствія. Со мною пріѣхалъ Картрайтъ и, переодѣтый деревенскимъ мальчикомъ, былъ очень полезенъ мнѣ. Его обязанностью было заботиться о моемъ пропитаніи и чистомъ бѣльѣ. Пока я слѣдилъ за Стапльтономъ; Картрайтъ часто слѣдилъ

за вами, такъ что я сразу зналъ обо всемъ.

— Я уже говорилъ вамъ, что ваши донесенія доходили до меня очень быстро, такъ какъ ихъ немедленно пересылали изъ Бекеръ-стритъ въ Кумбъ-Трасей. Они были очень полезны мнѣ и въ особенности случайно вѣрный отрывокъ изъ біографіи Стаплтона. Я могъ возстановить подлинность какъ мужа, такъ и жены, и узналъ, наконецъ, въ точности, чего мнѣ было держаться. Дѣло значительно усложнилось инцидентомъ съ бѣглымъ каторжникомъ и его родствомъ съ Барриморами. И это вамъ удалось прекрасно выяснить, хотя я уже пришелъ къ тому же заключенію, благодаря своимъ собственнымъ наблюденіямъ.

— Къ тому времени, когда вы нашли меня на болотѣ, я уже вполнѣ былъ знакомъ со всѣми обстоятельствами, только у меня не было въ рукахъ дѣла, которое я могъ бы представить въ судъ присяжныхъ. Даже покушеніе Стаплтона на жизнь сэра Генри въ ту ночь, когда погибъ несчастный каторжникъ, не много намъ помогло для доказательства замышляемаго противъ нашего кліента убійства. Не оставалось другого выхода, какъ схватить убійцу на мѣстѣ преступленія, а для этого намъ нужно было пустить сэра

Генри какъ приманку, одного, и повидимому, безъ-защитнаго. Мы такъ и сдѣлали и цѣною сильнаго потрясенія, нанесеннаго нашему кліенту, намъ удалось закончить дѣло и довести Стапльтона до погибели. Я долженъ признаться, что можно поставить въ упрекъ моему веденію дѣла то, что я подвергъ сэра Генри такому испытанію, но мы не имѣли возможности предвидѣть страшнаго и потрясающаго зрѣлища. которое представила собака, а также не могли предвидѣть тумана, который далъ ей возможность неожиданно выскочить на насъ. Мы достигли своей цѣли цѣною, которую оба врача — и спеціалистъ и докторъ Мортимеръ — положительно считаютъ преходящею. Длинное путешествіе дастъ возможность нашему другу не только укрѣпить расшатанные нервы, но излѣчитъ и сердечныя раны. Его любовь къ миссисъ Стапльтонъ была глубока и искренна, и для него самою печальною стороною этого мрачнаго дѣла является тотъ фактъ, что онъ былъ обманутъ ею.

— Остается мнѣ только указать, какую роль она играла во всемъ этомъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что Стапльтонъ имѣлъ на нее вліяніе, которое можно объяснить или любовью или страхомъ, а можетъ быть и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, такъ какъ,

эти оба чувства вполнѣ совмѣстимы. Во всякомъ случаѣ вліяніе его было вполнѣ дѣйствительное. По его приказанію она согласилась слыть за его сестру, хотя его власти надъ нею были положены границы, когда онъ пытался сдѣлать изъ нея прямую пособницу въ убійствѣ. Она готова была предостерегать сэра Генри настолько, насколько могла, не выдавая своего мужа, и она не разъ пробовала это дѣлать. Самъ Стаплтонъ какъ будто былъ способенъ ревновать и когда увидѣлъ, что баронетъ ухаживаетъ за его женою, хотя это и входило въ его планы, онъ не могъ не прервать этого ухаживанія страстною вспышкою, обнаружившей пламенную душу, которую онъ такъ умѣло скрывалъ подъ своимъ самообладаніемъ. Поощряя дружескія отношенія, Стаплтонъ былъ увѣренъ, что сэръ Генри будетъ часто приходить въ Меррипить-гаузъ и что рано или поздно онъ дождется желаемаго удобнаго случая. Но когда насталъ критическій моментъ, жена вдругъ возстала противъ него. Она кое-что прослышала о смерти бѣглаго каторжника и знала, что собака будетъ заперта въ сарай въ тотъ вечеръ, когда сэръ Генри долженъ былъ придти обѣдать. Она обвинила мужа въ замышляемомъ убійствѣ, а затѣмъ послѣдовала дикая сцена, во время которой

онъ впервые сказалъ ей, что у нея есть соперница въ его любви. Ея вѣрность сразу превратилась въ сильную ненависть, и онъ увидѣлъ, что она непремѣнно выдастъ его. Поэтому онъ связалъ ее, чтобы лишить возможности предостеречь сэра Генри, и надѣялся, конечно, что когда вся страна припишетъ смерть баронета родовому проклятію (что непремѣнно должно было случиться), — онъ снова одержитъ побѣду надъ женою, заставивъ ее примириться съ совершимся фактомъ и хранить молчаніе относительно всего, что она знаетъ. Мнѣ кажется, что въ этомъ отношеніи онъ ошибался въ разсчетѣ и еслибы насъ даже и не было на мѣстѣ, его приговоръ все-таки былъ бы подписанъ. Женщина съ испанскою кровью въ жилахъ не такъ легко прощаетъ подобное оскорбленіе. А теперь, милый Ватсонъ, я не могу, не прибѣгая къ своимъ замѣткамъ, дать вамъ болѣе подробный отчетъ объ этомъ любопытномъ дѣлѣ. Мнѣ кажется, что ничего важнаго не осталось необъясненнымъ.

— Онъ не могъ надѣяться напугать сэра Генри до смерти своею собакою-привидѣніемъ, какъ онъ это сдѣлалъ со старикомъ-дядею.

— Животное было свирѣпое и голодное. Если бы его появленіе и не испугало жертвы до смерти,

то оно по крайней мѣрѣ лишило бы ее всякой способности къ отпору.

— Безъ сомнѣнія. Остается еще одинъ вопросъ. Если бы Стаплътону удалось получить наслѣдство, какимъ образомъ объяснилъ бы онъ тотъ фактъ, что онъ, наслѣдникъ, жилъ такъ близко отъ помѣстья, скрываясь подъ чужимъ именемъ? Клкимъ образомъ могъ бы онъ заявить свои права на наслѣдство, не возбудивъ подозрѣнія и слѣдствія?

— Онъ быль бы въ страшномъ затрудненіи, и я боюсь, что вы слишкомъ много требуете отъ меня, если ожидаете, что я разрѣшу этотъ вопросъ. Прошлое и настоящее входятъ въ область моихъ разслѣдованій, но какъ человѣкъ можетъ поступить въ будущемъ на это очень трудно отвѣтить. Миссисъ Стаплътонъ говоритъ, что ея мужъ не разъ обсуждалъ эту дилемму. Изъ нея можно было бы выйти тремя способами. Стаплътонъ могъ, удостовѣривъ подлинность своей личности въ Южной Америкѣ, оттуда требовать свое наслѣдство, не пріѣзжая въ Англію; или же онъ могъ прибѣгнуть къ искусному переряженію на короткое время, которое ему необходимо было бы пробыть въ Лондонѣ; или же, наконецъ, онъ могъ добыть себѣ соучастника. которому онъ передалъ

бы всѣ доказательства своей личности и бумаги и выдалъ бы его за наслѣдника, выговоривъ себѣ за это извѣстную часть дохода. Изъ того, что мы знаемъ о немъ, мы не можемъ сомнѣваться, что онъ, тѣмъ или инымъ путемъ, вышелъ бы изъ затрудненія. А теперь, милый Ватсонъ, мы провели нѣсколько недѣль въ тяжелой работѣ, и я думаю, что на одинъ вечеръ мы можемъ обратить свои мысли на болѣе пріятные предметы. У меня есть ложа на "Гугеноты". Слыхали ли вы Решке? Могу я васъ попросить быть готовымъ черезъ полчаса, и мы, до оперы, пообѣдаемъ въ ресторанѣ Марцини.

КОНЕЦЪ.